

Серия «Литературоведение и языкознание»

А.А.Молчанов

Посланцы погибших цивилизаций

/Письмена древней Эгеиды/

Ш 1
М 761

• НАУКА •

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Серия «Литературоведение и языкознание»

Основана в 1978 году

Ш1
М761

А. А. Молчанов

ПОСЛАНЦЫ ПОГИБШИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

(Письмена древней Эгеиды)

МОСКВА «НАУКА»

1992

ББК 81.02-8
М75

Ответственный редактор
доктор филологических наук
В. П. НЕРОЗНАК

Рецензенты:
доктор филологических наук Л. А. ГИНДИН,
доктор исторических наук П. Я. МЕРПЕРТ

Редактор издательства Т. М. СЕРИПОВА

921954

ОТДЕЛ
АВТОРЕЦЕНЗЕНТОВ

МАГАДАНСКАЯ
областная библиотека
им. А. С. Пушкина

Молчанов А. А. Посланцы погибших цивили-
М75 заций: Письмена древней Эгеиды.— М.: Наука,
1992.— 192 с.— (Серия «Литературоведение и
языкознание»).

ISBN 5-02-011043-4

Не ослабевает читательский интерес к прошлому на-
родов, стоявших у истоков античной, а тем самым и на-
шей собственной цивилизации. Загадочные тексты
II тысячелетия до н. э. с о-ва Крит и из материковой
Греции долгое время не поддавались дешифровке. Ныне
они дают уникальную информацию о первых цивилиза-
циях на территории Европы — минойской и микенской,
смутные воспоминания о которых сохранились в ан-
тичных мифах. В книге показан процесс работы с па-
мятниками забытых письменностей, излагаются резуль-
таты многолетних исследований автора по этой тематике.

Для широкого круга читателей.

М 4603020300—017
042(02)—91 102-91, НП

ББК 81.02-8

ISBN 5-02-011043-4

© Издательство «Наука», 1992

От редактора

Среди многих загадок истории человечества пылешего широкого читателя едва ли не более всех других волнуют те, что связаны с проблемами прочтения и интерпретации памятников давно забытых систем письма, методики работы с ними, оценки конечных итогов подобных научных разысканий лингвистов и историков. Не ослабевает и читательский интерес к прошлому народов, стоявших у истоков античной, а тем самым и нашей собственной цивилизации. Сюжетика богатейшей эллинской мифологии, впитавшей в себя множество сказаний сакрального и эпического характера, созданных еще более ранними, чем греки, обитателями юга Балканского полуострова и прилегающих островов Эгейского бассейна, также неизменно привлекает современную читающую публику. Все эти темы затрагиваются в предлагаемой книге. Автор подробно и на ярких конкретных примерах показывает методы дешифровки памятников письменностей эгейского круга II тыс. до н. э., таких, как критская иероглифика, линейное письмо В греков-ахейцев, кипро-минойское слоговое письмо, письменность Фестского диска (минойский ператический силлабарий). Рассказывает он также о возникновении и развитии самых ранних систем письма на территории Европы.

Обильный лингвистический и филологический (в широком смысле) материал, подкрепленный сведениями нарративных исторических источников, составляет основу тех исследований, результаты которых отражены в данной книге и поданы здесь в доступной для широкого читателя форме. Тот же, кому захочется в дальнейшем получить более полную информацию по какому-либо из затронутых вопросов, найдет все необходимые ему ссылки на отечественную и иностранную специальную научную литературу.

Достижения ученых, работающих с древними текстами Балкано-Малоазийского региона, несомненно немалые. Среди тех, кто внес сюда заметный вклад, и А. А. Молчанов. В последние полтора десятилетия именно он набро-

лее активно и плодотворно трудится над прочтением и интерпретацией памятников письменности Крита первой половины II тыс. до н. э., оставленных нам древнейшей на территории Европы минойской цивилизацией. Еще не так давно автор представляемой читателю книги мог лишь высказывать надежду, что с течением времени «углубленное изучение уже известных надписей минойцев позволит прочно встать на ноги новой научной дисциплине — минойстике»*. Ныне эти ожидания успешно оправдываются, причем в первую очередь в результате исследований самого А. А. Молчанова.

* Молчанов А. А. Таинственные письма первых европейцев. М., 1980. С. 107.

Глава 1. Научная сенсация и древние предания

Казалось, ничто не предвещало того, что этот день станет столь важной датой в истории изучения прошлого парода, стоявшего у колыбели европейской цивилизации. В летний сезон 1908 г. итальянская археологическая экспедиция, с середины 80-х годов предыдущего столетия работавшая в южной части греческого острова Крит, вела раскопки царского дворца на акрополе древнего города Феста. Вечером 3 июля участник экспедиции Луиджи Пернье, исследуя культурный слой в одном из подсобных дворцовых помещений, обнаружил вместе с табличкой, написанной известным уже тогда ученым критским линейным письмом — так называемым линейным А, замечательный образец неведомой дотоле письменности.

Это был небольшой по размерам диск из хорошо обожженной глины, имевший диаметр 15,8—16,5 см и толщину 1,6—2,1 см. Сформованный от руки без помощи гончарного круга, он имел форму геометрически не совсем правильную. С обеих сторон его покрывала подобно причудливому узору спирально идущая надпись, составленная из множества аккуратно нанесенных на керамическую поверхность рисуночных знаков. Знаки эти объединялись в группы, выделенные прямоугольными рамками, или, точнее, заключенные в отдельные ячейки. Богатая древностями земля Крита подарила исследователям новый уникальный памятник и одновременно загадала очередную загадку, причем пока самую трудную¹.

Фестский диск сразу же породил массу вопросов, оставшихся без ответа. И первым из этих вопросов был, конечно, вопрос о его происхождении. Специалисты ломали головы над тем, где находилось место изготовления таинственного диска: на самом острове или за его пределами? Ясно было только одно: в свете имевшихся к моменту его обнаружения в распоряжении ученых данных не приходилось сомневаться, что этот памятник в принципе вполне мог появиться на Крите.

Античные авторы сохранили сведения о могучей критской державе царя Миноса, силе ее флота, когда-то безраздельно господствовавшего в водах Восточного Средиземноморья, мудром законодательстве критян, послужившем, в частности, образцом для законодательства одного из самых известных государств Древней Греции I тысячелетия до н. э. — прославленной Спарты.

По словам «отца истории» Геродота, Минос, установив свое владычество на Эгейском море, подчинил своей власти многочисленные острова, покоренные жители которых принуждены были служить гребцами на быстроходных критских кораблях, и затем совершил поход в далекую Сицилию². Величайший древнегреческий историк Фукидид сообщает, что на многих из завоеванных островов Миносом были основаны колонии критян, причем управление ими поручалось царским сыновьям, а для обеспечения безопасности морских торговых путей велась активная борьба с процветавшим до того пиратством³.

Глубоко врезавшиеся в народную память эллинов представления о могуществе владык Крита и отдельные эпизоды сложных и разнообразных взаимоотношений их с обитателями греческого материка и других областей Восточного Средиземноморья, иногда дружественных или даже родственных, а иногда и резко враждебных, отразились во многих передававшихся из поколения в поколение исторических преданиях и стихотворных эпических сказаниях⁴.

Следующие строки посвятил Криту в «Одиссее» гениальный Гомер:

Остров есть Крит посреди виноцветного моря, прекрасный,
Тучный, отсюда объятый водами, людьми пзобильный;
Там девятьюсто они городов населяют великих.
Разные слышатся там языки: там находишь ахейя
С первоплеменной породой воинственных критян; кидоны
Там обитают, дорийцы кудрявые, племя пеласгов,
В городе Кноссе живущих. Минос управлял им в то время,
В девятилетие раз общаясь с великим Зевесом...⁵

В другой бессмертной гомеровской поэме — «Илиаде» — о вступе легендарного Миноса, предводительствовавшего во время знаменитой Троянской войны восемьдесятю кораблями с Крита, говорится:

Там, среди критских дружин, возвышается, богу подобный,
Идомей, и при нем предводители критян толнятся...
Критян же Идомей предводил, знаменитый копейщик;
В Кноссе живущих мужей, в укрепленной стенами Гортине,
Ликт населявших, Милет, и град белокаменный Ликаст,

Ритий обширный и Фест, многолюдные, славные грады,
И других, населяющих Крита стоградного земли,
Был предводителем Идомей, знаменитый копейщик...⁶

Многим хорошо знакомы древнегреческие мифы, сюжеты которых тесно связаны с Критом. Древние критские сказания в столь большом количестве сохранялись в памяти греков еще в эллинистическую эпоху, что ученые-мифогграфы александрийской школы III—II вв. до н. э. посвящали им целые объемистые исследования. В частности, к этому времени относятся не сохранившиеся, к сожалению, трактаты «Критская мифология» Динарха и «Критский цикл» Мелекла. Сказания критян занимали заметное место и в общегреческих мифографических сводах, составлявшихся александрийскими филологами. К их числу относится приписываемая Аполлодору (II в. до н. э.) «Библиотека», от которой до нас, по счастью, дошли три первых главы и краткий пересказ остальной части⁷. Вот изложенные вкратце некоторые наиболее популярные из мифов древнего Крита.

Из богов первым правителем мира был Уран. Он был побежден и свергнут собственным сыном Кроном. Опасаясь той же участи, Крон стал пожирать подряд одного за другим всех рождавшихся у него детей. Когда очередь дошла уже до шестого из них, Зевса, мать его Рея поднесла мужу вместо поворожденного сына завернутый в пеленки камень, который и был проглочен не подозревавшим обмана Кроном.

Зевс, появившийся на свет в одной из горных пещер на Крите, был вскормлен здесь молоком чудесной козы Амалтеи (сломаный рог Амалтеи, он же «рог изобилия», способный дать все, что ни пожелаешь, вошел в поговорку), воспитан местными нимфами и жрецами-куретами. Если младенец начинал плакать в своем тайном убежище, куреты, постоянно охранявшие в полном вооружении вход в пещеру, чтобы заглушить его плач, ударяли копытами в щиты. Когда Зевс вырос, он одолел в упорной борьбе своего жестокого отца и, став царем богов, поделил с братьями владычество над миром: ему самому вместе с верховной властью досталось небо, Посейдону — море, Плутону — подземное царство.

Полюбив однажды финикийскую царевну Еврону (древняя страна Финикия располагалась на восточном побережье Средиземного моря, в основном на территории нынешнего Ливана), Зевс явился к ней в образе прекрасного быка, когда она пришла с подружками на берег моря.

Рис. 1. Европа, вливающая на быке на остров Крит. Рисунок на древнегреческой вазе

Прельстившись красотой и кротким нравом животного, мирно улегшегося у ее ног, царица доверчиво уселась ему на спину. Вдруг бык вскочил на ноги и, стремглав бросившись в море, быстро поплыл от берегов Финикии на запад.

Вскоре они достигли острова Крит. Здесь Европа родила от Зевса трех сыновей — Миноса, Сарпедона и Радаманта, которых воспитал как собственных детей повелитель критян Астерий (в действительности *Ἄστέριος*, что по-гречески значит 'звездный', был на Крите эпитетом того же владыки неба Зевса). По имени же Европы, ставшей критской царицей, была названа одна из трех частей света, известных древним грекам, в которой жили они сами и которая лежала к западу от Азии и к северу от Африки. Когда братья выросли и возмужали, возникшее между ними соперничество переросло в открытую войну. В этой войне победителем вышел Минос, а побежденные им Сарпедон и Радамант были изгнаны с острова.

После смерти царя Астерии Минос стал правителем Крита. Получить власть над критянами ему помогло утверждение, что боги могут выполнить любую его просьбу. Желая доказать это, он стал молить владыку моря Посейдона выслать из пучины вод быка, обещая принести

затем это чудо-животное ему в жертву. Но когда бык появился, Миносу стало жаль расставаться с ним и он подменил его при жертвоприношении другим животным. За это разгневанный Посейдон наслал на своего быка бешенство. Позднее этого «критского быка» сумел одолеть величайший герой древнегреческой мифологии Геракл (что составило седьмой из его двенадцати знаменитых подвигов).

Минос не только завладел властью над Критом. Он установил свою талассократию (морское господство) во всем Восточном Средиземноморье. Ему подчинились почти все острова Эгейского моря. Со своим флотом он осадил город Мегары на восточном побережье Средней Греции. Правившему там царю Писсу было предсказано, что он погибнет, когда будет вырван растущий у него на макушке пурпурный волос. Дочь Писса, Скилла, воспылав любовной страстью к Миносу, вырвала у отца из головы заветный волос и тем самым погубила его. Захватив Мегары, Минос приказал стены города разрушить, а предательницу Скиллу утопить в море.

После этого критский флот направился к берегам близлежащей области Аттики, и Минос принялся осаждать ее главный город Афины, мстя его царю Эгею за вероломное убийство своего сына Андрогейя. Побежденный афинский царь был вынужден, подобно жителям Мегар, подчиниться могучему владыке Крита и согласиться выплачивать ему регулярную тяжелую дань.

Прославился Минос не одними своими успешными морскими походами, но и государственной мудростью и справедливостью. Миносу и Радаманту приписывалось создание первых законов для жителей Крита (именно поэтому, как справедливейшие из людей, они, по представлениям древних греков, стали после смерти судьями в подземном царстве Плутона).

В царствование Миноса ни один чужеземный корабль не мог беспрепятственно приблизиться к побережью Крита. Медный гигант Талос каждый день трижды обегал кругом весь остров. Замечая подплывающий к берегу корабль, он бросал огромные камни в непрошенных гостей, а если кто-либо из них осмеливался высадиться на сушу, Талос сначала раскалялся на огне, а потом заключал принельцев в свои губительные объятия. Среди прочих диковни Миносу принадлежали неутомимый в погоне охотничий пес и не знающее промаха копые.

При нем на Крите жил и трудился замечательный

позобретатель, искусный зодчий и прославленный скульптор Дедал, который первым ввел в употребление множество полезных инструментов и других ремесленных повнеств, создал искусство ваияши, построил в столице Миноса, городе Кноссе, знаменитый Лабиринт, представляющий собой грандиозное по масштабам здание с массой запутанных ходов, откуда не мог выбраться никто из вонедних внутрь.

В центре Лабиринта жил чудовищный Минотавр (буквально: 'бык Миноса'), питавшийся человеческим мясом. К нему попадали на съедение те юноши и девушки, которых присылали критскому владыке в качестве дани покоренные города материковой Греции, в частности Афины и Мегары. Желая освободить свой город от столь странной и позорной дани, сын афинского царя Эгей, Тесеи, добровольно отправился на Крит. Здесь его полюбила дочь Миноса, Ариадна. Чтобы спасти Тесея от неминуемой гибели, она дала ему по совету Дедала клубок ниток. Пробираясь по закоулкам Лабиринта, Тесеи разматывал нить, а когда пришел и убил Минотавра, с ее помощью легко отыскал обратную дорогу. Однако плывя домой в Афины, он забыл заменить черные паруса корабля на белые, как у него было заранее условлено с отцом на случай благополучного возвращения. Увидев корабль сына под черными парусами, старик Эгей в отчаянии бросился в море, которое с тех пор стало называться Эгейским. После него афинским царем стал Тесеи, позднее женившийся на другой дочери Миноса, Федре.

Разгневавшись на Дедала за помощь Тесею, Минос заточил его вместе с юным сыном Икаром в Лабиринте. Тогда Дедал смастерил из перьев и воска крылья для себя и для сына, чтобы улететь с Крита. Во время полета Икар неосторожно поднялся слишком высоко, и воск, скреплявший перья, растаял на солнце. Крылья юноши рассыпались, он упал и утонул в волнах моря, получившего от него название Икарский (юго-восточная часть нынешнего Эгейского моря). Дедал же сумел добраться до острова Сицилия, где его радушно принял местный царь по имени Кокал.

Чтобы узнать местопребывание Дедала, Минос придумал хитроумный способ. Он пообещал богатую награду тому, кто сумеет пропустить тонкую нитку через спиральный внутренний ход морской раковины, будучи совершенно уверен, что сделать это будет по силам только Дедалу. Дедал по просьбе Кокала без труда решил эту

Рис. 2. Изображение Минотавра на монете критского города Кносса

Рис. 3. Тесеи с убитым Минотавром. Рисунок на вазе

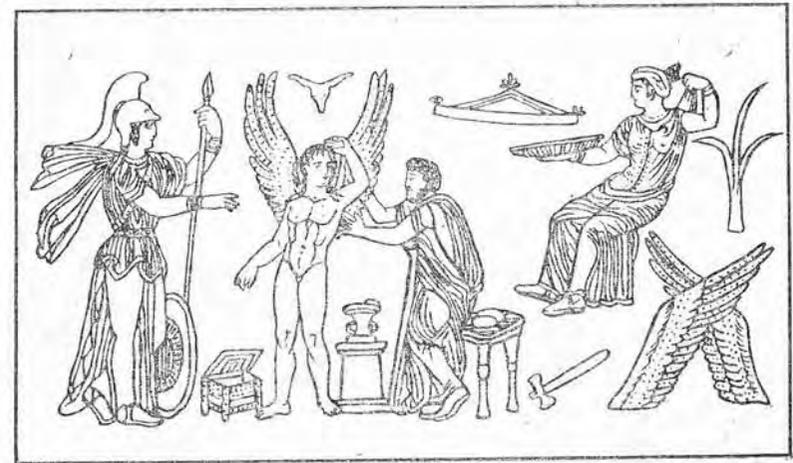

Рис. 4. Дедал и Икар. Рисунок на вазе

задачу, заставив муравья с привязанной к нему ниткой проползти через раковину насквозь. Таким образом, Миносу удалось наконец выяснить, где скрывается беглец, разыскиваемый им, и вскоре его многочисленный флот подошел к сицилийскому городу Камик — столице Кокала. Испуганный Кокал не посмел отказать могущественному владыке Крита в выдаче Дедала. Он принял

Миноса как самого дорогого гостя, но во время купания Минос был коварно умерщвлен дочерьми Кокала, палившимися в ванну крутой кипяток. Флот же критян неожиданно уничтожила сильная буря.

На Крите Миносу наследовал его старший сын Катрей, которому было предсказано, что он будет убит собственным сыном. Единственный сын Катрея, Алтемен, узнав об этом ужасном оракуле и надеясь избежать такого несчастья, переселился с Крита на остров Родос (лежащий у юго-западного побережья полуострова Малая Азия). Со временем состарившийся Катрей захотел передать царскую власть Алтемену и приплыл за ним с Крита на корабле. Но жители Родоса по ошибке приняли прибывших критян за пиратов и напали на них. В завязавшейся схватке брошенное рукой сына копье поразило Катрея насмерть. Узнавшего о совершенном им против воли отцеубийстве и взмолившегося богам Алтемена поглотила расступившаяся земля.

После этого власть над Критом перешла ко второму сыну Миноса, Девкалиону, а затем к сыну Девкалиона, Идомею. Прославившийся во время Троянской войны как храбрый воин и искусный предводитель дружин Идомей вместе со своим племянником Мерионом (сыном Мола, внуком Девкалиона) был одним из главных вождей греческого войска под стенами Трои, после взятия которой он благополучно вернулся на Крит с богатой добычей.

Не только в сообщениях античных историков и древнегреческих мифах сохранились воспоминания о могущественном критском владыке Миносе и его могучей морской державе. По всему Восточному Средиземноморью еще во второй половине I тысячелетия до н. э. — начале I тысячелетия н. э. встречались географические названия, происходящие от имени легендарного царя Миноса. Это весьма многочисленные Минои, известные на Крите, на нескольких островах Эгейского моря, в материковой Греции, на острове Сицилия и побережье Сирии. Таким образом, и данные исторической топонимики красноречиво свидетельствуют о необычайной широте границ сферы военно-политического, а также и торгово-экономического влияния державы Миноса (или Миносов, ибо некоторые древние авторы говорили о том, что критский правитель с таким именем был на самом деле не один⁸). Но окончательное и наиболее полное подтверждение этому дала археология.

Глава 2. Древности Крита

Уже с XV столетия образованные европейские путешественники, посещавшие Крит, обращали внимание на остатки древних сооружений, встречавшиеся в различных частях острова. Однако первые археологические исследования были проведены здесь лишь в 1876 г., когда исполнявший обязанности испанского консула местный житель, причем, что интересно, тезка легендарного критского царя, Минос Калокернос частично раскопал неподалеку от города Гераклион руины огромного здания, в котором побывавший тут в 1881 г. американский ученый Уильям Стигмен узнал знаменитый кносский Лабиринт.

С 1884 г. на южном побережье Крита начала работать экспедиция итальянских археологов. Ее участники Федерико Хальбхер, Паоло Орси, Луиджи Пернье — счастливый первооткрыватель Фестского диска, Луиджи Савионни, а также критянин Георгиос Паспаракис сделали немало важных открытий в Гортине (где была, в частности, обнаружена надпись, содержащая древнейший из известных древнегреческих сводов законов), в Фесте и соседней Агиа-Триаде (там были раскопаны большой и малый дворцы фестских владык), в пещерном святилище горы Иды.

Освобождение Крита от турецкого владычества позволило намного шире развернуть на острове археологические исследования. Особенно большое значение имели многолетние раскопки грандиозного дворца в Кноссе, которые с 1900 г. вел выдающийся английский ученый Артур Эванс. Ему же принадлежит честь подлинного открытия и первой научной систематизации многочисленных и разнообразных памятников древних письменностей Крита, найденных на острове к началу XX в.¹, то есть еще до находки Фестского диска (поэтому при обнаружении диска не приходилось сомневаться, что и вновь открытый памятник теоретически мог быть оставлен теми же создателями, что и другие древнейшие критские надписи).

Дальнейшая работа археологов разных национальностей добавила очень много новых интересных материалов. До начала 1930-х годов продолжал планомерное исследование Кносского дворца А. Эванс. В 1935 г. он завершил публикацию своего капитального труда «Дво-

рею Мипоса в Кноссе» из шести томов², в котором заложены основы периодизации критской культуры бронзового века, получившей по имени легендарного кносского царя наименование минойской. А. Эванс в роли руководителя работ в Кноссе сменил его ученик Джон Пендл-берри — автор вышедшего в 1939 г. важного обобщающего труда «Археология Крита», переведенного впоследствии и на русский язык³.

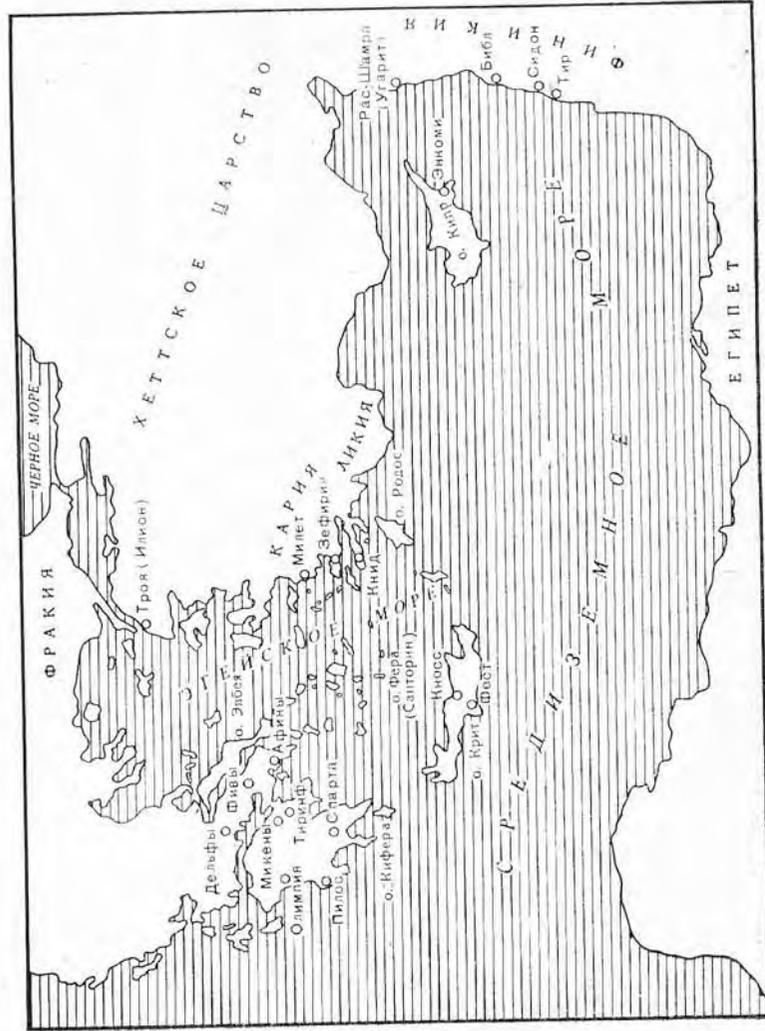
В других частях острова успешно вели раскопки французские археологи Ф. Шапутье, Ж. Шарбонно и П. Демарь (в Маллин), англичане Д. Хогарт, Р. Даункинс и Р. Бозанкье (в Палекастро и Закросе), американки Г. Бойд-Хуэз и Э. Холл (в Гурнии и Врокастро), итальянец Д. Леви (в Фесте), греки И. Хадзидакис, С. Ксантудидис, С. Маринатос, Н. Платон и С. Алексиу (в Тилиссе, долине Мессары, Амнисе, Закросе и Лебене). Важнейшее открытие было сделано в 1967 г. совместно греческим ученым С. Маринатосом и американскими исследователями Дж. Мейвором и Э. Вермель, которые обнаружили на ближайшем к Криту острове Санторине (из группы Кикладских), погребенные под толстым слоем вулканического пепла руины минойского города, погибшего при извержении, — своего рода греческие Помпеи⁴.

Археологическое изучение Крита проводится в довольно больших масштабах и сегодня, причем почти каждый раскопочный сезон приносит новые интересные открытия. И уже накопленные данные позволяют восстановить сейчас довольно полно яркую картину его богатого прошлого⁵.

Впервые человек появился на Крите в неолите — новом каменном веке, примерно в VII тысячелетии до н. э. Народ мореплавателей пришел на необитаемый до того остров с востока, скорее всего с юго-западного побережья полуострова Малая Азия. Позднее оттуда еще не раз будут появляться новые волны переселенцев. В сложение древнейшего населения острова внесут свой вклад также выходцы из Северной Африки, а потом и с юга Балканского полуострова.

Лежащий на перепутье морских дорог, связывающих Европу, Азию и Африку, Крит должен был стать центром коммуникаций Восточного Средиземноморья. Его горы, характерных очертаний, служили надежными ориентирами уже первобытным мореплавателям, направлявшим свои суда от острова к острову, чтобы, це-

Рис. 5. Карта
Восточного
Средиземноморья
во II тыс. до н. э.

возможности не теряя из вида суши, пересекать Эгейское море. По берегам восточной, центральной и южной частей Крита, заселенных пришельцами в первую очередь, имелось множество песчаных отмелей, на которые древним мореходам было удобно вытаскивать свои весельные и парусно-весельные корабли с поднятой кормой и еще более высоким носом (эти отмели в настоящее время не существуют; они исчезли после того, как в результате сильного землетрясения в VI в. н. э. западная часть острова поднялась на несколько метров над уровнем моря, а восточная — наоборот опустилась).

Большие горные массивы с отдельными высокими вершинами, обрывистыми ущельями и многочисленными плоскогорьями занимают основную часть территории острова. С ними соседствуют плодородные долины. Первоначально Крит был весь покрыт густыми лесами. Античные авторы называли его даже родиной кипариса. В течение многих столетий он снабжал строительным лесом корабельные верфи всех прибрежных государств Средиземноморья. Постоянное развитие цивилизации и рост населения на острове сопровождался интенсивным истреблением лесов, но западная часть Крита еще довольно долго оставалась диким лесистым краем, слабо освоенным и заселенным.

Первые поселенцы, обосновавшиеся на Крите, сначала приспособили под жилье многочисленные природные пещеры. Затем кое-где (например, в неолитическом поселении на территории Кносса — будущей столицы Крита) стали возводиться прямоугольные в плане дома из обожженного кирпича. Однако эта строительная техника, занесенная на остров извне, не удержалась надолго в практике местных строителей. Ее сменило возведение стен зданий из сырцового (высушенного на солнце) кирпича, достаточно прочного в климатических условиях острова. Деревянные брусья-связи сообщали возводимым на каменных фундаментах стенам дополнительную крепость, столь необходимую при частых землетрясениях, которым подвержен Крит.

Среди орудий, использовавшихся критянами неолита, главное место занимали острые ножевидные пластинки из обсидиана, а также шлифованные каменные топоры и булавы. Керамическое производство достигло уже некоторых успехов: от этого периода дошли разных типов сосуды и глиняные статуэтки. В повседневном быту жи-

телей острова встречались, кроме того, привозные изделия из Малой Азии и Египта.

На первые века III тысячелетия до н. э. приходится переход на Крите от каменного века к бронзовому. Выработанная еще А. Эвансом и в дальнейшем лишь несколько уточненная хронология минойской культуры Крита эпохи бронзы делит этот важнейший этап истории острова на три больших периода: раннеминойский (около 2800—2000 гг. до н. э.), среднеминойский (около 2000—1600 гг. до н. э.) и позднеминойский (около 1600—1100 гг. до н. э.), каждый из которых подразделяется на отдельные фазы — I, II, III, I A, I B и т. д. Необходимо отметить, что в отличие от других древних культур бронзового века, например, переднеазиатских и египетской, минойская культура на протяжении всего своего существования имела максимально ярко выраженный морской характер, ее становление было теснейшим образом связано с развитием мореплавания и международной торговли.

Важной чертой раннеминойского периода является быстрый рост населения, в частности за счет постоянного притока на Крит новых переселенцев. Возникает множество новых поселений, которые отчетливо группируются по трем обособленным территориальным регионам, соответствующим наметившемуся еще в неолите выделению на острове трех областей с признаками локальных археологических культур — восточной, центральной и южной. Многие населенные пункты в это время тяготеют к побережью, что несомненно связано с имевшим место интенсивным развитием мореходства и рыболовства. Морские сюжеты, среди которых особый интерес представляют изображения кораблей⁶, весьма характерны для раннеминойских критских печатей.

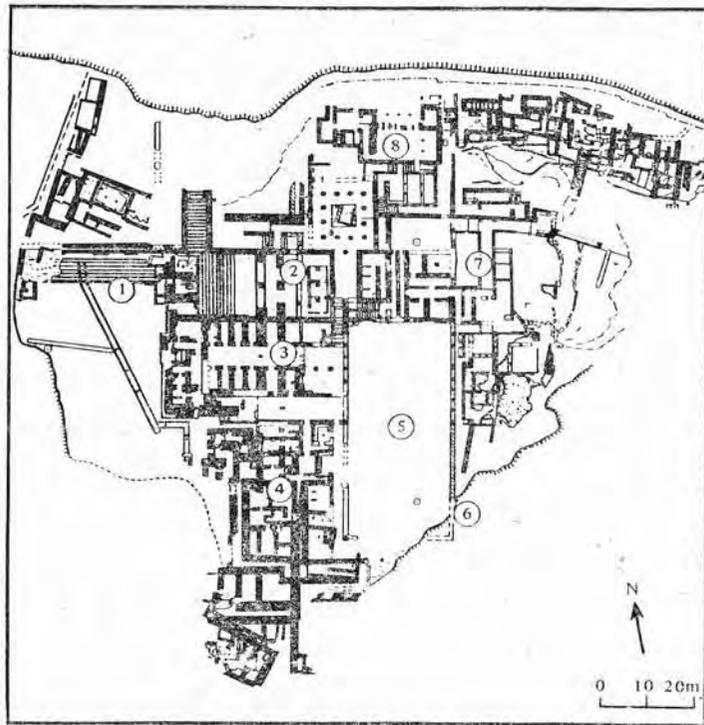
Заметно совершенствуется по сравнению с предшествующей неолитической эпохой архитектура жилых зданий. Хотя основные принципы планировки раннеминойских домов и унаследованы от поздненеолитических построек, она становится в целом намного сложнее. Дома имеют теперь большое количество прямоугольных комнат, часть внутренних помещений в них освещалась с помощью световых колодцев. Некоторые здания были двух- и даже трехэтажными. Они ставились на прочные каменные основания. По-прежнему их стены, сложенные из сырцовых кирпичей, укреплялись дополнительно с помощью деревянных балок (что придавало конструкциям

большую сейсмостойкость — обстоятельство, как уже отмечалось, крайне важное для Крита, всегда страдавшего от периодически случавшихся землетрясений), штукатурились и покрывались цветной обмазкой.

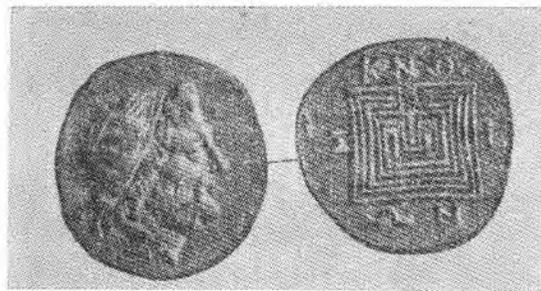
Родовые гробницы, в которых критяне хоронили своих покойников, по планировке имитировали небольшие неолитические жилища. Захоронения в них содержат обильный погребальный инвентарь, состоящий из металлических орудий и оружия (односторонних и двусторонних топоров, треугольных и удлиненной формы кинжалов), прекрасных сосудов из различных пород камня, керамики, золотых и прочих украшений. Часто встречаются в них и печати, искусство резьбы которых, возникнув в начале данного периода, достигает уже к концу его больших успехов.

С наступлением среднеминойского периода открывается новая глава в истории Крита, поскольку оно знаменует собой возникновение на острове первых в Европе государственных образований с рабовладельческим строем, развитой письменностью, достаточно высоким уровнем экономики и культуры. В крупнейших критских городах — Кноссе, Фесте и некоторых других — строятся монументальные дворцы, ныне получившие в науке название Старых дворцов, с множеством помещений — парадных, жилых и хозяйственных. Самый крупный из них — Кносский — занимал, например, площадь более чем в полтора гектара. Широкое распространение бронзовых инструментов резко продвинуло вперед технику обработки камня, а тем самым и каменное строительство. В это время, в частности, появляются отдельно стоящие колонны, играющие роль как несущих конструкций, так и важных элементов архитектурно-художественного облика зданий.

Большое развитие получила монументальная живопись. Искусство фрески (росписи разведенными в воде минеральными красками по сырой штукатурке), родившееся на Крите именно в это время, успевает уже к концу среднеминойского периода дать несколько подлинных шедевров. Наблюдается небывалый расцвет керамического производства, который был обусловлен появлением на острове гончарного круга. Непревзойденные по красоте и изяществу расписные сосуды стиля «камарес» (условное название, данное по одному из мест их находок) самых разнообразных типов и форм выходят из дворцовых мастерских.

Р и с. 6. План Фестетского дворца

Р и с. 7. Монета города Кносса с изображением Лабиринта

В конце среднеминойского периода трижды в течение одного столетия (около 1700, 1660 и 1600 гг. до н. э.) Криту пришлось испытать разрушительные землетрясения. Но на развалинах Старых дворцов возникают еще более грандиозные и величественные Новые дворцы. Перезжитые стихийные бедствия как будто не только не помешали, но даже по-своему способствовали — в результате вынужденной активной мобилизации всех сил и ресурсов страны для очередных восстановительных работ — дальнейшему расцвету минойской культуры и становлению единого Критского государства с центром в Кноссе, которые последовали на первой стадии позднеминойского периода (отрезок времени, датируемый примерно 1580—1450 гг. до н. э.).

Именно тогда по всей заселенной территории острова распространяется густая сеть дорог, безопасность которых охраняли устроенные через определенные интервалы сторожевые посты. Централизация власти достигает в общем масштабе Крита своего максимума. В обширных кладовых Кносского дворца концентрируются колоссальные продовольственные запасы и огромное количество ремесленных изделий всевозможных видов, которые поступают сюда в виде собираемых с населения натуральных податей из разных уголков острова. Все поступления в царскую казну, по-видимому, строжайшим образом учитывались с помощью большого штата специальных чиновников.

В других крупных критских городах, сохранявших значение административных центров отдельных исторически сложившихся областей, дворцовые кладовые также были наполнены заготовленными впрок провиантом и произведениями ремесла. Причиной этому был общий небывалый подъем экономики Крита, и в частности успехи сельского хозяйства. Критяне успешно выращивали пшеницу, просо, ячмень, чечевицу и горох; широко возделывали виноград и оливки, некоторые технические культуры (главным образом пряности, лен и шафран, применявшийся для изготовления высококачественных красителей); активно занимались садоводством и огородничеством. Очень важную роль в экономике Крита играло и животноводство — разведение крупного рогатого скота, овец и коз (лошадь впервые появляется на острове, судя по всему, не ранее середины XV в. до н. э.). По-прежнему немалое значение имели и древнейшие ви-

ды промысла — рыболовство и охота, а также пчеловодство.

Кроме того, значительная часть накопившихся материальных ценностей поступала в кладовые критских дворцов, вероятно, в качестве дани с подвластных заморских земель, в первую очередь с островов Эгейского моря. Как раз в это время, надо полагать, и устанавливается знаменитая «талассократия Миноса» — полное господство критского флота в Восточном Средиземноморье, сделавшее Крит мировой державой. При фараоне Тутмосе III (1525—1473 гг. до н. э.) он на равных поддерживает с Египтом регулярные дипломатические отношения.

Очитив воды прилегающих морей от пиратов, кносские владыки открыли своим торговым кораблям свободный путь на все стороны света. Торговая экспансия Крита шла еще дальше военной. Великоценные изделия критских ремесленников проникали на восток до Месопотамии (на территорию нынешнего Ирака), на запад — до Пиренейского полуострова. Они часто встречаются археологам при раскопках на севере Балкан и в Египте. Развитие товарно-денежных отношений в Кносской державе зашло уже настолько далеко, что в обращении появились первые примитивные деньги — медные слитки определенного веса в виде бычьей шкуры. Наивысшего расцвета достигают на Крите архитектура, изобразительное и декоративно-прикладное искусство. Лучшие произведения критских мастеров, прежде всего керамика и ювелирные изделия, в соседних странах ценились очень высоко.

Кносская держава находилась на вершине своего могущества, когда стихийное бедствие нанесло минойской цивилизации очередной жестокий удар, который на этот раз был такой сокрушительной силы, что оправиться полностью от него она уже не смогла и вскоре остров оказался в руках иноплеменных захватчиков. Вот как представляется эта катастрофа, согласно концепции С. Маринатоса и его последователей, базирующейся на данных археологии и геологии⁷.

Взрыв вулкана на острове Санторин, лежащем в 140 км к северу от Крита, произошедший около 1450 г. до н. э., вызвал сильное землетрясение. Затем до острова докатилась мощная взрывная волна, вызвавшая большие разрушения, и тут же следом за ней на северное побережье обрушились один за другим гигантские цунами, причем высота этих волн достигала, вероятно, нескольких десятков метров. И, наконец, остров накрыла вызванная

изверженем вулкана огромная лавовая туча. В результате города и селения Крита были обращены в развалины, многочисленный флот («гроза морей») уничтожен, а плодородные поля в самой обжитой части острова, на его востоке и в центре, покрыты толстым слоем губительного для растительности вулканического пепла, и цветущая прежде земля оказалась превращенной в безжизненную пустыню на долгие годы. Массовый падеж скота, вызванный гибелью пастбищ и заражением уцелевшего травяного покрова ядовитым фтором, содержащимся в продуктах вулканических извержений, должен был довершить постигшую минойскую цивилизацию страшную катастрофу, воспоминания о которой отразились в хорошо известном предании о гибели Атлантиды.

Таким образом, экономике Крита и всему его прежнему могуществу был нанесен непоправимый урон. Совершенно лишенный теперь защиты от нападений с моря, остров вскоре стал легкой добычей греков-ахейцев, беспрятственно перенравившихся с материка и завладевших им. Единое Критское государство со столицей в Кноссе продолжало существовать, но господствующее положение в нем занимали уже не коренные жители — минойцы, а поселившиеся среди них многочисленные пришельцы. Затем жизнь на острове начала постепенно налаживаться и в кладовые восстановленного Кносского дворца, теперь уже единственного на острове, вновь потекли подати со всех концов Крита. Однако такое относительно благополучное положение вещей сохранялось недолго, всего лишь приблизительно полвека. Около 1400 г. до н. э. Кносский дворец был вновь разрушен, скорее всего после очередного вторжения с материка. После этого на острове наступает длительный период упадка, еще более усилившегося на рубеже XII—XI вв. до н. э., при переходе от бронзового века к железному, когда сюда докатилась последняя миграционная волна двигавшихся с севера на юг новых греческих племен: воинственные дорийцы, находившиеся на более низкой ступени общественного развития, чем родственные им ахейцы, но имевшие серьезные преимущества в военной организации⁸, разгромили ахейские государства материковой Греции, а затем заселили некоторые острова Эгейского моря и почти весь Крит.

Однако дорийское нашествие не уничтожило полностью крито-микенскую культуру. Многие достижения последней были восприняты завоевателями и позднее по-

лучили свое дальнейшее развитие. В частности, очень велика роль художественного наследия минойского Крита, усвоенного сначала ахейскими мастерами, а потом и их учениками и преемниками — греческими мастерами последующих веков, в зарождении тех традиций, на которых вырастет со временем гениальное искусство древней Эллады. «Эгейское искусство (т. е. искусство Крита и тесно связанных с ним других областей Эгейского бассейна — Эгеиды, включая юг Балканского полуострова. — А. М.), развивалось вполне самостоятельно рядом с другими столь же самобытными высокоразвитыми цивилизациями эпохи бронзы, — справедливо отмечает его крупнейший знаток Н. А. Сидорова. — Это искусство, по существу, явилось первым подивившимся до высот реализма искусством на территории Европы. В этом его значение и непреходящая ценность для нас... Эгейская культура, создавшая замечательные произведения искусства, ... не прошла бесследно, она внесла свой вклад в историю мирового искусства и явилась той основой, на которой выросло искусство классической Греции»⁹.

Суммируя накопленные на сегодняшний день данные об исторических судьбах Крита до конца II тысячелетия до н. э., мы должны констатировать, что собственно критские письменные источники существенным образом информируют нас лишь об очень кратком отрезке времени, а именно о второй половине XV в. до н. э. Отчего же ситуация здесь сложилась таким странным образом? Ведь письменность появилась на острове уже в начале среднеминойского I периода. Ответ на этот вопрос читатель получит, узнав, как и когда возникло письмо на Крите, почему его самые древние памятники до сих пор еще не прочитаны полностью и не поняты в должной мере учеными.

Глава 3. Писать начинали пиктографами

Что такое пиктографы? В современном русском литературном языке это слово имеет два значения. В переносном смысле «пиктографами», чаще всего шутливо или прощески, называют иногда что-то неразборчивое, читающееся с трудом писание. Основное же значение данного слова, происходящего от греческого *ἱερός* — 'свя-

ценный' и 'глофо — 'вырезать, гравировать (изображения)', имеет специальный, терминологический характер: «знаки некоторых древних письменностей». И неудивительно, что при упоминании об иероглифике (иероглифическом письме) у многих сейчас неизменно всплывает в памяти довольно смутное представление о ней, как о чем-то сложном, таинственном и малопонятном для неспециалиста. Таковыми иероглифы — «священные вырезанные знаки» древнего Египта казались уже во времена Геродота (в V в. до н. э.) грекам, пользовавшимся тогда, как и мы теперь, наиболее простым и удобным, буквенным письмом.

В равной мере они привычно ассоциируются для нашего современника со странами и народами Востока или Нового Света (широкому кругу людей лучше всего известна иероглифика древних египтян, китайцев, американских индейцев-майя и полинезийцев острова Пасхи в Тихом океане), и уж во всяком случае не связываются с Европой. Однако оба эти, вроде бы прочно укоренившиеся мнения, хотя и имеют под собой определенные основания, справедливы лишь отчасти.

Оказывается, выработка иероглифической (словесно-слоговой по характеру составляющих ее знаков) письменной системы — самый удобный и даже единственно возможный путь в естественной эволюции от примитивного предметного и рисуночного «письма» доклассовых обществ (средств сугубо мнемонических) к подлинной, то есть фонетической, письменности¹. Она вырастает всегда на основе местной древней пиктографии. Пиктография (рисуночное письмо) как способ фиксации и передачи той или иной информации применялась многими народами на стадии родового общества. В ней каждый рисунок-пиктограмма обозначал только тот предмет, который изображал. Он не был неразрывно связан с конкретным словом определенного языка. Таким образом, пиктографические «надписи» представляют собой всего лишь «рассказы в картинках», а не памятники настоящего письма, призванного фиксировать формы звуковой речи².

Только тогда, когда возникает цивилизация и появляется необходимость в средстве учета производимых обществом материальных благ, зарождается фонетизированная (озвученная) письменность, в которой рисуночные по форме знаки получают значения отдельных слов определенного языка, становятся иероглифами. Устояв-

шее употребление одних и тех же рисуночных знаков для обозначения предметов, а потом и некоторых понятий, так или иначе связанных с изображаемыми предметами, позволило закрепиться за этими знаками постоянным фонетическим значениям целых слов и тем самым превратило их в однозначно читаемые логограммы (словесные знаки).

В дальнейшем некоторые знаки начинают употребляться и так называемым «ребусным» способом, то есть для передачи полностью созвучных грамматических показателей (сравните русское слово *воз* — 'повозка с кладью' и приставку *воз-*, например, в слове *воз-вращение*) и самостоятельных слов с совершенно иным значением (ср. *град* — 'город' и *град* — 'вид атмосферных осадков'), а также слов, звучащих аналогично сумме чтений двух или нескольких логограмм, по смыслу непосредственно с ними не связанных (как если бы мы воспользовались двумя знаками с отдельными словесными значениями для написания других слов: *бес-еда*, *вол-оно*, *умно-жить*). Как правило, такими знаками чаще всего оказывались логограммы, передающие на письме односложные слова (ср. *воз-дух*, *мед-лить*, *пар-ус* и т. п.). В результате вся система письма приобретает словесно-слоговой характер.

Отмеченные особенности развития в одинаковой степени присущи всем известным в настоящее время иероглифическим (словесно-слоговому) системам письма и знаки каждой из них обнаруживают связь со своими изобразительными прототипами. А существование иероглифических письменных систем отмечается в разных частях земного шара, включая и Европу, на протяжении последних пяти тысячелетий. Таковы: древнеегипетская иероглифика (выработалась не позднее начала III тыс. до н. э.), протошумерское письмо (появляется не позднее первой четверти III тыс. до н. э.; от него происходят в конечном итоге все виды ближневосточной клинописи), эламское иероглифическое и протоиндийское письмо (оба возникли в III тыс. до н. э. соответственно на территории Южного Ирана и в долине Инда), критская иероглифика (на острове Крит конца III — первой трети II тыс. до н. э.), лувийская иероглифика (в Малой Азии и Сирии II—I тыс. до н. э.), китайская иероглифика (используемая со II тыс. до н. э. по сей день; от нее ведут свое происхождение письменности ряда народов Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии), письмо

мая (с I тыс. н. э.) и ацтеков (первая половина II тыс. н. э.) в Центральной Америке, так называемое «кохау ронгоронго» на острове Пасхи в юго-восточной части Океании (возможно, с первой половины II тыс. н. э.), а также некоторые словесно-слоговые письменности, изобретенные в Африке и Америке в последние два столетия.

Не все перечисленные письменности изучены одинаково хорошо. Лучшее всего обстоит дело с прочтением и интерпретацией древнеегипетских, лувийских и древнекитайских иероглифических текстов. Другие иероглифические системы еще недостаточно исследованы и здесь остается широкое поле деятельности для специалистов-дешифровщиков. К числу наименее изученных относится и иероглифика древнего Крита, открытие которой стало прологом к открытию минойской цивилизации во всем ее великолепии...

В 1894 г. по центральным и восточным районам острова Крит путешествовал странный чужеземец. Посещая деревни, он обходил один за другим крестьянские дома и завязывал учтивые беседы с их хозяевами. При этом незнакомец особенно хвалил украшения и амулеты из полудрагоценных камней, которые носили многие крестьянки. Хозяйки, как правило, охотно уступали любезному и щедрому чужеземцу просверленные наподобие бусин цветные камешки с вырезанными на них причудливыми фигурами в обмен на припасенные им более крупные и красивые экземпляры или просто за деньги. Когда женщины-критянки никак не соглашались расстаться с особенно ценными ими каменными амулетами (по местному поверью, те прибавляли кормящим матерям молока), путешественник довольствовался точными следами с них.

Этим странным путешественником был к тому времени уже достаточно известный в научных кругах археолог и этнограф, хранитель знаменитого Этнолеанского музея в Оксфорде, 42-летний Артур Эванс. Именно он явился первооткрывателем критской иероглифики. Эванса привели на Крит поиски места, откуда проходили бы высокохудожественные каменные печати с различными изображениями, и в том числе со знаками неизвестной письменности, напоминавшими египетские иероглифы. Несколько таких печатей хранилось к началу 1890-х годов в музеях Оксфорда, Берлина и Афин. Тщательно изучив их, Эванс пришел к выводу, что они несут над-

писи, выполненные древнейшим критским иероглифическим письмом. Об этом своем открытии ученый сообщил коллегам, выступив со специальным докладом в лондонском Обществе содействия изучению эллинических древностей 27 ноября 1893 г.

Эвансу было ясно, что поиски новых материалов для дальнейшего исследования открытой им письменности падают в основном на остров Крит. И вот в 1894, 1895 и 1896 годах он странствует по острову, собирая повсюду не только иероглифические печати, но и всякие другие памятники древности.

Однако затем научные экспедиции Эванса на Крит на некоторое время прекращаются. Летом 1896 г. на острове, который был населен преимущественно греками, но находился тогда под турецким владычеством, вспыхивает очередное восстание, вызванное грубым произволом султанских властей и продолжавшееся около двух лет. Многовековая борьба критян за свержение чужеземного ига увенчалась, наконец, успехом. В 1898 г. была провозглашена автономия острова (позднее, в 1912 г., он воссоединился с Грецией). Освобождение Крита создало предпосылки и для развертывания здесь в широких масштабах археологических работ, о чем уже говорилось выше. Наибольших успехов в этих раскопках удалось добиться, как вы уже знаете, тому же Эвансу. Раскапывая с 1900 г. Кносский дворец, он открыл остатки целого иероглифического архива. В результате в его руках оказался уже куда больший материал, чем прежде, и исследователь многое мог теперь сказать о критской иероглифике. Издание всех собранных им иероглифических надписей и посвященное им исследование составили объемистую книгу, вышедшую в свет в 1909 г. в Оксфорде³.

Эванс установил прежде всего хронологические границы бытования критской иероглифики. Развившись в конце III тыс. до н. э. и войдя в широкое употребление около 2000 г. до н. э., она использовалась на Крите после этого в течение примерно трех с половиной столетий. Письменные знаки в ней имели ярко выраженный рисуночный характер, то есть изображали, как правило, определенный предмет, одушевленный или одушевленный.

В этом отношении иероглифика Крита весьма сходна с более древним египетским иероглифическим письмом, влияние которого она вполне могла испытать (критяне

издавна поддерживали регулярные связи с обитателями долины Нила). Между отдельными знаками этих двух письменностей обнаруживается несомненное сходство (таковы египетские и критские иероглифы «дворец», «пчела», «скобель» и другие). Однако в целом истоки древнейшего критского письма были местными, как и прототипы подавляющего большинства его знаков.

Одни иероглифы передавали в нем только целые слова, обозначавшие конкретные предметы или отвлеченные понятия. Другие могли использоваться и для передачи отдельных слогов. Был и еще один род знаков, так называемые детерминативы — знаки, которые сами не читались, а указывали на то, к какой категории понятий принадлежало сопровождаемое ими слово. Употреблялись также специальные пунктуационные значки в виде косых крестиков. Всего в данной письменности насчитывалось немногим менее полутора сотен различных иероглифов. Для сравнения укажем, что в древнеегипетской иероглифике насчитывалось более 800 отдельных знаков, а в китайском иероглифическом письме после полутора тысяч лет его существования число не пользовавшихся иероглифов (по данным словаря, составленного в конце I в. н. э.) достигало ни много ни мало 9353. Сравнительно небольшое количество знаков значительно упрощало словесно-слоговую систему письма древних критян и тем самым облегчало пользование. Подобная компактность письменной системы критской иероглифики была обусловлена особенностями языка критян-минойцев (об этих особенностях еще будет сказано ниже).

В критской иероглифике не было принято строго определенного направления письма: иероглифы писали сверху вниз, справа налево и слева направо (последний способ применялся чаще других). Довольно распространенным способом написания иероглифических текстов являлся и тот, который древние греки позднее называли «бустрофедон» (βοῦστροφῆδών — «как ходят на пашне волы»). Для него характерен поворот каждой следующей строки в противоположную сторону, отчего надпись шла «змейкой». Нередко встречается и спиральное расположение ленты надписи. Для разделения параллельно расположенных строк иероглифических текстов критянами применялась построчная горизонтальная разлиновка поверхности писчего материала.

Иероглифические надписи папосились на самые различные предметы. Чаще всего встречаются оттиски нескольких иероглифов на глиняных ярлыках и брусках, сделанные с помощью специальных матриц. Это и понятно. Ведь запечатывание сосудов с сыпучими и жидкими веществами, всякой прочей тары с теми или иными припасами, поступающими в качестве натуральных подарков в царские кладовые, естественно, постоянно практиковалось в большом дворцовом хозяйстве.

Известно множество подлинников печатей с иероглифическими легендами, зачастую очень искусно вырезанными минойскими каллиграфами на призмах-бусинах из полудрагоценных камней (именно ими почти четыре тысячи лет спустя украшали себя критянки, с которыми искал знакомства А. Эванс). Как показали находки археологов, критяне-минойцы писали иероглифами и на глиняных табличках, где фиксировались инвентарные списки имущества и другие документы хозяйственной отчетности, и на камешных жертвенниках богам. Возможно, писчим материалом служили также деревянные дощечки, пальмовые листья, выделанная кожа, ткань или род папируса. Но рассчитывать на то, что иероглифические тексты, записанные на столь недолговечном материале, могут дойти до нас, разумеется, трудно.

Эванс показал, что из других письменностей Крита II тысячелетия до н. э. непосредственно происходящим от иероглифики являлось так называемое линейное письмо А. Ему удалось разгадать систему числовых обозначений, разработанную минойцами — создателями критской иероглифики и линейного А. Эта система была десятичной и включала отдельные цифры только для обозначения чисел 1 (вертикальная черта), 10 (горизонтальная черта), 100 (круг), 1000 (круг с четырьмя расходящимися в разные стороны лучами) и 10 000 (круг с четырьмя расходящимися в разные стороны лучами и горизонтальной чертой внутри него), с помощью которых передавались все другие числа. Минойцы знали сложение, вычитание, умножение и деление. Им были известны дроби.

Цифры фигурировали на хозяйственных табличках. Здесь они сопровождали, например, рисуночные знаки, изображавшие условно некоторые виды продуктов сельского хозяйства древних критян: хлебное зерно, ветвь фигового дерева, ветвь оливы. Понять такие простейшие бухгалтерские тексты, конечно, совсем несложно. Они

представляют собой разрозненные страницы дворцовой книги учета продовольственных припасов. Зато проникнуть в смысл других иероглифических текстов оказалось делом крайне трудным, поскольку абсолютно никаких данных о языке минойцев в распоряжении ученых тогда еще не было.

Однако внимательно изучив иероглифические надписи на печатях, Эванс обнаружил в них часто повторяющиеся устойчивые сочетания знаков, для которых он смог с достаточными основаниями предположить то или иное смысловое значение. Эти блоки из двух-трех иероглифов передавали, по всей видимости, личные имена и официальные обозначения сана лиц — владельцев печатей. Среди ранговых наименований можно было ожидать встретить в первую очередь царский титул, поскольку и сам царь и его чиновники не могли обойтись без его упоминания, заявляя о себе в достаточно пространной надписи на печати.

А о том, что некоторые из известных Эвансу минойских иероглифических печатей наверняка принадлежали именно царям, красноречиво говорили сами эти памятники, резко выделяющиеся среди прочих качеством исполнения. Ярким образцом здесь служит, в частности, найденная в 1898 г., очевидно в Кноссе, и купленная на следующий год Эвансом великолепная трехгранная сердоликовая печать — подлинный шедевр искусства художественной резьбы по камню (рис. 8).

Но дальше продвинуться в понимании иероглифических надписей на печатях так и не удалось ни самому первооткрывателю минойской цивилизации и критской иероглифики Эвансу, ни кому-либо из ученых при его жизни. А. Эванс скончался 11 июля 1941 г., через три дня после того, как ему исполнилось 90 лет. Ему довелось дожить до трагических событий в судьбе Крита: в конце мая этого года остров был оккупирован немецко-фашистскими войсками и от рук гитлеровцев пал самый талантливый из учеников Эванса — Джон Пендлбери.

Прошли годы. Над Критом отгремела военная гроза, оставившая после себя развалины и пепелища. Seriously пострадал и был затем запово отстроен музей в Гераклионе — хранилище бесценного собрания минойских древностей. Приведение в порядок музейных коллекций и издание ранее открытых археологами памятников по-

зволили ученикам и последователям Эванса продолжить с успехом работу над разгадкой тайн древнего Крита.

Важнейшим научным событием явилась дешифровка так называемого линейного письма В, осуществленная в 1952 г. другим английским ученым Майклом Вентрисом. Подробнее об этом мы расскажем в главе 6. Сейчас лишь скажем, забегая немного вперед, что линейное

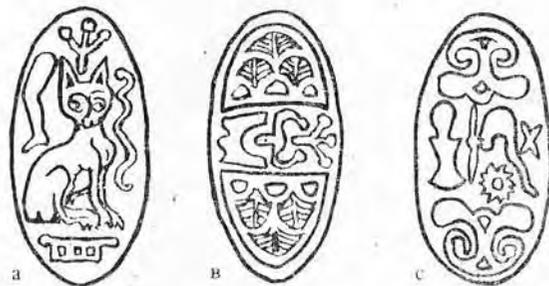

Рис. 8. Критская иероглифическая надпись на трехсторонней «царской печати 1898 г.» из Кносса

письмо В применялось во второй половине II тысячелетия до н. э. на острове Крит и в ряде областей материковой Греции, как оказалось, для записи текстов на древнейшем диалекте греческого языка (как уже говорилось в главе 2, минойский Крит был завоеван греками-ахейцами около 1450 г. до н. э.). Но сам принцип письма и большинство его знаков с их фонетическим слоговым значением были заимствованы создателями линейного В из того критского догреческого линейного письма А, которое в свою очередь произошло от иероглифики Крита.

До 25 прочтенных слоговых знаков линейного письма В находят себе четкие соответствия как в линейном А, так и в иероглифике. Это дает возможность с большой степенью вероятности предполагать, что иероглифы-прототипы читались так же, как и восходящие к ним знаки дешифрованного линейного В. Правда, таким образом устанавливается еще очень мало чтений отдельных иероглифов, но все же открывается долгожданная возможность полностью или частично прочесть некоторые слова в иероглифических надписях, целиком написанные слоговыми знаками. Это, естественно, стиму-

лировало в дальнейшем интерес исследователей к памятникам первой европейской письменности.

В данном отношении немаловажным явилось и другое обстоятельство. Общее количество дошедших до нас и введенных в научный оборот надписей, которые выполнены критской иероглификой, все возрастало. Число их непрерывно пополнялось и продолжает пополняться сейчас за счет новых находок и публикаций. Привлечение дополнительного материала всегда открывает новые возможности для исследователя. Поэтому крайне важной является задача как можно более полного сбора всех имеющихся в наличии иероглифических текстов.

В 1960 г. в Оксфорде вышла книга В. Кенны «Критские печати», включающая полный каталог минойских гемм Эпмолеанского музея⁴. Выполненный на самом высоком научном уровне капитальный труд не только заслужил прекрасные отзывы специалистов, но и послужил образцом для издания других государственных и частных собраний резных печатей Крита и материковой Греции III—II тысячелетий до н. э. Публикация много томного «Корпуса минойских и микенских печатей» началась в 1964 г. с выходом каталога собрания Национального музея в Афинах, подготовленного А. Сакеллару⁵.

Известный немецкий ученый Эрнст Грумах приступил к составлению свода иероглифических надписей Крита. Этой работой он занимался в течение многих лет, но, к сожалению, так и не успел довести ее до конца. После смерти ученого она осталась незавершенной.

Новые данные, полученные археологами за последние десятилетия, дали возможность существенным образом уточнить историю бытования критской иероглифики по сравнению с тем, как она представлялась А. Эвансу. Стало ясно, например, что линейное письмо А не просто сменило свою предшественницу иероглифику, развившись непосредственно из нее, а довольно долго сосуществовало с ней⁶. Причем применялись эти два вида минойского письма, как правило, в разных сферах. В XIX—XVIII вв. до н. э. иероглифами выполнялись главным образом каллиграфические надписи на печатях, которые были для их владельцев, как справедливо отмечает бельгийский ученый Жап-Пьер Оливье, одновременно и священными амулетами, и официальными регалиями, и высокоценными произведениями искусства — предметами роскоши⁷. В отличие от сакрально-декоративного по

его основному назначению иероглифического письма, упрощенное в графическом отношении критское линейное письмо А в тот же период использовалось преимущественно для административных и хозяйственных нужд: в документах текущей отчетности, пометках на таре, владельческих и иных бытовых надписях на всевозможных предметах.

Глава 4. Царские печати

Прогресс в изучении памятников критской иероглифики налицо. Но все-таки продвижение вперед идет здесь еще слишком медленно. Основная причина этого заключается в краткости известных ныне иероглифических текстов. В подавляющем большинстве случаев они содержат не более десятка знаков¹. Поэтому особого внимания заслуживают наиболее длинные тексты.

К их числу принадлежит интереснейшая иероглифическая надпись на печати из собрания Эпмолеанского музея². Данную печать приобрел свое время на Крите еще А. Эванс, но издана впервые она была лишь в 1949 г.³ Форма ее несколько необычная. Это вытянутая призма из полудрагоценного камня сардоникса с восемью боковыми гранями (длиной 19 мм, толщиной 9 мм, ширина каждой ее грани — 3 мм).

Рассматриваемая многогранная печать в виде продольно просверленной бусины предназначалась, подобно древневосточным цилиндрическим печатям, для полного прокатывания вокруг своей оси по сырой глине или другому мягкому материалу. В конечном итоге получался оттиск восьмистрочного текста (рис. 9), содержащего в общей сложности 25 иероглифов и четыре пунктуационных знака (косые крестики в начале или конце некоторых строк). Четкая разбивка надписи на строки подчеркнута наличием междустрочных линий, проведенных резчиком печати по ребрам миниатюрной каменной призмы.

Направление чтения и порядок следования строк выясняются здесь без особых затруднений (рис. 10). Само расположение большинства иероглифов в строках (вертикальные по композиции знаки, как правило, повернуты верхней своей частью в одну и ту же сторону в каждой нечетной и четной строке) указывает на необходимость читать надпись упоминавшимся выше способом

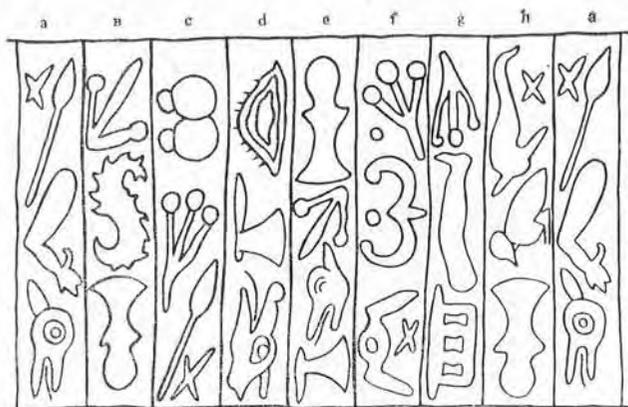

Рис. 9. Оттиск восьмисторонней печати из собрания Эшмолеанского музея

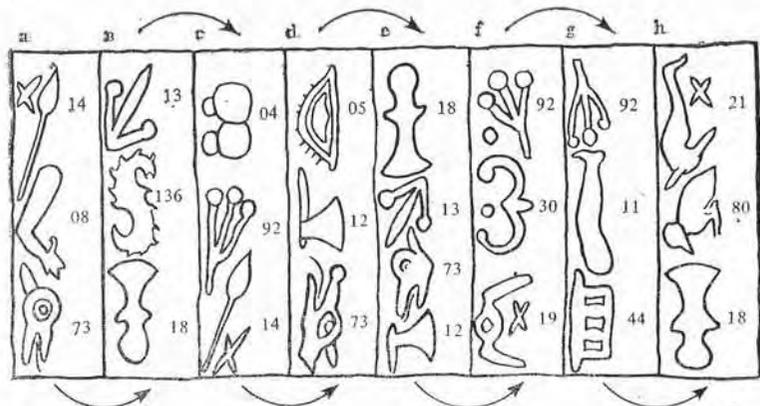

Рис. 10. Порядок чтения знаков критского иероглифического текста на восьмисторонней печати из собрания Эшмолеанского музея

«бустрофедон», то есть с поворотом очередной строки на 180 градусов. Удвоение пунктуационных значков на стыке двух строк (*h* и *a*) отмечает точку, где сходятся начало и конец надписи.

Знакам недешифрованных древних письменностей принято присваивать условные номера. Это дает возможность значительно упростить работу с текстами, прибегая к их цифровой передаче. Принятая ныне нумерация знаков иероглифики Крита установлена А. Эвансом. Если разбить весь текст рассматриваемой восьмистрочной

надписи, взятой в ее цифровой передаче, на составляющие элементы, руководствуясь пунктуационными значками, то получится следующая картина:

		×		
a)	14	08	73	
e)	18	136	13	
c)	04	92	14	
		×		
d)	73	12	05	
e)	18	13	73	12
		×		
f)	19	30	92	
g)	92	11	44	
h)	18	80	21	
		×		

Как видим, данный текст пунктуационно членится на три отрезка, соответствующие трем обособленным единицам внутри одной сложной по составу сфрагистической легенды. Каково же конкретное содержание каждого из них и всего текста в целом? Приблизиться к решению этого вопроса можно, на наш взгляд, идя по пути прежде всего формального анализа текста и сопоставления его элементов с текстовыми формулами, встречающимися в надписях на других минойских печатях того же времени, поскольку, как весьма убедительно доказал Э. Грумах, именно такие, ранее уже использованные в качестве самостоятельных сфрагистических легенд группы иероглифов должны были оказаться включенными в данный необычно пространственный текст.

Каждый из выделенных пунктуационными значками текстовых отрезков, судя по количеству иероглифических знаков в них (от семи до девяти), состоит из нескольких (не менее двух-трех) слов. Примерно такими же по объему, то есть по общему числу заключенных в них иероглифов, являются многие из иероглифических надписей на минойских печатях. Среди них обнаруживаются такие надписи, в которых фигурируют целые группы иероглифов (слова или даже словосочетания), идентичные встречающимся в тексте на восьмисторонней печати. Причем смысл именно этих групп иероглифических знаков удастся установить комбинаторным путем, что в свою очередь дает ключ к пониманию рассматриваемого текста.

Уже Дж. Майрс при первом издании восьмисторонней печати указал на тождество групп иероглифов на ней и на печатях, опубликованных ранее А. Эвансом⁴. Особенно важной представляется параллельность неко-

торых текстовых отрезков, отмечаемая для восьмисторонней печати и хорошо известной специалистам великоленной печати, купленной А. Эвансом в 1898 г. в Кандии (Гераклионе) и происходящей, очевидно, из Кносса, которая по своим художественным качествам и мастерству каллиграфического исполнения более всех других минойских печатей с иероглифическими надписями заслуживает быть признанной царской печатью (о ней уже шла речь в предыдущей главе, см. рис. 8)⁵.

На стороне *a* этой трехгранной сердоликовой призмы большую часть пространства матричного овала занимает являющееся центром композиции изображение сидящего кота, вокруг которого симметрично располагаются четыре иероглифа: «ильфий» (знак 92), «нога» (11), «ворота» (44) и «змея» (84)⁶. Три первых составляют устойчивое сочетание, часто встречающееся в легендах критских иероглифических печатей⁷ (иногда вместо знака 92 с блоком 11—44 соединяется какой-либо другой иероглиф⁸, иногда этот блок фигурирует без добавления к нему третьего иероглифа⁹, а в одном случае в трехзначном обычно сочетании отмечено удвоение знака «нога», скорее всего для создания симметрии в каллиграфической композиции¹⁰). Оно было весьма убедительно истолковано А. Эвансом, исходя из закономерностей его употребления в составе сфрагистических легенд, как обозначение титула владельца печати¹¹. Правильность такого толкования подтверждается появлением данной группы иероглифов на одном глиняном ярлыке из Кносского дворца рядом с явно портретным изображением головы, по-видимому, минойского династа¹², как бы заменяющим личное имя последнего.

На «царской печати 1898 г.» из Кносса титул, заключенный в группе знаков 92-11-44-84 на стороне *a*, сочетается с двумя другими группами иероглифов, занимающими соответственно стороны *b* и *c*: 19-30-92 («лекало», «рога» и «ильфий») и 18-21 («мастерок» и «скобель»). Группа знаков на стороне *b* данной печати тоже идентична строке *f* текста восьмисторонней печати из собрания Эшмолеанского музея. Эта группа 19-30-92 встречается в легендах многих минойских печатей и, как правило, вместе с титулом 11-44 (92-11-44)¹³. Нередко она сопровождается еще и группой иероглифов 05-18 («человеческий глаз» и «мастерок»)¹⁴. Это заставляет констатировать, что сфрагистическая формула 11-44 (92-11-44) + 19-30-92 употреблялась помимо дан-

ного краткого варианта еще и в развернутом варианте: 11-44 (92-11-44) + 19-30-92 + 05-18.

Группа 05-18 обнаруживается в иероглифических надписях на многих минойских печатях и не в связи с указанной формулой¹⁵. Она, подобно группе 19-30-92, способна самостоятельно соединяться с титулом 11-44 (92-11-44)¹⁶, а иногда появляется в сочетании с иероглифом 74 («кошачья голова»)¹⁷, который, по аналогии с изображением кота, окруженным на стороне *a* «царской печати 1898 г.» из Кносса титулярной группой иероглифических знаков, может быть истолкован как идеограмма, передающая синоним того же титула¹⁸.

Группа 05-18, так же как и группа 19-30-92, встречается и в более пространном виде: 05-18-13¹⁹. Именно такой вид имеет она и в тексте надписи на восьмисторонней печати (строки *d—e*), где, как выясняется, имеет место соединение в одной развернутой формуле (92-11-44 + 05-18-13 + 19-30-92) двух кратких сфрагистических формул (92-11-44 + 19-30-92 и 92-11-44 + 05-18-13), известных по другим критским иероглифическим печатям:

<i>d</i>)	73	12	05	<i>d</i>)	73	12	05—
<i>e</i>)	18	13	73	<i>e</i>)	18—13	73	12
<i>f</i>)	19	30	92	<i>f</i>)	19—30—92		
<i>g</i>)	92	11	44	<i>g</i>)	92—11—44		

Однако здесь между группами 05-18-13 и 19-30-92 введен блок знаков 73-12 («голова волка с высунутым языком» и «однолезвийная секира»). Он же и предваряет группу 05-18-13. Повторяемость данного блока перед группами иероглифов, несомненно сходными по характеру употребления в минойских сфрагистических формулах (и, следовательно, обозначающими на письме слова или сочетания слов, принадлежащие к одной и той же категории понятий), должна отражать содержащееся в данном отрезке текста (строках *d—f*) некое перечисление: 73-12 05-18-13, 73-12 19-30-92.

То, что группы 19-30 (19-30-92) и 05-18 (05-18-13) постоянно связаны в легендах критских иероглифических печатей с титулом 11-44 (92-11-44), заставляет видеть в них какие-то дополнительные наименования сана, связанные с данной титулатурой устоявшиеся эпитеты или же, наконец, собственные имена, передача которых являлась всегда важнейшей функцией сфрагистических ле-

генд личных печатей. Поскольку несомненно титулярная по характеру группа иероглифов 92-11-44 в тексте надписи на восьмисторонней печати не имеет перед собой блока 73-12, хотя и идет сразу же за чередующимся с этим блоком группами 05-18-13 и 19-30-92, она явно не участвует в связанном с ним перечислении и, следовательно, отличается от обеих указанных групп по общему смыслу. В свою очередь, и для групп 05-18-13 и 19-30-92 отпадает смысл, сходный со значением группы 92-11-44, то есть обозначение некоего титула или связанного с ним эпитета. Поэтому остается сделать вывод, что в группах иероглифов 05-18-13 и 19-30-92 скрываются личные имена владельцев печатей.

Так как принадлежность «царской печати 1898 г.» из Кносса одному из минойских правителей не вызывает сомнений²⁰, обнаруживаемое на ней имя 19-30-92 мог носить некий критский династ рубежа среднеминойского II и среднеминойского III периодов (т. е. около 1700 г. до н. э., датировка данной печати установлена А. Эвансом на основании сходства растительных орнаментальных мотивов на ней и на одном из расписных сосудов, найденном при раскопках Кноссского дворца²¹).

Имя 05-18-13, как мы уже говорили, сопровождается на печатях тем же титулом, что и имя 19-30-92, а, значит, есть основание полагать, что и первое из этих имен носил минойский владыка. Перечисление же личных имен в связи с указанием на владельца печати должно носить генеалогический характер. В таком случае блок 73-12, повторение которого составляет основу генеалогического перечисления, не может передавать на письме ничего другого, кроме слова «сын». Строки *d—g* текста тогда следующим образом:

d) 73-12	«... сына
05-	[некоего лица]
e) 18-13	по имени]Y,
73-12	сына
f) 19-30-92	[некоего лица]X
g) 92-11-44	царя...»

Полученный перевод пуждается в двух пояснениях. Принимая во внимание установленную учеными флективность минойского языка, тот факт, что слово «сын» при построении генеалогической цепочки имеет в обоих случаях одинаковое окончание, говорит о нахождении

его и тут и там в одном и том же падеже, а именно в родительном (генетиве), характерном для патронимика. Поэтому оба раза мы переводим 73-12 как «сына». Наше же «царь» (в надписи также в форме генетива) — всего лишь условная передача неизвестного нам минойского титула правителя.

Выявляемая в строках *d—g* конструкция фразы предполагает наличие в ней еще одного личного имени (*Z*) перед словом «сын», стоящим в строке *d*. В качестве такового остается рассматривать, по-видимому, только группу из трех иероглифических знаков 04-92-14 («грудь», «сильфий» и «копье») в строке *c*:

c) 04-92-14	«... Z,
d) 73-12	сына
05-	Y,
e) 18-13	73-12 сына
f) 19-30-92	X,
g) 92-11-44	царя...»

Теперь становится понятным принцип построения всего текста и связанной с ним расстановки пунктуационных значков. Текст делится на три отрезка, объединяющих соответственно строки *a—c* (отрезок I), *d—e* (отрезок II) и *f—h* (отрезок III). Отрезки I и III, каждый из которых выделен поставленными в начале первой и в конце последней строки пунктуационными значками, представляют собой как бы обособленные сфрагистические формулы, которые встречаются на отдельных трехсторонних печатях с легендами обычного объема:

I		III	
a) × 14-08-73	f) × 19-30-92		
18-136-13	g) 92-11-44		
b) 04-92-14 ×	h) 18-80-21 ×		

Весьма вероятным представляется изготовление двух таких печатей с именами минойских правителей, деда по имени X (19-30-92) и внука по имени Z (04-92-14), еще до того, как на основе их легенд был составлен необычно большой по объему восьмистрочный текст. Задача дать более развернутую генеалогию правителя Z в надписи на его новой печати была решена древнекритским каллиграфом весьма просто и оригинально — путем объединения заимствованных с более ранних образцов двух кратких текстовых формул (их границы остались отме-

ченными пунктуационными значками) с помощью двустрочной вставки:

d) 73-12 05 — «... сына Y

e) 18-13 73-12 сына...»

Такая вставка нигде и никогда не могла фигурировать в качестве самостоятельной текстовой формулы и, вероятно, поэтому по правилам синтаксиса критской иероглифической письменности не требовала снабжения ее собственным пунктуационным значком. Искусственностью ее введения в текст объясняется и возможность переноса слова (в данном случае личного имени) с одной строки (d) на другую (e), что, видимо, обычно не практиковалось в иероглифических надписях на критских печатях. Ведь чтобы разместить каждое из трех слов вставки на отдельной строке, нужно было бы иметь еще одну свободную грань призмы, и при этом дважды по целой грани (образующей узкое и длинное прямоугольное поле) пришлось бы заполнять всего лишь двумя иероглифами. Все это оказалось бы затруднительным с композиционной точки зрения и крайне нерациональным в смысле использования пространства, столь малого для заданного объема текста надписи.

Удлинение до трех поколений генеалогической цепочки в сфрагистической легенде восьмисторонней печати остается пока уникальным случаем для критских иероглифических текстов. Указание же имени отца после имени владельца печати не было редкостью. Например, в некоторых сфрагистических легендах одновременно присутствуют два рассмотренных нами выше личных имени 05-18 (05-18-13) и 19-30 (19-30-92)²², первое из которых является, следовательно, именем владельца печати, а второе его патронимиком. Примечательно, что в этих легендах имена сына и отца следуют одно за другим без вставного блока иероглифов 73-12, передающего слово «сын». Вероятно для минойцев обычным было употребление на письме патронимика без предваряющего его термина родства. Появление же последнего в тексте надписи на восьмисторонней печати вызвано усложнением традиционной двучленной генеалогической схемы за счет добавления к ней имени деда.

Наличие не только имени владельца печати, но и его патронимика можно предполагать в иероглифических легендах еще нескольких критских печатей. Прежде всего, весьма вероятно присутствие патронимика в над-

писи на неоднократно упоминавшейся выше «царской печати 1898 г.» из Кносса. Как уже говорилось, сторона *a* этой печати заята обозначением титула, а сторона *b* — именем минойского династа. На третьей и последней стороне (см. сторону *c* на рис. 8) помещен блок из двух иероглифов 18-21 («мастерок» и «скобель»), или, может быть, правильнее 21-18 (исходя из наличия перед знаком 21 косоугольного крестика, могущего выступать здесь лишь в роли инициального значка). Он встречается еще на двух печатях²³, причем на одной из них — вместе с титулярной группой знаков 11-44²⁴, что позволяет видеть в этом блоке, по аналогии с выявленными сходным образом личными именами 05-18 (05-18-13) и 19-30 (19-30-92), также личное имя. Теперь остается решить вопрос: какое из двух личных имен на «царской печати 1898 г.» является именем ее владельца, а какое — именем его отца (ведь нам неизвестен тот порядок, в котором следует оттискивать поочередно все три грани сердоликовой призмы).

Сделать это помогает обращение к другой трехсторонней минойской печати с иероглифической надписью, опубликованной А. Эвансом²⁵. Стиль исполнения отдельных иероглифов и каллиграфическая манера данной надписи (рис. 11) настолько близки к тому, с чем мы знакомы по «царской печати 1898 г.» из Кносса, что возникает мысль о работе над обоими этими шедеврами глиптики Крита среднеминойского периода одного и того же придворного художника. В данной связи нам кажется удобным впредь именовать печать, к рассмотрению которой мы переходим, условно «малой царской печатью».

Две стороны этой печати (*a* и *b*) несут на себе краткие формулы, состоящие соответственно из трех и двух иероглифических знаков. Однотипность их содержания становится ясной уже с первого взгляда благодаря примененному резчиком данной печати художественному приему — строгому соблюдению равенности групп укрупненных рисуночных знаков-иероглифов с добавлением простых орнаментальных мотивов (в противоположность текстовому отрезку на третьей стороне печати, где намного большее число тесно стоящих иероглифических знаков образует двустрочный «бустрофедон»). Сторона *b* «малой царской печати» несет на себе тот же блок 21-18 (инициальный значок и здесь стоит возле знака 21), что и сторона *c* «царской печати 1898 г.», то есть имя минойского династа (сына или отца царя по имени 19-

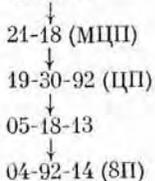

Рис. 11. Критская иероглифическая надпись на трехсторонней «малой царской печати»

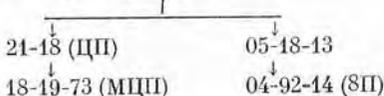
30-92). Однотипная с ней по смыслу группа 18-19-73 («мастерок», «лекало» и «голова волка с высунутым языком», с инициальным знаком у иероглифа 18) на стороне *a* тогда тоже может передавать личное имя, входящее таким образом в антропонимический блок «имя плюс патронимик». Отсутствие при этом привычной титулярной группы 11-44 (92-11-44) не должно смущать нас, поскольку, как мы видели, она не является обязательной для данного типа сфрагистических формул²⁶.

Полученные в результате анализа текстов двух последних печатей («царской печати 1898 г.» и «малой царской печати») пары личных имен и патронимиков — 19-30-90 + 21-18 и 18-19-73 + 21-18 — с учетом генеалогических данных о потомках минойского правителя по имени 19-30-92, содержащихся в тексте надписи на восьмисторонней печати, могут быть сведены воедино в трех различных вариантах построения поколенной росписи царского рода, к которому принадлежали пять оставивших свои имена на иероглифических печатях критских владык:

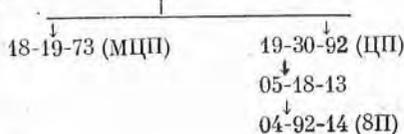
1) 18-19-73

2) 19-30-92

3) 21-18

Поясним, что аббревиатуры в скобках после личных имен в приведенных выше схемах обозначают персональную принадлежность в каждом из предложенных вариантов «царской печати 1898 г.» (ЦП), «малой царской печати» (МЦП) и восьмисторонней печати из собрания Эшмолеанского музея (8П).

Очевидной слабостью первого варианта является подразумеваемый им слишком большой хронологический разрыв (в целых три поколения) между моментами изготовления «малой царской печати» и восьмисторонней печати. Разница в палеографических особенностях надписей на них безусловно имеется, но она не столь уж велика, и потому куда более приемлемыми в этом отношении выглядят второй и третий варианты. В смысле возможной достоверности второго варианта несколькостораживает то обстоятельство, что он предполагает совершенно симметричное разветвление царского рода как минимум в двух поколениях кряду, причем в обеих обособившихся линиях в каждом поколении оказывается не менее одного царствовавшего агната. Третий вариант, как самый правдоподобный со всех точек зрения, кажется пока наиболее подходящим для принятия его в качестве рабочей схемы.

Прежде чем обратиться к другим иероглифическим текстам на критских печатях, в которых также можно обнаружить антропонимические блоки «имя плюс патронимик», включающие одно из уже определенных нами минойских царских имен, следует заметить, что группа знаков 05-18-13 может соответствовать в них только патронимику, ибо имя отца носителя этого имени нам уже известно: им был 19-30-92 (см. выше). То же самое, при принятии третьего, наиболее вероятного, варианта реконструкции родословного древа владельцев «царской печати 1898 г.», «малой царской печати» и восьмисторонней печати из собрания Эшмолеанского музея, можно утверждать и в отношении личного имени 19-30-92, так как в роли связанного с ним патронимика оказывается тогда группа иероглифов 21-18.

На одной из сторон (стороне *d*) четырехгранной халцедоновой печати, находящейся в собрании Британского музея (рис. 12) и изданной Л. Эвансом²⁷, выгравирована группа знаков 05-18-13, а на противоположной ей (стороне *b*) — титулярная группа 92-11-44. Если данная печать принадлежит к рассмотренному выше типу печатей, несущих на себе антропонимический блок «имя плюс патронимик» и титул владельца печати, то в какой-то из двух

Рис. 12. Критская иероглифическая надпись на четырехсторонней печати из собрания Британского музея

Рис. 13. Критская иероглифическая надпись на четырехсторонней печати из собрания Эпимолеанского музея

группы иероглифов, помещенных на стороне *a* и *c* (обе эти стороны соседствуют со стороной *d*), должно быть заключено имя минойского династа, сына 05-18-13. В этом смысле обращает на себя внимание группа знаков на стороне *c*: 112-84-60-23-112 («крест», «змея», «каракавица», «пила» и еще один «крест»). Здесь мы встречаемся с редким случаем, когда все иероглифы группы находят точные соответствия в репертуаре знаков как происходящего непосредственно от критской иероглифики линейного письма А, так и линейного письма В, и, следовательно, могут быть прочитаны по аналогии с соответствующими им силлабограммами последнего²⁸. Полученное таким образом чтение слова 112-84-60-23-112 = RO-WE-SA-ZE-RO вполне удовлетворительно истолковывается как сложное минойское имя, составленное из двух частей: RO-WE и SA-ZE-RO (ср. образованные аналогичным образом древнерусские княжеские имена *Влади-мир*, *Свято-полк*, *Рости-*

слав и т. п.). Обе эти составные части в качестве самостоятельных личных имен *Ro-wo* (с греческим окончанием) и *Sa-ze-ro* встречаются в текстах табличек линейного В из Кносса и Пилоса²⁹. Они несомненно унаследованы из минойской ономастики. В пользу такого вывода говорит и наличие в кноссских табличках линейного В личного имени *Ze-ro*³⁰, имеющего, по-видимому, общий корень с *Sa-ze-ro* (*sa* — употребительный минойский префикс).

В собрании Эпимолеанского музея находится другая четырехсторонняя печать³¹ (рис. 13), которая несет на себе, помимо титулярной группы 92-11-44 (на стороне *a*), уже определенное нами личное имя 19-30-92 (на стороне *d*). Так как эти группы знаков размещаются на смежных гранях, в один антропонимический блок «имя плюс патронимик» с группой 19-30-92 может входить в надписи на данной печати только группа 64-31 («голова телянка» и «виспящая гиря», с инициальным знаком у знака 64), занимающая вторую соседнюю с ней (при последовательном оттискивании всех четырех граней печати) сторону *c*.

Если суммировать все результаты произведенного выше анализа сфрагистических легенд, можно построить генеалогическую таблицу критских династов, имена которых выявляются на иероглифических печатях (рис. 14). В этой стемме насчитывается четыре поколения и семь агнатов. Перед нами несомненно целая династия царей, правивших в Кноссе. Такой вывод происходит из того обстоятельства, что рассмотренные иероглифические печати образуют единую группу памятников, которая принадлежит именно к «кносскому царскому кругу» (определяющим моментом здесь является однако не факт находки «царской печати 1898 г.» — самого яркого памятника данной группы — в Кноссе, а другой, куда более значимый для ее атрибуции признак: элементы ее декоративного оформления находят себе ближайшие параллели в произведениях художника-вазопищика кноссских дворцовых мастерских³²). Промежуток времени, охватываемый реконструированным нами родословным древом, приходится примерно на XVIII — первую половину XVII в. до н. э., поскольку он заключен в пределах среднеминойского II В — среднеминойского III А периодов. Главным ориентиром для более или менее точной хронологической привязки отдельных звеньев генеалогической цепочки служит все та же датировка «царской печати 1898 г.», принадлежавшей представителю второго из четырех поколений в стемме, рубежом XVIII—XVII вв. до н. э.

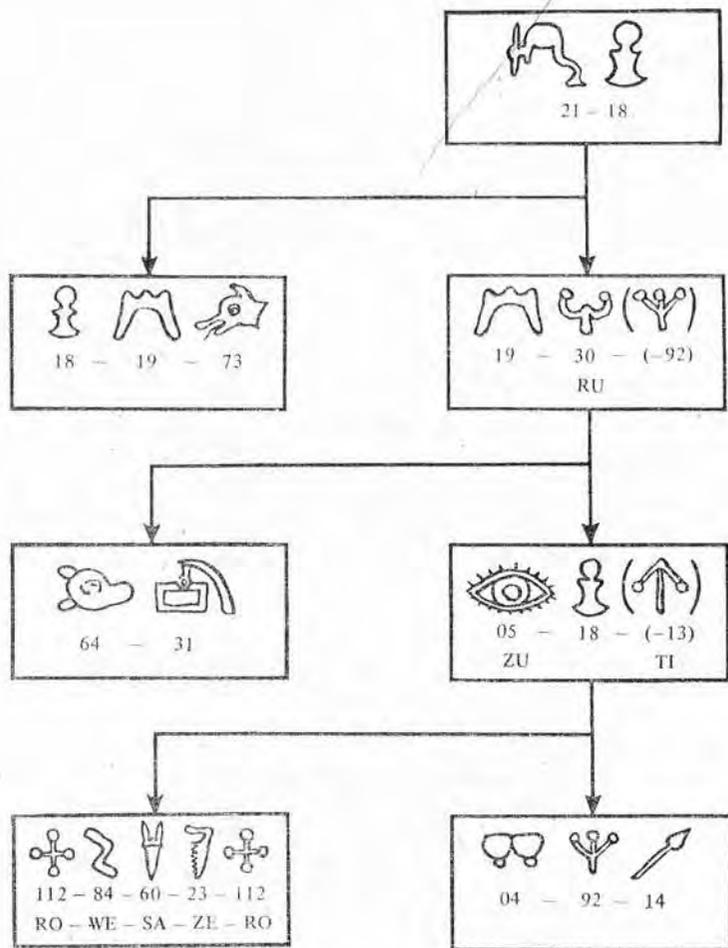

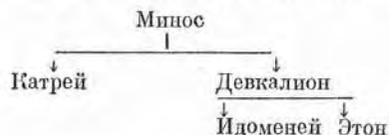
Рис. 14. Генеалогическая таблица кносских царей XVIII — первой половины XVII в. до н. э. по данным иероглифических надписей на печатях

В порядке престолонаследия, отраженном в реконструированном родословном древе кносских владык, отмечается определенное своеобразие: в трех поколениях подряд брату наследует брат, то есть как будто бы прослеживается соблюдение принципа простого старшинства в роде. Конечно, трудно настаивать на абсолютной достоверности такого вывода, поскольку сама приведенная вы-

ше поколенная роспись в отдельных ее частях достаточно гипотетична. Однако нельзя не отметить, что критская мифолого-историческая традиция, сохраненная античными авторами, в отношении осуществления на практике преемственности власти внутри рода кносских владык в ахейское время рисует картину, весьма сходную с той, которая наблюдается в реконструированной нами поколенной росписи царей Кносса минойской (догреческой) эпохи.

В «Библиотеке» Аполлодора подробно изложена родословная властителей Крита — потомков Миноса, правившего в Кноссе³³. В сжатом виде она выглядит следующим образом. Миносу наследовал старший сын Катрей. Преемником Катрея был его младший брат Девкалион. После Девкалиона царем Кносса и всего Крита стал его сын Идомей. Когда же Идомей отплыл вместе с другими ахейскими вождями под Троию, местоблюстителем царского престола, то есть потенциальным наследником, в Кноссе остался, как мы узнаем из «Одиссеи»³⁴, его младший брат Этон, хотя здесь же упоминается и взрослый сын Идомея Орсилох, доживший до конца Троянской войны и возвращения с нее домой критских дружин³⁵.

Если с учетом приведенных данных античной мифолого-исторической традиции построить генеалогическую таблицу кносских Миносидов, включающую имена четырех царей и одного «регента», то просматриваемый в ней порядок престолонаследия окажется аналогичным тому, который выявляется в реконструированном выше родословном древе правителей Кносса среднеминойского II В — среднеминойского III А периодов (см. рис. 14), известных нам по иероглифическим печатям:

Здесь также налицо наследование царской власти не по прямой мужской линии, а с учетом простого старшинства в роде: наследником каждый раз оказывается ближайший по степени родства агнат того же или следующего поколения, то есть умершему царю наследует следующий по старшинству брат, а за неимением такового — старший сын покойного правителя. Это сходство, надо думать, не является результатом случайного совпадения, а отражает ту преемственную связь, которая, несомненно,

существовала между древнейшими минойскими установлениями административно-правового характера и политическими институтами общекритского государства ахейского времени³⁶. Реконструированная в результате детального эпиграфического и структурного анализа иероглифических надписей на минойских печатях генеалогия кносских царей XVIII — первой половины XVII в. до н. э. получает, таким образом, важное косвенное подтверждение.

К сожалению, лишь одно из входящих в нее царских имен читается полностью: RO-WE-SA-ZE-RO (правитель Кносса, носивший это имя, жил, по-видимому, в первой половине XVII в. до н. э.). В других именах в лучшем случае для одного-двух иероглифов могут быть предложены слоговые чтения по аналогии с происходящими от них силлабограммами линейного письма А и В. Однако сам факт употребления по крайней мере некоторых знаков критской иероглифики в качестве силлабограмм при передаче на письме личных имен, на наш взгляд, не вызывает сомнений³⁷. В качестве доказательства приведем еще один пример соответствия фонетически прочитанной (как сочетание силлабограмм) группы иероглифов критскому (вероятно, минойскому) личному имени. На одном глиняном ярлыке из Кносского дворца³⁸ дважды оттиснута группа из трех иероглифов 44-112-36 («ворота», «крест» и «двулезвийная секира»), находящих себе точные аналогии среди слоговых знаков линейного письма А и В. Судя по положению иероглифического знака 36 (двулезвийная секира обращена нижним концом топорика влево), читать ее следует, начиная с правого иероглифа: A-RO-IO. Совершенно тождественная форма *A-ro-jo* фигурирует в списках личных имен на табличках линейного В из Кносса и Пилоса³⁹.

Глава 5. Надписи на печатях

Следует в любом случае признать, что при изучении критских иероглифических печатей первой трети II тысячелетия до н. э. по-прежнему наиболее актуальной остается задача — выявить основные типы текстовых формул, проследить их происхождение и эволюцию. Только установление типологии сфрагистических легенд способно обеспечить построение четкой систематизации для всего теперь уже достаточно многочисленного эпиграфического

материала указанного разряда, создать реальные возможности для проникновения в смысл древнейших минойских текстов на основе использования комбинаторного метода исследования.

Первые наблюдения типологического характера относительно критских печатей с легендами, выполненными местной иероглификой, были сделаны, как вы помните, уже А. Эвансом¹. Мы, как и другие исследователи, шли по намеченному им пути. В результате удалось выделить группу памятников, определяемых как печати «кносского царского круга»², о чем рассказывалось в предыдущей главе. В этой группе центральное место занимают такие шедевры минойской глиптики, как «царская печать 1898 г.» из Кносса и «малая царская печать», а также восьмисторонняя печать из собрания Эпмолеевского музея. Последняя благодаря сравнительно большому объему помещенной на ней легенды оказалась весьма информативной, причем возможности ее изучения, как мы еще сможем убедиться, далеко не исчерпаны в предыдущих штурмах, посвященных ей.

Однако среди других изданных памятников сфрагистики Крита среднеминойского времени имеется еще один образец, который в не меньшей мере заслуживает детального рассмотрения, причем не только на предмет возможностей его функционально-смысловой атрибуции, но и в типологическом аспекте. Речь идет о четырехсторонней стеатитовой печати из собрания Афинского музея, опубликованной А. Эвансом еще в начале нынешнего столетия³. Надпись на ней до сих пор остаётся самым крупным текстом, выполненным критским иероглифическим письмом (рис. 15). Но несмотря на свой необычно большой объем, данный текст так и не привлек к себе должного внимания. Причина такого отношения к нему исследователей кроется не столько в тех значительных трудностях, с которыми вообще сопряжена работа над дешифровкой и интерпретацией минойских текстов, сколько в индивидуальных особенностях рассматриваемого памятника письменности.

Все четыре прямоугольные боковые грани сильно удлинённой призматической бусины из белого стеатита (длиной 60—62 мм при ширине граней 8,5—10,5 мм), просверленной по продольной оси, покрыты иероглифами. Текст, образующийся при последовательном оттискивании каждой из сторон печати на мягком материале, можно передать, придерживаясь общепринятой нумерации

Рис. 15. Критская иероглифическая надпись на четырехсторонней печати из Афинского музея

иероглифических знаков, следующим образом:

- a) X 97 13 97 97 97 57 97
 b) 30 27 27 114 27 27 114 27 27 65 24
 c) 54 96 97 97 X 04 84 25 80(?) X
 d) 24 99 60 14 18 60 30 112 54 60 41 68 27 32 X

А. Эванс, основываясь на наличии в группах иероглифов пунктуационных значков в виде косых крестиков, которые он считал инициальными, пытался определить направление чтения каждой из строк и общий порядок чтения всей четырехстрочной надписи. Однако обнаружить четкую закономерность в построении текста таким образом ему не удалось. Проникнуть в смысл надписи на рассматриваемой печати он старался прежде всего путем ее чисто идеографического толкования. Так, по его мнению, блок рисуночных знаков «корабль» (57) и «дерево» (97) указывает на заморскую торговлю строевым лесом. С другой стороны, А. Эванс, подозревая в знаке 114 («горы») детерминатив, допускал возможность усматривать в соединении его внутри единой группы иероглифов со знаками 24 («пестик»), 65 («голова козла») и 27 («плуг») способ передачи на письме «географической формулы»⁴.

Как нам уже приходилось отмечать, специальные значки в виде косых крестиков играли в иероглифических надписях на печатях роль разграничителей разного рода текстовых отрезков и отнюдь не всегда отмечали именно их начало. Поэтому нельзя точно установить последовательность чтения иероглифов и их групп на разных гранях печати, исходя только из расположения в строках

пунктуационных значков. Но эпиграфический и структурный анализ текста печати из Афинского музея позволяет все же выявить некоторые особенности текстовых отрезков — отдельных элементов, составляющих сфрагистическую легенду.

Строка *a* весьма специфична по составу графем: в ней из 8 иероглифов оказывается 6(!) одинаковых. Еще явственнее монотонный характер данного текстового отрезка проступает после его транскрибирования в результате прочтения иероглифических знаков как слоговых по аналогии с происходящими от них syllaboграммами линейного письма А и В: *a*) TE TI TE TE TE TE TU TE. Однако именно такой, казалось бы чересчур странный по фонетическому облику, ряд syllabem достаточно легко поддается вполне правдоподобному истолкованию. Для этого достаточно допустить, что здесь налицо аллитерация в последовательности однокоренных слов: *a*) TE-TI-TE TE-TE TE-TU-TE.

Те же черты присущи и строке *b*. Хотя большинство иероглифов в ней не транслитерируется, повтор их блоков в принципе аналогичен: *b*) 30-27-27 114-27-27 114-27-27-65-24. При этом стоящий в третьем (в условном порядке слева направо) слове после корневого блока 27-27 в явно суффиксальной позиции слоговой, судя по его положению в слове, знак 65 («голова козла») имеет фонетическое значение ME (ср. восходящие к нему syllaboграммы — № 84 линейного А и № 13 = *me* линейного В), что заставляет вспомнить характерный минойский суффикс *-te*.

Очень немного можно сказать пока об остальных двух строках надписи. В строке с пунктуационными значками и композиционно выделяются две обособленные группы по четыре знака в каждой: 54-96-97-97 и 04-84-25-80(?). В одной из них присутствует блок 97-97 = TE-TE, возможно, корневой, что заставляет усматривать здесь смысловую связь с содержанием строки *a*. Строка *d* содержит, по-видимому, не менее трех-четырех слов, записанных слоговыми знаками. Но предложить сколько-нибудь обоснованное членение этой части сфрагистической легенды на группы иероглифов, соответствующие отдельным лексемам, не удастся из-за недостатка сопоставительного материала.

Рассматриваемая печать по структуре помещенного на ней текста стоит несколько особняком среди других памятников минойской сфрагистики. Ее легенда, состоящая в основном из аллитерированных слов, более всего

походит на формулу заклинания. Такое содержание надписи на предмете, который выполнял, следовательно, скорее всего магическую функцию, требовало — в силу заранее заданной специфики фиксируемых языковых форм — использования силлабографического, то есть послогового способа их записи.

подавляющее большинство прочих опубликованных на сегодняшний день критских иероглифических печатей явно не принадлежит к числу сфрагистических атрибутов ритуальной практики минойцев, а связано с практикой ведения текущей отчетности в дворцовом хозяйстве династии Центрального и Восточного Крита среднеминойского времени, и прежде всего царей Кносса XVIII — первой половины XVII в. до н. э. Теперь появляется возможность восстановить картину последовательного развития на протяжении первой трети II тыс. до н. э. иероглифических легенд на печатях «кносского царского круга» и типологически родственных им, служивших для опечатывания заполненных припасами емкостей⁵.

Структурный анализ отдельных образцов и всей совокупности относящегося сюда эпиграфического материала показывает, что три главных элемента, из которых потом складывались более сложные текстовые формулы, сначала могли фигурировать как совершенно самостоятельные сфрагистические типы или в сочетании с чисто художественными композициями изобразительного и орнаментального характера, помещавшимися на смежных гранях тех же каменных печатей-призм. Это группы иероглифов, для которых комбинаторным путем устанавливаются значения, типичные для кратчайших владельческих надписей.

Титул правителя, причем в форме посессива-генетива, передается, как было показано в предыдущей главе⁶, блоком иероглифических знаков 92-11-44 («ильфий», «нога» и «ворота») со значением «царь»⁷, иногда выступающим в усеченном (11—44) или ином модифицированном варианте⁸. Каллиграф-миноец мог также взамен этого блока, составленного, как видно, из силлабограмм, вырезать на печати иероглиф 74 («кошачья голова»), судя по всему обозначавший в качестве идеограммы (логограммы) то же понятие, что и указанная титулярная группа. В более пространственных сфрагистических легендах⁹ это делалось, несомненно, для сокращения объема текста, который граверу надлежало нанести на миниатюрный предмет. В иных случаях иероглифический знак 74 употреб-

лялся по принципу синонимии вместо титулярной группы 92-11-44 (11-44), выполняя ту же роль самостоятельной сфрагистической микроформулы¹⁰.

Личные имена древнекритских владык, причем в форме посессива-генетива, ранее уже опознаны нами в устойчивых сочетаниях иероглифов 19-30 (19-30-92 — «лекало», «рога» и «ильфий») и 05-18 (05-18-13 — «человеческий глаз», «мастерок» и «стрела»)¹¹. Последние же связываются, как мы помним, в единую генеалогическую цепочку еще с несколькими предполагаемыми царскими именами, в том числе с полностью транслитерируемой ономастической формой 112-84-60-23-112 = RO-WE-SA-ZE-RO, вполне надежно интерпретируемой как сложный минойский антропоним.

Наблюдения общетиологического порядка приводят к выводу, что третий «первичный элемент» — блок знаков 18-13 («мастерок» и «стрела»)¹², нередко расширяющийся в более пространственных легендах за счет какого-либо добавочного иероглифа¹³, содержит в себе указание на сам факт наложения на имущество знака собственности. Как известно, простейшие сфрагистические формулы, являющиеся по сути дела перенесенными на матрицу владельческими пометками, охватывали всегда только сугубо ограниченный круг тесно связанных между собой идей. Набор же таковых сводился к естественным образом к оптимальному минимуму: 1) идея принадлежности опечатываемого имущества конкретному лицу, которая реализовывалась через написание личного имени; 2) идея принадлежности имущества некоему институту власти, ее носителю — она проklamировалась путем наименования соответствующего титула; 3) идея гарантирования сохранности подконтрольных материальных ценностей — она непосредственно выражалась в наложении штампа с надписью, удостоверяющей совершение надлежащей процедуры. Поскольку именные и титулярные группы иероглифов в легендах на минойских печатях уже выявлены, неинтерпретированный пока блок знаков 18-13 («мастерок» и «стрела») остается отождествить со словом, имеющим значение типа «печать», «запечатанное», «скрепленное печатью», «за печатью» и т. п. Такая интерпретация, допускающая и даже подразумевающая факультативную замену исходной словоформы в аналогичной позиции производными от нее, хорошо согласуется с фактами появления весьма вероятных дериватов той же основы (ср., например, блоки 18-97-13 = ?-TE-TI и 18-13-92¹⁴ с до-

вольно характерными для пероглифического минойского языка суффиксальными расширителями).

Соединение выявленных нами первичных микроформул в различных сочетаниях и появление сразу двух личных имен в составе блока «имя плюс патронимик» рождало варианты более пространных легенд. Так, на двух соседних гранях трехсторонней призматической печати из зеленой яшмы, найденной в провинции Сития (Восточный Крит) и изданной А. Эвансом¹⁵, выгравированы пары пероглифов: 18-13 и 11-44. Исходя из установленного ранее значения каждого из этих блоков, получаем перевод всей надписи (третью грань призмы занимает орнаментальная композиция): «печать царя». Прибавлением же к блоку 18-13 именной микроформулы можно было составить легенду: «печать такого-то». Минимально усложненный вариант ее логично усматривать в тексте на трехгранной печати из Кордакии (Восточный Крит)¹⁶: 18-97-13 = ?-TE-TI (суффиксальное образование от 18-13) + 18-13 = ?-TI + 05-18 (личное имя), переводимом в результате как «запечатано печатью такого-то (Y)*».

Более развитая формула, составленная из всех трех «первичных элементов», присутствует на минойских печатях, попавших в музейные собрания Берлина¹⁷ и Гераклиона¹⁸. Первая из них несет легенду: 18-13 + 11-44 + 19-30-92 — «печать царя такого-то (X)». Вторая содержит типологически совершенно идентичный текст: 18-13 + 11-44-62 + 05-18 — «печать царя такого-то (Y)». Владельцами этих двух печатей оказываются, как видно из реконструированной нами ранее стеммы (см. рис. 14), отец и сын — представители кносской царской династии.

Размещение рядом с личным именем пероглифа-идеограммы 74, равнозначного, как уже говорилось выше, титулярной группе 92-11-44 (11-44), позволило скомпоновать на двух гранях призматической печати трехчастную формулу: 18-13 + 05-13 + 74¹⁹ — «печать такого-то (Y), правителя (царя)».

Дополнение имени владельца печати патронимиком вело к развертыванию в легенде генеалогической формулы. Вот его примеры: 1) 92-11-44-84 (суффиксальная форма титулярной группы) + 19-30-92 (личное имя) +

+21-18 (личное имя)²⁰ — «царя такого-то (X), сына такого-то (W)», таков оказался перевод надписи на «царской печати 1898 г.» из Кносса; 2) 92-11-44-44 (титулярная группа с графической редупликацией корня, возникшей из-за желания гравера обязательно соблюсти симметрию в создаваемой им каллиграфической композиции) + 05-18 (личное имя) + 19-30-30-92 (личное имя в написании с графической редупликацией, введенной по тому же принципу симметрии знаков)²¹ — «царя такого-то (Y), сына такого-то (X)»; 3) 92-11 (усеченный графический вариант титулярной группы 92-11-44) + 05-18 (личное имя) + 19-30-92 (полное написание личного имени, пероглифы которого размещены в поле матрицы предельно компактно, из-за чего их рисунок и положение отличаются от обычных, а третий знак как бы вставлен внутрь монограммы, образованной двумя другими)²² — «царя такого-то (Y), сына такого-то (X)»; 4) 18-13 + 92-11-44 + 05-18 (личное имя) + 19-30 (личное имя)²³ — «печать царя такого-то (Y), сына такого-то (X)».

Ключ к пониманию смысла еще одного компонента минойских сфрагистических легенд дает надпись на опубликованной А. Эвансом трехсторонней печати из коллекции Р. Сигера (см. рис. 16)²⁴. Две грани сердоликовой призмы здесь занимают соответственно титулярная группа 92-11-44 и именная группа 05-18, а на третьей перед блоком 18-13 помещен пероглиф 116, определяемый по аналогии с идентичными знаками линейного письма А (№ 82) и В (№ 131) как идеограмма со значением «вино»²⁵. Перевод всей этой надписи не вызывает затруднений: 116 + 18-13 + 92-11-44 + 05-18 — «вино за печатью царя такого-то (Y)».

На основании данного примера логично предположить, что и в иных случаях, когда в многочастной сфрагистической легенде при сходном сочетании знакомых нам микроформул оказывается помимо них еще одна, пока не поддающаяся толкованию группа пероглифов, в последней может точно так же скрываться наименование некоего вида припасов, подлежащего опечатыванию. Весьма правдоподобно выглядела бы аналогичная трактовка единственной неинтерпретированной строки в ряде четырехстрочных надписей: 1) 64-84-14-05 (или, при другом порядке чтения знаков, 05-14-84-64) + 18-136-13 (вероятно, инфиксальная форма от 18-13) + 137-92-11-44 (префиксальная форма титулярной группы 92-11-44) + 18-19-73 (или 73-19-18, личное имя)²⁶ — «печто за печатью царя

* Для удобства передачи пока не транскрибируемых имен минойских правителей при переводе критских пероглифических текстов мы условно обозначаем их латинскими литерами: Z (04-92-14), Y (05-18/05-18-13), X (19-30/19-30-92), W (18-21/21-18), T (64-31/31-64) и S (18-19-73/73-19-18).

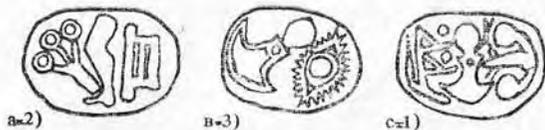

Рис. 16. Критская иероглифическая надпись на трехсторонней печати из коллекции Р. Сигера

Рис. 17. Критская иероглифическая надпись на трехсторонней печати из швейцарской коллекции

такого-то (S)»; 2) 114-08-110 + 18-13-92 + 108-05-18 (личное имя, предваряемое дополнительным знаком) + 19-30-92 (личное имя)²⁷ — «некто за печатью такого-то (Y), сына такого-то (X)»; 3) 54-13-64 + 64-31 (личное имя) + 19-30-92 (личное имя) + 92-11-44 (титularная группа)²⁸ — «некто такого-то (T), сына такого-то (X), правителя (царя)»; 4) 57-112-24 = TU-RO-? + 92-11-44 (титularная группа) + 112-84-60-23-112 = RO-WE-SA-ZE-RO (личное имя) + 05-18-13 (личное имя)²⁹ — «некто под названием *tu-ro-?* (ср. греч. τυρός — 'сыр', микенское *tu-ro*) царя Ровесазеро, сына такого-то (Y)».

По-видимому, ту же схему построения легенды мы встречаем и на одной трехсторонней печати (см. рис. 17): 64-60-30 + 18-13 + 05-18 (личное имя)³⁰ — «некто за печатью такого-то (Y)». Причем имеется возможность несколько конкретизировать интерпретацию первой по порядку группы иероглифов в этой надписи. Дело в том, что знак 64 («голова теленка») отделен резчиком матрицы вертикальной чертой от двух других знаков строки — 60 («каракатица») и 30 («рога»). Это заставляет рассматривать его как обособленный отрезок текста и соответственно видеть в нем идеограмму (логограмму), по смыслу так или иначе связанную с изобразительным прообразом графемы. Блок иероглифов 60-30 транслитерируется при силлабографическом его понимании как SA-RU. Такое слово встречается в табличках линейного письма А при перечислении сельскохозяйственных культур («...акару, кунису, сару...»)³¹. Значит, группа знаков 64 + 60-30 передавала название некоего вида фуража — 'сару для телят'.

Выяснить точнее, что же по-минойски значило *sa-ru*, помогает обращение к репертуару знаков линейного письма В, родственного письменностям критян-минойцев. Там имеется идеограмма с совершенно надежно установленным значением 'лен'. Она же при послоговой записи слов выступала в качестве силлабограммы, читаемой как *sa*. Имеются все основания видеть в указанной идеограмме сокращенное до первого слога минойское название льна³². Тот же контекст, в котором слово *sa-ru* обнаруживается в хозяйственных записях на табличках линейного А, вполне позволяет опознать именно в нем искомый культурный термин³³. Такому толкованию данного минойского слова не противоречит и его место в рассмотренной выше сфрагистической легенде. Ведь «лен» — это одновременно и исходное сырье для производства ткани, и сама ткань, и семя данного растения, имевшего важное значение и как маслянистая культура. При упоминании *sa-ru* как вида фуража, предназначенного для телят из царского стада и учитываемого хранителями запасов дворцовых кладовых, должно было иметься в виду, думается, скорее всего отжатое льняное семя, т. е. льняные жмыхи, которые и поныне признаются одним из лучших видов корма для молодняка крупного рогатого скота.

Тенденция к повышению информативности сфрагистической легенды в рамках традиционного способа ее построения нашла свое выражение и в дальнейшем расширении наиболее престижного, генеалогического компонента. Ярким примером этого служит рассматривавшийся нами в предыдущей главе иероглифический текст на восьмисторонней печати из Эпмолейского музея. Его перевод мы можем теперь дополнить: 14-08-73 + 18-136-13 (вероятно, инфиксальная форма от 18-13) + 04-92-14 (личное имя) + 73-12 (блок знаков, соответствующий, как было установлено ранее, термину родства «сын» в форме генетива) + 05-18-13 (личное имя) + 73-12 (термин родства «сын» в форме генетива) + 19-30-92 (личное имя) + 92-11-44 (титularная группа) + 18-80-12 (ономастическая форма типа династико-родового имени, образованная от антропонима 18-21; ср., например, типологически сходную пару минойских личных имен — *Ta-no* и *Ta-na-to*) — «некто за печатью такого-то (Z), сына такого-то (Y), сына такого-то (X), царя из рода некоего W».

Таким образом, изучение минойских сфрагистических формул дает новые данные для реконструкции не только царских генеалогий и этнической ситуации на Крите в

первой трети II тыс. до н. э. (по языковым фактам, извлекаемым из иероглифических текстов), но и системы учета в дворцовом хозяйстве владык Кносса среднеминойского времени. Весьма показательны наличие целой группы параллельно употреблявшихся печатей с именем одного и того же правителя, наиболее характерные индивидуальные отличия которых проявлялись в несовпадении

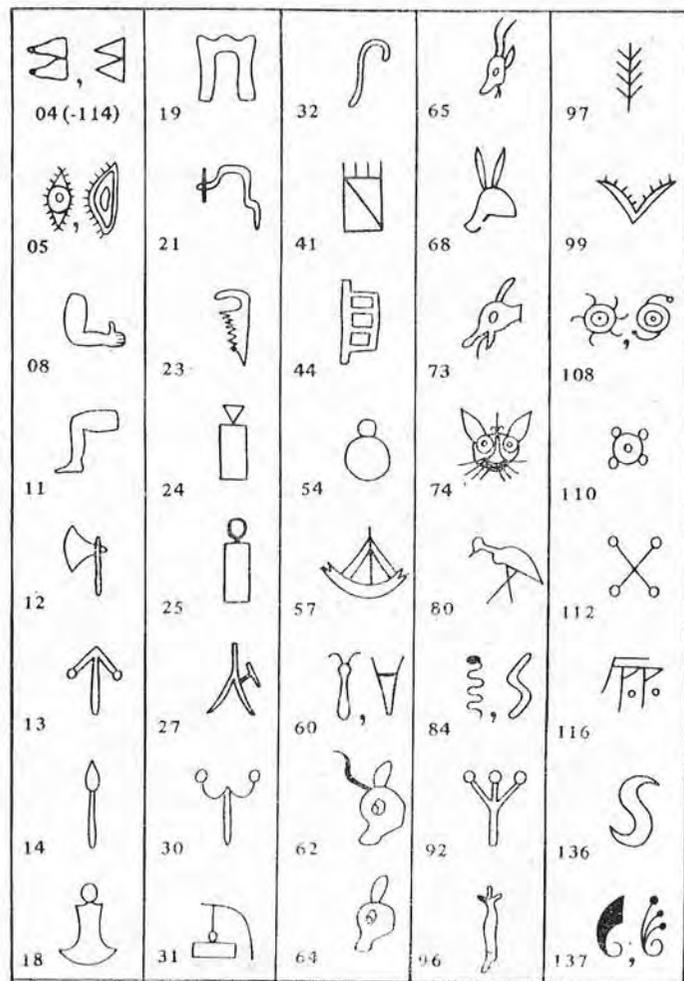

Рис. 18. Репертуар знаков в рассмотренных критских иероглифических надписях на печатях

названных в их легендах видов материальных ценностей, подлежащих учету (наименования последних передавались соответствующими идеограммами и/или блоками слоговых знаков). Объяснение этому может быть только одно: перед нами атрибуты представителей достаточно разветвленного административного аппарата, осуществлявших функцию контроля каждый в своем, узко специализированном ведомстве.

Как видим, из имеющихся иероглифических надписей удается извлечь и еще кое-что новое для их понимания. Но, конечно же, работа над дешифровкой памятников критской иероглифики пошла бы намного быстрее и успешнее, если бы в распоряжении ученых оказались куда большие по объему тексты, выполненные этим письмом. А пока возможности использования критских иероглифических текстов для изучения истории, культуры и языка минойцев остаются очень скромными.

Глава 6. Развитие письменности на Крите

Весьма примечателен тот факт, что исследования последних десятилетий подтверждают в принципе выводы А. Эванса относительно бытования различных систем письма на Крите эпохи бронзы, лишь дополняя их и уточняя отдельные частные моменты в общей эволюционной схеме. Постепенное возникновение здесь подлинного письма, письма фонетического, которое всегда появляется одновременно со становлением цивилизации и вызывается к жизни хозяйственными пущами нарождающегося классового общества (первоначально лишь как средство учета), достаточно хорошо прослеживается по критским печатям III тысячелетия до н. э. Известно немало относящихся еще к раннеминойскому I периоду печатей разнообразных форм с изображениями людей, животных и различных неодушевленных предметов, явно имеющих характер пиктограмм. Самые ранние из них датируются первой половиной III тысячелетия до н. э. На появление таких печатей, предназначенных для оттискивания рисунков, имеющих значение личных знаков собственности, несомненно, оказали известное влияние египетские образцы, в достаточно большом количестве проникавшие на остров Крит из долины Нила.

некоторые силлабограммы, передавая слог, состоящий из одного лишь гласного звука, как бы выполняли роль наших букв.

Таким образом, развитая критская иероглифика, которая представлена памятниками всего среднеминойского периода и окончательно выходит из употребления почти в самом его конце (вероятно около середины XVII в. до н. э.), являла собой типичнейшую смешанную лого-силлабическую, или иначе словесно-слоговую письменность. Тот же характер в принципе имело и критское линейное письмо А, явившееся результатом прежде всего графического упрощения иероглифического (знаки в нем приобрели более легкое и удобное для воспроизведения, обобщенное начертание), употреблявшееся сперва параллельно с ним и пережившее его примерно на два столетия. Однако начавшийся и быстро развивавшийся уже в иероглифике процесс сгущения силлабария на логограммы во всех случаях, когда была желательна максимальная точность в фонетическом воспроизведении слов, как то грамматических форм, имен собственных и т. п. (в инвентарных же списках и прочих реестрах для краткости зачастую было удобнее применять логограммы), зашел в линейном А настолько далеко, что последнее можно назвать по преимуществу слоговым.

Однако наибольшее число критских надписей эпохи бронзы выполнено письмом третьего, самого позднего в кругу трех близко родственных письменностей, типа — так называемым линейным письмом В (в русскоязычных работах оно нередко именуется «линейным Б»), являвшимся в графическом отношении видоизменением линейного А и пришедшим ему на смену на Крите в самом начале позднеминойского II периода, то есть в середине XV в. до н. э., после той страшной геологической катастрофы, которая, как уже рассказывалось постигла остров около 1450 г. до н. э. Поскольку все три описанных вида древнейшего критского, а следовательно и европейского, письма в смысле иконографии своих знаков явно представляют собой звенья единой эволюционной цепи (см. рис. 21), давно стало ясно, что прочтение одного из видов этого письма безусловно повлечет за собой хотя бы частичное прочтение и остальных двух родственных видов.

Наибольшие надежды в этом плане благодаря многочисленности его памятников подавало, естественно, линейное письмо В. Однако более четырех десятилетий уче-

Критская иероглифика	Линейное письмо А	Линейное письмо В

Рис. 21. Сравнение знаков критской иероглифики, линейного А и В

ные безуспешно бились над его дешифровкой. Правда, тому были веские причины. Главную трудность, как это ни парадоксально, создал никто иной как сам А. Эванс, заслуги которого в открытии и исследовании древнекритской цивилизации так велики. Много было сделано Эвансом для изучения памятников письменности Крита: установлена последовательность появления указанных трех основных видов письма, причем в линейном письме определен слоговой характер значительной части применявшихся знаков; верно распознаны в исписанных глиняных табличках документы хозяйственной отчетности; выявлена и расшифрована система цифровых обозначений, встречающихся на этих табличках; указано на генетические связи критской иероглифики и линейного письма А и В с другими письменностями Средиземноморья и т. д. Но стремясь исключительно собственными силами решить

сложнейшую проблему дешифровки, он совершенно неоправданно затянул издание находившихся в его руках богатых материалов и не позволял другим ученым публиковать из них хоть что-либо.

Поэтому в общий научный обиход до второй мировой войны была введена всего лишь крайне незначительная часть критских надписей, выполненных линейным письмом В (чуть более 150). Только после смерти Эванса его друг и коллега Джон Майрс смог приступить к подготовке публикации всех найденных в Кноссе табличек линейного В, осуществленной, наконец, в 1952 г.¹

Эванс создал и еще одно серьезнейшее препятствие, которое также мешало и ему самому и другим ученым найти верный путь к решению загадки линейного В. Основываясь на своей трактовке результатов археологического исследования Крита и материковой Греции (главным центром которой во II тысячелетии до н. э. являлись Микены, отчего культура бронзового века на всей территории будущей Эллады получила общее наименование крито-микенской), он считал совершенно невозможным, чтобы язык надписей линейного В оказался греческим, каковым он в действительности являлся.

Авторитетность мнения Эванса была настолько велика, что мало кто мог осмелиться поставить его под сомнение. Его справедливость, казалось, подтверждало и очень важное сравнение надписей линейного В с давным-давно (еще в 70-е годы XIX в.) дешифрованными надписями с острова Кипр, сделанными слоговым письмом на греческом языке уже в I тысячелетии до н. э.

Классическое кипрское слоговое письмо, судя по форме части его знаков, несомненно, вело свое происхождение через посредство более раннего «кипро-минойского» (второй половины II тыс. до н. э.) в конечном итоге от писмен Крита бронзового века. Но оно совершенно явно было лишь позднее приспособлено для записи текстов на греческом языке, поскольку весьма приблизительно передавало с помощью силлабограмм, обозначавших только открытые слоги типа С+Г и Г, греческие слова, в которых часто встречаются слоги закрытые, а также со скоплением и удвоением согласных (ГС, СГС, ССГ, ССГС, СССГ и т. д.).

В частности, в классическом кипрском силлабарии очень распространенный в словах греческого языка конечный согласный -s всегда фигурировал на письме не иначе, как в составе слога *se*. Но в надписях линейного

В не удавалось обнаружить слогового знака, который соответствовал бы ему по степени встречаемости в данной позиции. А критский письменный знак, совершенно аналогичный по начертанию кипрскому *se*, и по всей видимости имевший то же фонетическое значение, в конце слов на табличках линейного В обнаруживался крайне редко. Отсюда сам собой напрашивался вывод об определенно негреческом характере текстов данных табличек и представлялось вроде бы очевидным, что минойский силлабарий со знаками лишь для слогов типа С+Г и Г (за то, что этот силлабарий был именно таким, помимо аналогичного характера его потомка — кипрского силлабария, говорил и простой статистический подсчет общего числа употреблявшихся в нем слоговых знаков) в обоих своих линейных вариантах — А и В — был создан для догреческого критского языка, условно названного минойским. Поэтому, когда с помощью отдельных удачных сопоставлений простейших по начертанию силлабограмм линейного письма В и классического кипрского силлабария Эвансу случайно удалось правильно прочесть по-гречески слово на одной из кносских табличек, он сам отказался от чтения, получившегося «по недоразумению».

Прежняя устоявшаяся точка зрения на природу языка табличек линейного В не была поколеблена даже после того, как американский археолог Карл Блеген нашел в 1939 г. такие же таблички (сразу около 600!) на греческом материке при раскопках горда Пилоса (на юго-западном побережье Пелопоннесского полуострова) — легендарной столицы царя Нестора, прославленного Гомером мудрого старца, одного из предводителей греков-ахейцев в Троянской войне. Ученые просто сочли их привезенными в Пилос с Крита. Перед самой войной к работе над дешифровкой надписей линейного письма В подключился еще совсем юный английский исследователь Майкл Вентрис, которому и суждено было со временем решить эту труднейшую задачу.

Путь к успеху Вентрису был в значительной степени проложен трудами двух американских ученых — Алисы Кубер и Эммета Беннета. Кубер, бывшая по своей основной специальности математиком, сумела выявить в надписях линейного В такие постоянно встречающиеся сочетания знаков, которые могли быть определены, как содержащие различные грамматические окончания². Очень важную работу провел и профессор Беннет, уточнивший, в каких вариантах начертания мог употребляться тот или

ипой из основных знаков линейного В, что позволило впервые начать издание текстов с воспроизведением всех встречающихся в них графем в единой нормализованной форме, сделавшее более удобным и надежным сравнение отдельных слов и их комбинаций. Он же опубликовал в 1951 г. пилосские таблички и тем самым дал будущему дешифровщику в руки необходимый материал³.

Дешифровка линейного В была осуществлена Вентрисом уже в следующем 1952 г. Используя результаты формального анализа надписей, произведенного А. Кюбер, он сумел намного дальше развить ее наблюдение о наличии в их языке флексий (изменяющихся при склонении или спряжении окончаний слов) и составить особую координатную сетку, отражающую чередование последних. Теперь оставалось выяснить, какой из древних языков мог укладываться в полученную им «сетку».

Долгие годы Вентрис думал, что языком табличек линейного В должен оказаться этрусский — язык древних обитателей Италии, судя по многим данным, связанных своим происхождением с эгейским миром. Во всяком случае, о греческом он не допускал и мысли. «Гипотеза о том, что минойский язык мог бы оказаться греческим, конечно, основана на явном игнорировании исторической вероятности», — писал в свое время Вентрис по данному поводу, как видим, полностью следуя в этом теории А. Эванса⁴. Однако этрусский язык грамматически никак не подходил для «сетки» Вентриса. И тогда исследователь решил на всякий случай, эксперимента ради, проверить, насколько подошел бы для нее греческий. Получившийся результат оказался поразительным: греческий язык подходил как нельзя лучше!

Завершить дешифровку Вентрису, бывшему по образованию архитектором, помог один из лучших знатоков древнейших греческих диалектов, доцент Кембриджского университета (позднее академик) Джон Чэдуик⁵. Он же после безвременной трагической кончины Вентриса, погибшего в 1956 г. в автомобильной катастрофе в возрасте всего 34 лет, выпустил в свет их совместный капитальный труд «Документы на микенском греческом языке»⁶. Чэдуиком была также написана впоследствии переведенная на многие языки, в том числе и на русский, книга «Дешифровка линейного В», рассказывающая о М. Вентрисе, замечательном ученом и человеке, и его выдающемся открытии.

Глава 7. Микенология — младшая питомица Клио

Древние греки верили, что различные искусства и науки пользуются особым и неизменным благорасположением со стороны определенных божеств. Таковую функцию в эллинском пантеоне выполняли Аполлон и семь муз, одна из которых, Клио, почиталась покровительницей истории. Далекое прошлое Эллады, послужившей колыбелью европейской культуры, до середины XX в. изучалось в общем по тем же памятникам письменности, что и в античную эпоху. И только с момента дешифровки линейного письма В заговорили для ученых-антиковедов греческие тексты, выполненные не буквами знакомого каждому от «альфы» до «омеги» алфавита, а куда более ранним, слоговым письмом. Тогда же состоялось рождение новой науки — микенологии, которая и сейчас среди исторических дисциплин, «подведомственных» музе Клио, остается одной из самых молодых.

Сейчас микенология — полноправная часть антиковедения, комплексная научная дисциплина, изучающая памятники письменности второй половины II тысячелетия до н. э., написанные на древнейшем диалекте греческого языка — «микенском» диалекте. Этот диалект был Вентрисом и Чэдуиком назван «микенским» потому, что, согласно данным эллинской мифолого-исторической традиции, подтвержденным археологическими исследованиями нового времени, Микены — город на северо-востоке полуострова Пелопоннес — являлись в XV—XII вв. до н. э. важнейшим политическим центром Греции. Микенские цари, по сообщению Геродота и других античных авторов, были наиболее могущественными среди греческих владык своего времени. В частности, один из них, Агамемнон, выступал в роли верховного предводителя всех греков в ходе воспетой Гомером Троянской войны (датируемой современными учеными в пределах XIII в. до н. э.).

Правда, в гомеровском эпосе, несущем в себе многочисленные реалии далекого прошлого, греки в целом именуются не «микенцами», а чаще всего «ахейцами». Поэтому многие ученые предпочитают пользоваться термином «Ахейская Греция» вместо «Микенская Греция». Но название «микенский греческий язык» или «микенский диалект греческого языка», введенный в употребление

основоположниками микенологии Вентрисом и Чэдвиком, оказался наиболее удобным для специалистов и прочно закрепился в науке, так же как и само связанное с ним название новой отрасли антиковедения.

Развитие микенологии сразу же пошло быстрыми темпами¹. Важное значение здесь имело расширение географии находок табличек линейного В. Их обнаружили при раскопках Микен, Тирифа и Фив², то есть тех древних городов, которые, согласно эллинской исторической традиции, принадлежали к числу важнейших центров Ахейской (Микенской) Греции. Содержание текстов этих табличек совпадает с содержанием кносских и пилосских «глиняных бухгалтерских книг». Это дает основания предполагать, что, если не во всем микенском мире, то по крайней мере во многих ахейских царствах, где существовали дворцовые хозяйственные архивы, действовала одна и та же система учета материальных ценностей. Помимо хозяйственных табличек из Кносса, Пилоса, Микен, Тирифа и Фив, в научный оборот теперь введены многочисленные надписи, выполненные липейным письмом В на керамической посуде³. Они происходят из нескольких областей Средней и Южной Греции и с острова Крит.

Микенологические исследования ведутся сейчас антиковедами разных стран, в том числе и советскими. Исходный материал для них неуклонно пополняется. Появление новых и углубленный анализ ранее опубликованных текстов линейного В позволяют ученым получать уникальную информацию о различных сторонах жизни древних греков во второй половине II тыс. до н. э.⁴

Успешное прочтение текстов линейного письма В дало возможность прежде всего установить, что население материковой Греции в XIV—XII вв. до н. э. и даже значительно раньше было, вопреки господствовавшему в науке до начала 1950-х годов мнению, по преимуществу греческим, ибо оно говорило на греческом языке и пользовалось греческими личными именами.

На Крите, при дворе ахейского правителя Кносса, текущая хозяйственная документация также велась на микенском диалекте греческого языка⁵. Правда, этническая ситуация выглядела здесь более сложной. Значительная часть населения острова состояла тогда по-прежнему из коренных жителей — минойцев и говорила по-минойски. Но пришельцы-греки уже во второй половине XV в. до н. э. установили свое безраздельное политическое господ-

ство над Критом и их язык сделался там в это время языком государственного аппарата.

Поскольку после дешифровки линейного письма В стала очевидной греческая языковая принадлежность населения юга Балканского полуострова еще до середины II тыс. до н. э. (когда греки-ахейцы с материка продвинулись на остров Крит), то достоверная история Ахейской Греции, как самый ранний этап всей древнегреческой истории, может быть прослежена уже с начала среднеэлладского периода (его археологическая датировка: около 1900 г. до н. э.). К этому времени большинство ученых относит приход греческих племен на территорию будущей Эллады, ибо здесь именно на рубеже раннеэлладского и среднеэлладского периодов происходит отмечаемое во многих пунктах разрушение прежних центров и смена археологических культур.

Из-за того, что писцы-ахейцы вели на глине только текущую документацию (эти записи хранились не более одного года, а все важное из них впоследствии переносилось видимо на более долговечный писчий материал), они не заботились о длительной сохранности табличек. Поэтому те оставались необожженными и лишь высушивались, а смогли дойти до нас в целостности и сохранности только благодаря случайному обжигу в огне пожаров, разрушивших помещения дворцовых архивов (наиболее вероятная дата гибели в огне Кносского дворца — около 1400 г., Фиванского — около 1320 г., Пилосского — около 1200 г. до н. э.).

Таблички линейного В, обнаруженные в архивохранилищах столиц различных ахейских царств, несмотря на значительную разницу во времени их изготовления (до двух столетий) обладают помимо диалектного единства рядом других общих признаков. Сходство, отмечаемое повсеместно в технике формовки, способах заполнения, принципах хранения и учета табличек линейного В, прослеживается и в самих записанных на них текстах. Все это вместе говорит о существовании и сохранении в течение длительного периода (по крайней мере со второй половины XV в. до н. э. и примерно до конца XIII в. до н. э.) устойчивой традиции ведения отчетной хозяйственной документации, которая поддерживалась соответствующей школой обучения специалистов-писцов, носившей ярко выраженный консервативный характер.

Правила орфографии линейного В были в целом очень близки соответствующим правилам классического кипр-

ского силлабария. Между ними имелись лишь незначительные различия. Правда, одно из них как раз послужило причиной долгого и упорного отрицания родства языков обеих этих письменностей, о котором мы уже рассказывали. Дело в том, что все конечные согласные, встречающиеся в словах греческого языка и обязательно передававшиеся греками-киприотами на письме через слоговой знак, обозначающий сочетание данного согласного с немой *-e*, в линейном В попросту не фиксировались. Поэтому-то столь частый в кипрских силлабических текстах слоговой знак *se* почти не встречается в конечной позиции в словах на табличках линейного В.

Применение классического кипрского силлабария было, разумеется, более удобным и точным методом для передачи греческого языка, поскольку выработка данной системы письма и ее совершенствование осуществлялись куда дольше — целые столетия. Линейное же письмо В явилось результатом самого первого и, можно сказать, довольно поспешного приспособления знаков критского линейного А, с сохранением их фонетического значения, для насущных нужд ведения хозяйственной отчетности. Оно выступало в качестве своего рода стенографии, так как весьма приблизительно воспроизводило греческие слова и потому не могло применяться для записи более сложных текстов, допустим литературного или исторического содержания. Такое несовершенство линейного В объясняется механическим заимствованием им своих основных принципов у системы письма, предназначенной для фиксации форм языка, коренным образом отличавшегося от греческого — того самого догреческого минойского языка с фонетической структурой СГСГСГ, на котором говорили создатели критской иероглифики и линейного А.

Правда, некоторыми учеными высказывались сомнения относительно соответствия структуры минойской речи графической структуре минойского письма — линейного А⁶. При этом делались ссылки на пример лувийской иероглифики, созданной в первой половине II тыс. до н. э. для записи текстов на индоевропейском языке (со скоплениями согласных) древних жителей полуострова Малая Азия, где знаки, передающие обычно слоги типа С+Г, могли использоваться условно и в значении С+нуль. Однако эти сомнения легко устраняются, если иметь в виду, что отмеченное несоответствие написания и действительного чтения возникло в лувийском иеро-

I.

	a	e	i	o	u
	𐀀 8	𐀁 38	𐀂 28	𐀃 61	𐀄 10
p	𐀅 3	𐀆 72	𐀇 39	𐀈 11	𐀉 50
t	𐀊 59	𐀋 4	𐀌 37	𐀍 5	𐀎 69
d	𐀏 1	𐀐 45	𐀑 7	𐀒 14	𐀓 51
k	𐀔 77	𐀕 44	𐀖 67	𐀗 70	𐀘 81
q	𐀙 16	𐀚 70	𐀛 21	𐀜 32	
j	𐀝 57	𐀞 46		𐀟 36	
w	𐀠 54	𐀡 75	𐀢 40	𐀣 42	
m	𐀤 80	𐀥 13	𐀦 73	𐀧 15	𐀨 23
n	𐀩 6	𐀪 24	𐀫 30	𐀬 52	𐀭 55
r	𐀮 60	𐀯 27	𐀰 53	𐀱 2	𐀲 26
s	𐀳 31	𐀴 9	𐀵 41	𐀶 12	𐀷 58
z	𐀸 17	𐀹 76		𐀺 20	

II.

𐀀	𐀁	𐀂	𐀃	𐀄
25 ha(a ₂)	43 ai(a ₂)	76 ra ₂	33rai(ra ₂)	68ro ₂
𐀅	𐀆	𐀇		𐀈
66 la ₂	29 pu ₂	85 au		62 pte
𐀉	𐀊	𐀋	𐀌	𐀍
71dwe	90dwo	87twe	91two	48nwa

Рис. 22. Силлабарий линейного письма В

глифическом письме (как и в линейном В и классическом кипрском слоговом письме, аналогичным образом приспособленных для другого индоевропейского языка — греческого) из-за заимствования у минойцев Крита — древнейшего письменного народа Эгейды — принципа силлабрия со знаками только для слогов типа С+Г и Г, хотя и не позволяющего передавать скопления согласных, а также различия между удвоенными и неудвоенными, глухими, звонкими и аспирированными согласными, но достаточно удобного в употреблении и при обучении грамоте по причине сравнительно небольшого общего количества используемых силлабограмм. Выработаться же впервые такой силлабарий мог только для языка с соответствующей ему фонетической структурой СГСГСГ.

Хотя в целом документы линейного письма В демонстрируют крайне односторонний, специфически бухгалтерский подход своих составителей ко всем, так или иначе затронутым тотальной системой учета, явлениям экономической и духовной жизни греков-ахейцев XV—XIII вв. до н. э., сам круг этих явлений все же достаточно широк. Изучение документов хозяйственной отчетности из архивов столиц ахейских государств, и в первую очередь Кносса и Пилоса, откуда происходит основная масса известных нам табличек линейного В, открывает наибольшие возможности для получения сведений о социально-политических структурах и принципах организации хозяйства, действовавших в этих государствах.

Уже само употребление письменности для регулярного ведения хозяйственного учета и наличие дворцовых архивов свидетельствуют, как подсказывают хорошо известные аналогичные примеры из мировой истории, о существовании у греков-ахейцев классового общества и государства. Содержание текстов табличек линейного В не только подтверждает в принципе этот факт, но позволяет получить и более конкретные данные о сословно-классовой стратификации и общественной функции отдельных слоев населения таких ахейских царств, как Кносское и Пилосское, экономическая и социальная жизнь которых нашла свое отражение в массовом документальном материале.

Очень важным для историков обстоятельством является то, что в текстах на табличках линейного В имена людей сопровождаются обозначениями рода их занятий. В деловой документации из Кносса и Пилоса кроме на-

Рис. 23. Табличка линейного В из Кносса с записью о количестве мечей в дворцовом арсенале

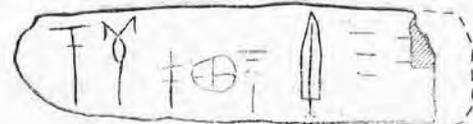

Рис. 24. Табличка линейного В из Кносса с записью об экипировке воина колесничного подразделения

Рис. 25. Табличка линейного В из Кносса с записью о жертвоприношениях, преданных значенных божествам

званий профессий и сословных терминов встречаются наименования служебных должностей и титулы разных рангов. Упоминания в кносских и пилосских текстах царя доказывают существование в ахейских государствах института верховной монархической власти. Поскольку появление на табличках царского титула «ванака» (*wana-ka* = *wanax*, ср. гомеровское ἄναξ — ‘повелитель, владыка, предводитель, вождь, начальник, глава, господин, хозяин’) никогда не сопровождается уточнением личного имени, можно сделать вывод, что власть его обладателя носила единоличный характер.

Определить конкретное место в государственной структуре других представителей господствующего слоя, упоминаемых в текстах табличек, весьма затруднительно. Документы линейного В сообщают о писцах, царских чиновниках гражданского и военного ведомства, представителях местных органов власти, выполнявших жреческие функции лицах обоего пола.

Среднюю ступень в сословной иерархии занимали свободные ремесленники различных специальностей и землевладельцы некоторых категорий. Те и другие оказываются в зависимости от верховного владыки страны: они обязаны вносить в дворцовую казну натуральные налоги согласно установленным нормам.

Низы ахейского общества — это достаточно внушительный по численности контингент рабов (на одной из пилосских табличек читается список более чем тысячи царских рабов — женщин и детей). Рабы и рабыни на-

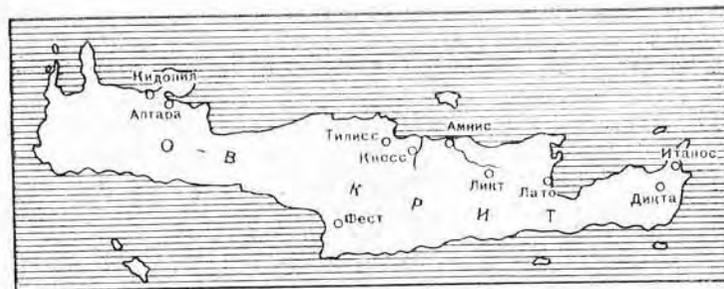
ходились в собственности как царя, так и частных лиц. Рабский труд применялся прежде всего на самых тяжелых и неквалифицированных работах. Основными источниками пополнения сословия рабов служили, по-видимому, международная торговля и захват военнопленных: об этом говорят встречающиеся в текстах табличек указания на иноземное происхождение рабынь.

Из табличек линейного В удалось узнать о том, какие именно населенные пункты с округой входили в государственную территорию двух лучше всего знакомых нам по хозяйственным архивам ахейских царств — Кносского и Пилосского, и тем самым очертить границы их владений.

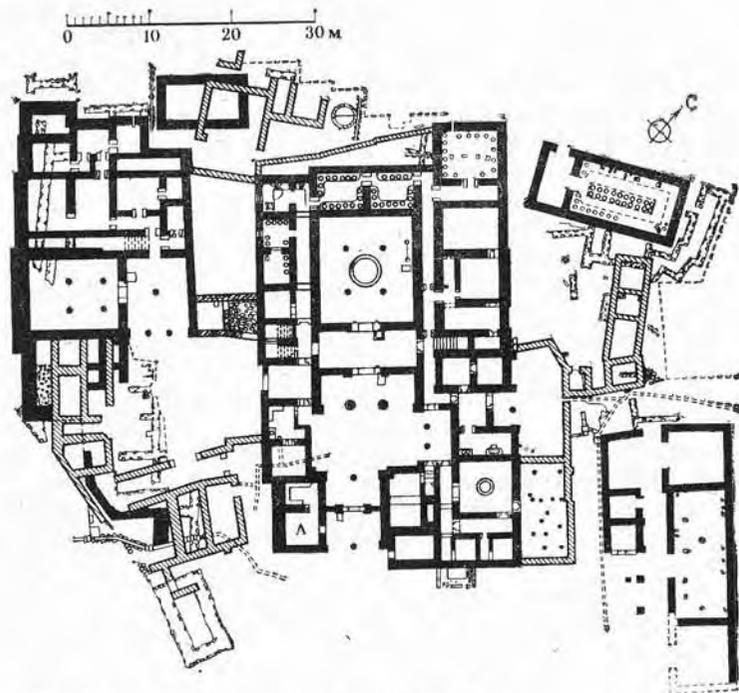
В записях на табличках, найденных в Пилосе, особенно ясно обнаруживаются признаки постоянного и строгого административного надзора за производственной деятельностью различных групп населения страны. Со всей очевидностью по текстам инвентарных табличек является ведущая организаторская роль дворца в хозяйственной жизни пилосского общества. Под контролем государства, согласно документам дворцового архива Пилоса, находилось ремесленное производство различных видов, включая распределение сырья и произведенной из него продукции, а также учет количества квалифицированной рабочей силы, имеющейся в наличии или отсутствующей, что находит себе параллели на древнем Востоке. Дворец осуществлял и контроль над пахотными землями в разных районах государственной территории.

Детальная специализация терминологии и повсеместное наличие в текстах хозяйственных табличек твердо устоявшихся лапидарных формул говорят о том, что система ведения отчетности, которой пользовались писцы ахейцы дворцовых канцелярий Кносса и Пилоса, отличалась большой разработанностью и это ставит греческие царства XV—XIII вв. до н. э. в один ряд с современными им древневосточными государствами.

Основой экономики ахейских государств было, согласно свидетельствам текстов линейного письма В, достаточно высокоразвитое сельское хозяйство. В земледелии важнейшее место занимало выращивание пшеницы и ячменя. Помимо хлебных злаков в рационе питания греков-ахейцев постоянно присутствовали оливки и фиги. В садах, где росли деревья, дававшие эти плоды, насчитывались, как видно из табличек линейного В, сотни олив и смоковниц. Уход за ними обеспечивали специа-

Р и с. 26. Города Крита, упоминаемые в кносских табличках линейного В

Р и с. 27. План Пилосского дворца (XIII в. до н. э.)

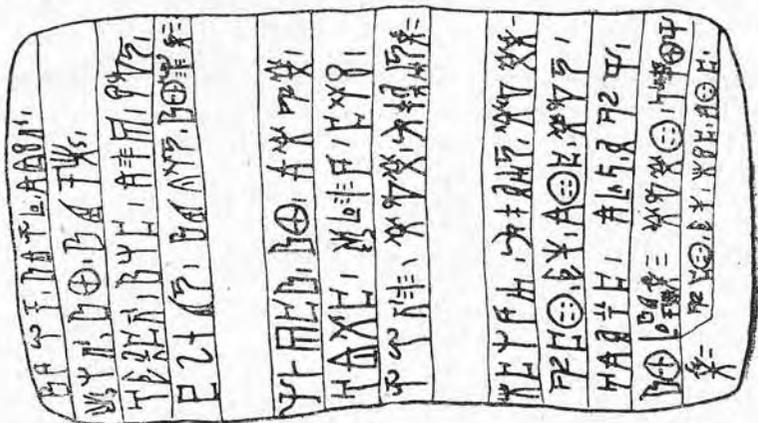
листы-садоводы. Оливковое масло не только употреблялось в пищу. Оно применялось для приготовления мазей и служило приношением богам, так же как вино и мед. В текстах из Кносса, Пилоса и Микен представлен широкий ассортимент пищевых приправ. Важной технической культурой в пилосском растениеводстве был лен, шедший на изготовление тканей.

Из домашних животных в перечислениях на табличках линейного В встречаются бык и корова, лошадь и жеребенок, осел, овца, коза и свинья. В хозяйственных записях сообщается о многочисленных стадах овец и коз. Приставленные к ним пастухи были подведомственны особым лицам, которые осуществляли надзор за содержанием стад и регулярно собирали для дворцовых нужд положенное количество живого скота, настриженной шерсти и шкур. Меньше имеется упоминаний о крупном рогатом скоте, но в списках пар упряжных быков приводятся даже клички животных: Быстроногий, Проворный и тому подобные. Еще реже в табличках линейного В говорится о лошадях. Однако боевые колесницы, которые не могли использоваться без них, занимают видное место среди вооружения, хранившегося в дворцовых арсеналах и инвентаризированного ахейскими писцами. В некоторых документах упоминаются конюхи и колесничие.

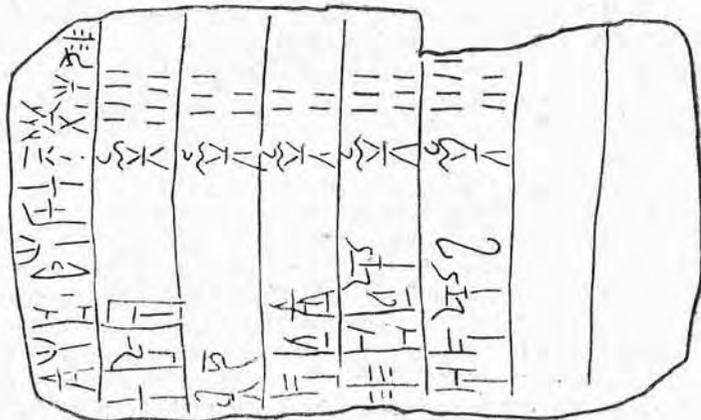
Обильную информацию дали таблички о ремесленном производстве в ахейских государствах. Выяснилось такое разнообразие его видов, о котором не позволяли ранее догадываться даже археологические материалы. Обращает на себя внимание большое число упоминаемых в документах названий ремесел и отдельных профессий ремесленников. Труд ахейских мастеров отличала весьма высокая степень специализации.

Обширные складские помещения при дворцах ахейских владык являлись хранилищами всевозможных припасов и ремесленных изделий. Они же служили государственными арсеналами, где постоянно находились значительные запасы оружия и военных материалов. Хозяйственные документы дворцовых архивов фиксируют наличие в арсеналах многих видов вооружения, причем как в исправном состоянии, так и требующих ремонта. Иногда документация материально-технического снабжения военного ведомства ввиду ее особой важности хранилась в отдельном помещении (как это было со списками колесниц из Кносского дворца).

Р и с. 28. Табличка линейного В из Пилоса со списком участников военно-морской экспедиции

Р и с. 29. Табличка линейного В из Пилоса со списком личного состава военных отрядов

Никаких конкретных сведений о том, кто осуществлял верховное руководство войсками, таблички линейного письма В не дают. Лишь этимология упоминаемого ими второго по значению в государстве сановника — «лавагета» (*ra-wa-ke-ta=lawagetas* — 'вождь народа, предводитель войска') заставляет предполагать в нем главного военачальника в ахейских государствах (по крайней мере в Кносском и Пилосском царствах). Помимо обычных сухопутных сил в Пилосе засвидетельствованы специальные отряды для охраны побережья. Некоторые таблички содержат списки гребцов (до 400 и более), вероятно, для кораблей военного флота.

Много важных данных удалось получить ученым в результате прочтения текстов линейного В для изучения раннего периода в истории древнегреческой религии. Немало имен божеств встречается на кносских и пилосских табличках. Примечательно, что боги фигурируют в хозяйственных записях исключительно как объекты жертвоприношений.

Дешифровка табличек линейного В не только позволила прочесть самые древние греческие тексты, происходящие из крупнейших центров Ахейской Греции и оказавшиеся примерно на семь веков старше поэм Гомера. Она дала возможность проникнуть отчасти и в смысл более ранних критских надписей, составленных на языке уже несомненно негреческом (надписи, выполненные линейным письмом А на глиняных табличках и иных предметах, обнаружены археологами теперь не только на Крите, но и при раскопках минойских колоний на островах Кикладского архипелага — Кеосе и Мелосе).

Благодаря дешифровке линейного В, многие знаки которого (около 50 силлабограмм) почти или полностью совпадают по своему начертанию со знаками линейного А⁷, можно прочесть подавляющее большинство надписей, выполненных предшественниками ахейских писцов — критянами-минойцами. Однако понять прочитанные минойские тексты при этом не удалось из-за того, что ученые пока никак не могут твердо установить родство языка минойцев ни с одним из известных древних или современных языков⁸. Из-за общей скудости материала (табличек линейного А обнаружено в несколько десятков раз меньше, чем линейного В) и краткости имеющихся в распоряжении исследователей отдельных текстов (помимо явно хозяйственных табличек с инвентарными списками, сопровождаемыми цифровыми обозна-

Рис. 30. Города юго-западного Пелопоннеса, упоминаемые в пилосских табличках линейного В

чениями, надписи линейного А, как и иероглифические, встречаются на самых разнообразных предметах) не удается получить их достаточно полную интерпретацию, даже используя вместо этимологического комбинаторный метод, который подразумевает углубленное исследование внутренней структуры каждого текста как основополагающий этап проникновения в его содержание.

В перечислениях на табличках линейного А угадываются названия различных видов зерна и списки личных имен. Среди минойских слов предположительно опознаются также некоторые наименования сосудов. Однако единственным словом с более или менее точно установленным значением, но не принадлежащим к числу культурных терминов или ономастических лексем, является слово *ku-ro*, часто сопровождающее числовой результат

подытоживания общего количества учитываемых предметов и означающее, следовательно, 'итого, всего' или, может быть, 'собрапо'.

Таким образом, собственно критские памятники не дают пока разгадки тайны языка и первоначального этнического происхождения первых европейцев, которыми с полным правом могут быть признаны минойцы как подданные венценосных потомков легендарной царицы Европы, давшей имя нашему континенту, и как создатели первой европейской цивилизации, в том числе первого в Европе государства и древнейшей европейской письменности. Тем самым не удастся, к сожалению, подобраться к решению загадки Фестского диска с той стороны, с какой оно, казалось бы, должно быть наиболее доступным, поскольку справедливость мнения о местном критском происхождении диска со временем стала очевидной.

Но, может быть, в этом ученым способны более всего помочь памятники минойской письменности, обнаруженные вне Крита, а именно на колонизованном минойцами острове Кипр, который, по представлениям древних греков, был родиной богини любви и женской красоты — прекрасной Афродиты?

Глава 8. Минойцы и их надписи на острове Афродиты

Появление первых минойских колоний на Кипре, который лежал на важном морском пути, связывавшем Крит с богатыми торговыми городами сирийско-финикийского побережья, относится к периоду наивысшего расцвета Кносской державы. Вслед за купцами на остров Афродиты пришли минойцы-переселенцы, обосновавшиеся в некоторых прибрежных пунктах. Постигшая минойскую цивилизацию катастрофа вызвала, по-видимому, значительный приток новых иммигрантов с Крита, подобно тому, как несколькими столетиями позднее шедшие по следам минойцев ахейцы также хлынули на Кипр основной массой после разгрома дорийцами их государств в материковой Греции.

Данные о минойской колонизации Кипра сохранила и античная историческая традиция. Так, например, опираясь на нее, знаменитый греческий географ Страбон со-

a	*	e	*	i	*	o	∩	u	∩
ka	∩	ke	∩	ki	∩	ko	∩	ku	*
ta	∩	te	∩	ti	∩	to	F	tu	∩
pa	∩	pe	∩	pi	∩	po	∩	pu	∩
la	∩	le	∩	li	∩	lo	∩	lu	∩
ra	∩	re	∩	ri	∩	ro	∩	ru	∩
ma	∩	me	∩	mi	∩	mo	∩	mu	∩
na	∩	ne	∩	ni	∩	no	∩	nu	∩
ja	∩					jo	∩		
wa	∩	we	∩	wi	∩	wo	∩		
sa	∩	se	∩	si	∩	so	∩	su	∩
za	∩					zo	∩		
		xe	∩						

Р и с. 31. Классический кипрский силлабарий

общает о переселении в незапамятные времена с Крита на Кипр мудрых и искусных тельхинов (тельхины — то же, что и куреты, критские воспитатели младенца Зевса), обладавшие якобы некоторыми сверхъестественными способностями. Им приписывалось изобретение способов добычи и обработки металлов. Эти знания пришельцы принесли на остров Афродиты, известный издревле своими залежами медных руд.

Но основные свидетельства длительного пребывания минойцев на Кипре дала археология. Наиболее значительные памятники минойской культуры Кипра обнаружены при раскопках древнего города около современного селения Эпкоми на юго-восточном берегу острова. Важнейшее место среди них занимают уже упоминавшиеся нами кипро-минойские надписи.

Кипрское слоговое письмо позднего бронзового века, получившее по сходству его с крито-минойским письмом название кипро-минойского¹, долгое время с момента его

открытия в конце XIX в. было представлено только краткими надписями на различных предметах, главным образом на керамике². Лишь в 1953 г. доктору Порфириосу Дикайосу, проводившему раскопки в Энкоми, удалось открыть фрагмент таблички из обожженной глины, содержащий достаточно большой по объему текст: 22 строки на одной стороне (из которых половина сохранилась полностью), 16 строк — на другой, всего около 400 знаков, не считая словоразделителей (рис. 32 и 33)³. Руководствуясь регулярно встречающимися в тексте черточками-словоразделителями, удается насчитать в нем 111 слов, сохранившихся полностью, и 30 слов, сохранившихся частично.

Появлением столь значительного по объему текста, изданного П. Дикайосом в том же году в английском археологическом журнале «Антиквити», породило надежды на успех попыток дешифровки на его основе кипро-минойского письма, и такие попытки не заставили себя долго ждать. Так, уже через год после появления публикации Дикайоса западногерманский профессор из Тюбингена Эрнст Зиттиг первым прочел текст таблички по-гречески⁴. Его примеру последовали затем и другие исследователи, приходившие при этом каждый раз к взаимоисключающим результатам чтения и перевода текста⁵. Позднее южноафриканский ученый Саймон Дэвис дешифровал и интерпретировал данный текст как хеттский⁶ (хетты, как и их ближайшие родственники — лувийцы, жили во II тыс. до н. э. на полуострове Малая Азия, иначе именуемом Анатолией, и говорили на языке, принадлежащем к так называемой анатолийской ветви индоевропейской семьи языков). Все эти «дешифровки» получили вполне справедливо резко отрицательную оценку у специалистов. Причина неудач исследователей, покусавшихся на тайну таблички из Энкоми, крылась прежде всего в непригодности применявшейся ими методики — отказе от необходимого предварительного формального анализа при чрезмерном увлечении поисками внешнего сходства знаков кипро-минойского силлабария со знаками других родственных систем письма и между собой.

Хотя около 20 знаков кипро-минойского письма могут быть сопоставлены со знаками критского линейного В и классического кипрского силлабария, фонетические значения которых известны (ср. рис. 34), подстановка этих значений в текст таблички из Энкоми дает слишком

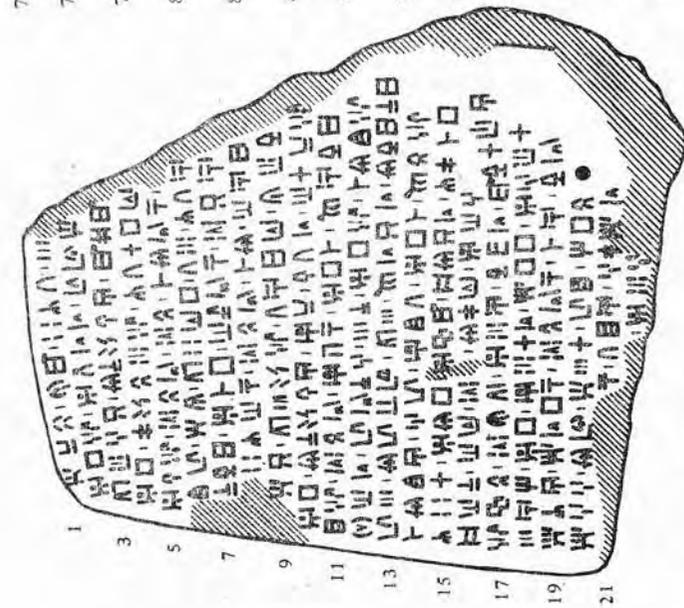
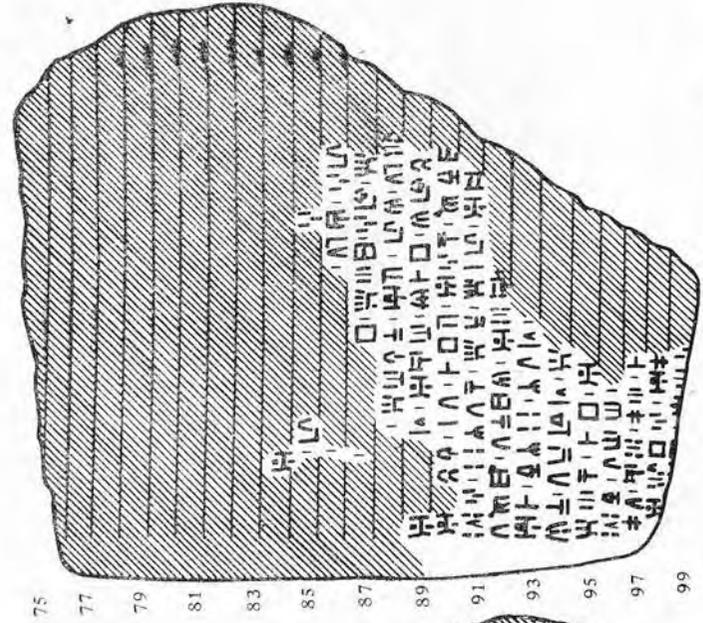

Рис. 32. Табличка из Энкоми 1953 г. (лицевая сторона) Рис. 33. Табличка из Энкоми 1953 г. (оборотная сторона)

Критское письмо А	Критское линеинное В	Кипро-минойское	Классический кипрский силлабарий
ī, ī	ī na	ī	ī na
ʔ	ʔ da	ʔ	ʔ ta
ʌ	ʌ ti	ʌ	ʌ ti
ʃ, ʃ	ʃ se	ʃ	ʃ se
ʦ	ʦ to	ʦ	ʦ to
ʦ	ʦ pa	ʦ	ʦ pa

Рис. 34. Сравнение знаков критского и кипрского письма слогового письма

1 x 2	13 ʌ	1	25 ʔ	14	37 ʃ	6	49 ʃ	10
2 ʔ	13 ʌ	13	26 ʃ	6	38 ʆ	4	50 ʃ	5
3 ʦ	7 ʌ	2	27 ʃ	4	39 ʃ	3	51 ʃ	7
4 ʆ	7 ʌ	6	28 ʆ	12	40 ʃ	2	52 ʃ	12
5 ī	9 ʌ	5	29 ʆ	6	41 ʃ	2	53 ʃ	10
6 ʃ	9 ʌ	3	30 ʃ	12	42 ʃ	1	54 ʃ	4
7 ʆ	1 ʆ	13	31 ʃ	3	43 ʃ	5	55 ʃ	21
8 ʆ	2 ʆ	11	32 ʃ	21	44 ʃ	9	56 ʃ	9
9 ʆ	4 ʆ	5	33 ʆ	5	45 ʃ	11	57 ʃ	7
10 ʆ	2 ʆ	10	34 ʆ	1	46 ʆ	1	58 ʃ	9
11 ʆ	3 ʆ	2	35 ʆ	1	47 ʆ	8		
12 ʆ	14 ʆ	5	36 ʆ	9	48 ʆ	2		

Рис. 35. Репертуар знаков кипро-минойского письма текста таблички из Энкоми 1953 г.

мало слоговых чтений и тем более полных чтений слов для того, чтобы судить о языковой принадлежности надписи и затем использовать тот или иной из древних языков Средиземноморья для ее дешифровки.

Поэтому, как всегда в подобных ситуациях, на первый план выступает необходимость формального анализа текста. Попробуем сейчас провести его, поскольку, во-первых, в случае успеха дешифровки с его помощью данного текста у нас может появиться, как говорилось выше, важное подспорье для изучения предполагаемого языка надписи Фестского диска, во-вторых, это позволит читателю-неспециалисту постепенно войти в курс подобной методики, являющейся основой первоначального изучения памятников любой неизвестной письменности.

Уже первооткрыватель данного памятника, П. Дикайос, определил, что размеры таблички из Энкоми были когда-то примерно в четыре раза больше нынешних. Обе ее исписанные стороны разделялись на две части вертикальной линией (часть этой линии прослеживается на уровне строк 17—19). Таким образом, весь текст располагался на ней в четыре колонки, от которых до нас дошли во фрагментах лишь левые, то есть менее одной четвертой части текста, в котором насчитывалось, по-видимому, что-то около 150—200 строк. Наблюдения над изменением длины строк там, где они сохранились целиком, и факт чередования в них конечных слоговых знаков (в строках 10—14) дали основание изучавшему этот памятник М. Вентрису сделать предположение о том, что текст содержит стихотворное произведение⁷.

Действительно, структура текста (см. рис. 35 и прил. I) может быть выявлена только там, где строки сохранились целиком. Таких строк, сохранившихся полностью от начала до конца, насчитывается на табличке всего 10 или 11. Все они идут подряд друг за другом на лицевой стороне таблички (строки 11—20 и, может быть, строка 10). Длина их неодинакова. Как видно, каждая строка имеет законченный смысл, так как прерывается всякий раз на разном, иногда довольно значительном (сравните особенно строки 16 и 20, а также 21, где уцелела вторая половина строки), расстоянии от правого края левой половины поля таблички, обозначенного писцом вертикальной чертой (отчего ни одна строка не выглядит продолжающей предыдущую). Следовательно, протяженность любой отдельной строки текста зависит

лишь от длины составляющих ее слов, а в конечном счете от количества слоговых знаков в их написании.

Расположение и внутренняя структура строк наводят на мысль о наличии в тексте таблички скорее некоего перечисления, нежели поэтического произведения, аккурратно записанного построчно. Дело в том, что в полностью сохранившихся строках выявляется любопытная закономерность: каждая из них содержит ровно пять слов, ни больше, ни меньше. Этой же закономерности подчиняется как будто и весь текст: в строках, частично пострадавших, нигде не обнаруживается хотя бы шесть слов, а только максимум пять (ср. строки 5, 6, 88, 90, 91, а также 8, где присутствие после четвертого слова знака-словоразделителя встречающегося везде в тексте лишь между словами внутри строки, подразумевает утрату пятого слова). К тому же, если считать, вслед за М. Вентрисом, повтор слоговых знаков через строку в строках 10—14 признаком рифмованности текста, то придется констатировать, что обнаружить подобную рифмованность в следующих строках никак не удастся:

стр. 10. ... -52	стр. 16. ... -25
стр. 11. ... -36	стр. 17. ... -29
стр. 12. ... -52	стр. 18. ... -03
стр. 13. ... -36	стр. 19. ... -47
стр. 14. ... -52	стр. 20. ... -28
стр. 15. ... -32	стр. 21. ... -12

Встает вопрос, какого рода перечисление может поддержать текст таблички из Энкоми? Инвентарный список имущества, священных даров, земельных владений, полученной дани, собранных налогов и тому подобного в данном случае, видимо, отпадает, потому что, с одной стороны, отдельные пункты-строки для такого списка слишком пространны, причем они строго однородны по внутренней структуре и одновременно исключительно разнообразны по номенклатуре предположительно учитываемых предметов (в различных строках изредка повторяются лишь отдельные слова), а, с другой стороны, в реестре на табличке явно отсутствуют такие цифровые обозначения, которых следовало бы ожидать в документе хозяйственной отчетности. Лишь в самом конце строки 20 имеется значок в виде кружка, который может быть истолкован по аналогии с крито-микенскими цифровыми обозначениями как цифра 100⁸. Если это сопоставление

верно, то функция данного числового уточнения в тексте таблички представляется явно вспомогательной: оно указывает, как служебная пометка, на итоговое количество слов, то есть объектов перечисления, в первых двадцати строках текста ($5 \times 20 = 100$).

Поэтому остается ожидать здесь список иного рода — перечисление имен богов или людей, а именно: царей, жрецов, государственных должностных лиц, дарителей-крититоров, победителей в состязаниях, просто частных лиц и т. п. Выявленная же выше структура текста более всего подходит для списка ежегодно сменяемых магистратов, составляющих «коллегию пяти», похожую на знаменитую коллегию эфоров в Спарте. Весьма вероятно, что сходство это не является случайным, а восходит к общему источнику. По утверждению древних авторов, опиравшихся на местную спартанскую историческую традицию, основные принципы государственного устройства дорийской Спарты были заимствованы у критян и унаследованы от легендарного законодательства Миноса, то есть от догреческого минойского законодательства. Это относится, в частности, и к институту эфоров, тождественных критским космам⁹ — высшим должностным лицам в городах-государствах Крита, известным по письменным источникам I тыс. до н. э. Правда, эфоров в Спарте всегда насчитывалось пять¹⁰, а число космов в различных критских городах классического и эллинистического периодов (V—I вв. до н. э.) было разным, зачастую доходя даже до десяти¹¹. Но очень возможно, что число последних в более раннюю эпоху, когда складывалась под критским влиянием спартанская конституция, также равнялось пяти. Именно такое число членов коллегии космов насчитывалось в историческое время, например, в Итаносе (Восточный Крит)¹². Эпонимный, то есть связанный с присвоением особого календарного наименования каждому определенному промежутку времени по имени исполняющего свои обязанности в данный срок специального должностного лица*, характер должностей спартанских эфоров и критских космов тоже сближает их с предполагаемой кипро-минойской магистратурой. Именно эпонимная функция должна была определить необходимость составления и сохранения списка

* Греческое слово *ἐλευθίος* означает 'дающий имя'. Эпоним — это конкретное лицо, чьим именем официально обозначается год или иной временной отрезок (например, царь, жрец, периодически сменяемое высокопоставленное должностное лицо и т. д.).

магистратов древнего Эпикомы примерно за полтора-два столетия.

Анализ текста таблички позволяет предполагать, что важной особенностью статуса «коллегия пяти» в древнем Эпикомы было ограничение возможности повторного отправления данной должности одним и тем же лицом.

Шесть слов (по нашему мнению, личных имен) встречаются в тексте таблички более одного раза:

- 1) 55-32-52 (2, 1 — первая цифра — строка, вторая — слово); 12, 4,
- 2) 19-06-27-24-29 (3, 2; 10, 2),
- 3) 55-32 (4, 1; 10, 1; 18, 2),
- 4) 53-28-47 (5, 2; 8, 2; 11, 2),
- 5) 55-32-02 (11, 4; 14, 4),
- 6) 55-51-30 (17, 3; 92, 3).

В последнем случае одно и то же имя, упоминающееся дважды в строках 17 и 92, соответствующих, надо полагать, определенным погодным статьям списка, принадлежит явно различным лицам. Во всех же других случаях весьма вероятным является тождество одноименных лиц, по два и даже по три раза занимавших некую важную должность в древнем Эпикомы. Из них никто не получал повторно данную магистратуру чаще, чем раз в трехлетие, которое, было, по-видимому, официально признанным минимальным циклом (как видно особенно наглядно на примере имени 53-28-47) возможного избрания или назначения. Интересно, что ограничение возможности занятия вповь должности косма несколькими годами, в частности тремя, обнаруживается в конституциях критских городов еще в архаическое время (VII—VI вв. до н. э.)¹³.

Предложенное нами понимание текста таблички как магистратского списка способно легко объяснить и чередование знаков 36 и 52 в конце последних слов в строках 10—14. Следует отметить, что знаками 36 и 52 оканчиваются не только заключительные слова указанных строк: знак 36 стоит в конце слов ?-06-20-36 (7, 1), 49-30-36 (8, 4) и 58-45-36 (87, 2), а знак 52 встречается в конечной позиции в словах 16-45-27-52 (9, 2), 55-32-52 (12, 4) и, возможно, 56-49-52 (99, 2). Тут, по-видимому, повторяются в личных именах суффиксы (вероятно, весьма типичные для кипро-минойских личных имен) или суффиксы и надежные окончания (надо полагать, окончания именительного падежа). О наличии суффиксов в именах списка говорят данные их структурного анали-

за. Так вероятный суффиксальный характер некоторых слогов, переданных на письме знаками, стоящими в конце слов, виден, в частности, из следующих примеров сравнения однокоренных и одноосновных имен текста:

1) 02-19(8,3)	4) 53-28 (5,3)
02-19-38-29 (14,1)	53-28-47 (5,2; 8,2; 11,2)
02-19-38-52 (12, 5)	53-28-47-05 (19,3)
02-19-47-05 (5, 4)	5) 55-32 (4,1; 10,1; 18,2)
2) 02-32 (95,2)	55-32-02 (11,4; 14,4)
02-32-23 (90,3)	55-32-52 (2,1; 12,4)
3) 26-22-14 (1,3)	
26-22-14-05 (91,2)	

Три слога из числа тех, суффиксальный характер которых выявляется таким образом с наибольшей достоверностью (в приведенных примерах они чередуются после повторяющихся корней или основ, которые подчеркнуты), читаются вполне надежно благодаря совпадению в начертании кипро-минойских знаков, передающих их на письме, со знаками родственного критского линейного письма А и В, подкрепляемому параллелями в кипрском классическом силлабарии: 03=*ro*, 05=*na*, 29=*wa*. Содержащиеся в них суффиксальные элементы *-r-*, *-n-* и *-w-* характерны для догреческих топонимических и иных глосс (слов, этимология которых не ясна) Эгейского бассейна в целом, и, в частности, острова Крит¹⁴. Весьма вероятным является азиатское (хетто-лувийское) происхождение указанных суффиксальных элементов. Однако оно никак не может гарантировать азиатскую языковую принадлежность кипро-минойцев древнего Эпикомы. Хеттские и лувийские личные имена могли легко заимствоваться носителями иного языка — соседями азиатцев, тем более частично смешавшимися с ними, каковыми являлись, по-видимому, и минойцы Крита, а равно и их потомки на Кипре. В словах надписей на минойском языке — языке критской иероглифики и линейного письма А, явно неиндоевропейском по фонетической структуре, указанные суффиксальные элементы встречаются неоднократно, и прежде всего в личных именах. В то же время кипро-минойский суффикс *-wa* можно, в принципе, возводить не только к хетто-лувийскому суффиксу *-wa*, но и к аналогичному хаттскому суффиксу (хатты или протохатты были доиндоевропейскими обитателями Малой Азии).

Новые открытия кипро-минойских текстов, а в особенности находка в том же Эпикомы в 1955 г. небольшого

фрагмента глиняной таблички, датируемой концом XVI — началом XV в. до н. э.¹⁵, подтвердили справедливость утверждения А. Эванса о происхождении кипро-минойского письма непосредственно от критского линейного A¹⁶. Близкая родственность обеих письменностей дала возможность ученым предполагать близкую родственность и даже тождественность и их языков — кипро-минойского (несомненно, догреческого) и критского минойского. Если язык кипро-минойских надписей действительно был принесен на Кипр колонистами-минойцами с Крита, то этимологический анализ и интерпретация на его основе этих надписей окажутся до открытия новых больших текстов или билингвы (двуязычной надписи с параллельным текстом, в данном случае — на кипро-минойском или крито-минойском и каком-либо ином, уже достаточно хорошо изученном, языке) весьма затруднительными из-за крайне незначительного количества имеющих в распоряжении ученых фактов минойского языка. Правда, некоторые возможные соответствия словам рассматриваемого текста таблички из Энкоми среди минойских имен собственных можно было бы указать уже сейчас: ср., например, 44-39 = *Ra-ja* (20, 4; предполагаемые чтения кипро-минойских знаков 39 и 44 относятся к числу наиболее надежных) и *Ra-ja* — критский топоним, вероятно, догреческого происхождения кносских табличек линейного B. Но от настойчивого проведения подобных параллелей, по-видимому, пока разумнее воздержаться, поскольку вопрос о выяснении фонетического значения тех или иных кипро-минойских знаков еще вызывает серьезные разногласия¹⁷.

Результаты произведенного предварительного анализа текста¹⁸, заставляющие видеть в нем список членов магистратской коллегии, которая находит ближайшие аналогии в крито-минойской государственно-политической традиции, подкрепляют версию о крито-минойском происхождении не только письменности, но и языка обитателей Энкоми позднего бронзового века — кипро-минойцев.

Принятие предложенной нами интерпретации текста таблички из Энкоми 1953 г. в качестве эпонимного списка кипро-минойских должностных лиц позволило бы сделать на будущее как минимум два довольно существенных вывода: во-первых, данный текст может стать со временем, то есть после его полного прочтения, важней-

шим подспорьем для установления абсолютной хронологии некоторых периодов истории кипро-минойского Энкоми и всего Кипра приблизительно в XV—XIV вв. до н. э. (поскольку археологическая датировка памятника — ранее последней четверти XIII в. до н. э.¹⁹, а из 160—200 строк погодного списка имена читаются лишь в строках 1—22 и, условно, 86—99); во-вторых, его самостоятельное исследование без обнаружения новых, значительных по объему и более сложных по грамматической структуре и содержанию, кипро-минойских надписей не может сулить прогресс в деле дешифровки данной письменности в целом, так как он представляет собой простой набор имен, стоящих в одном и том же падеже.

Если первый из наших выводов выглядит достаточно обнадеживающим в смысле отдаленных перспектив изучения очагов минойской культуры на Кипре, то второй из них весьма и весьма малоутешителен для нас, особенно принимая во внимание те надежды, которые можно было поначалу возлагать на этот памятник. Это положение вещей пока, увы, не изменило и появление нескольких новых кипро-минойских текстов, в том числе из Энкоми²⁰. Было предложено рассматривать все однотипные глиняные таблички (теперь известно четыре их фрагмента, включая подробно рассмотренный выше) как особую изолированную группу памятников. При этом допускается, что эти тексты, тяготеющие к рубежу XIII—XII вв. до н. э., отличны по языку от прочих надписей Кипра, выполненных тем же письмом²¹. Э. Массон выдвинула недавно версию об использовании хурритского языка (хурриты — древний народ, живший сначала к югу от Кавказа вплоть до Северной Месопотамии, а затем продвинувшийся в центральные и южные области Малой Азии) теми кипро-минойцами, которые писали на глиняных табличках в Энкоми²². Кое-кто встретил эту идею сочувственно, другие ученые отнеслись к ней скептически²³.

В любом случае следует признать, что исследователям кипро-минойских текстов не удалось еще выйти за рамки сугубо гипотетических построений. Таким образом, нерешенной остается по-прежнему загадка минойских надписей Кипра, в которых поэтому не удастся отыскать желанный ключ к разрешению проблемы языка и письменности Фестского диска. То же самое относится и к очень слабо изученному линейному угаритско-

му и протобиблскому письму (в древних финикийских городах Угарит и Библ жили минойские выходцы и существовали особые виды слогового письма, восходящие через кипро-минойское посредство к критскому линейному А). Но где же тогда можно найти этот ключ?

Глава 9. Поиски ключа к разгадке: надежды и разочарования

Для многих исследователей вопрос о возможном направлении поисков этого ключа был в принципе предельно ясен. По их мнению, путь мог быть только один: поиски внешнего сходства знаков письменности Фестского диска со знаками других известных систем письма. То есть, как единственно правильный ими предлагался метод *иконографический*. Правда, при конкретном рассмотрении проблемы такого сходства мнения резко разделились.

Одни исследователи, как, например, А. Кюни, сравнивали знаки надписи диска с египетскими иероглифами. К некоей североафриканской культуре, близкой древнеегипетской, пытались отнести письменность Фестского диска Р. Макалистер и К. Ешпесен. Большая группа ученых считала Фестский диск памятником малоазийской культуры. Эта концепция опиралась в первую очередь на мнение английского ученого-археолога Д. Маккензи, посчитавшего глину, из которой изготовлен диск, анатолийской по происхождению. Его заключение было принято на веру без всякого дальнейшего обсуждения сначала А. Эвансом, а вслед за ним и большинством других исследователей — сторонников версии о попадании данного памятника на Крит из Малой Азии. Сходства знаков письменности Фестского диска и лувийской иероглифики ищут и некоторые современные исследователи, в частности это делал известный болгарский лингвист В. Георгиев.

В то же время Л. Перлье сравнивал глину диска с материалом керамических изделий кносских дворцовых мастерских, а знаки надписи Фестского диска с критскими иероглифами. Другие ученые находили подтверждение местному критскому происхождению письменности диска в обнаружении прототипов ее знаков в сюжетах минойского искусства, в аналогиях способу штамповки отдельных орнаментальных мотивов и изобразительных

элементов, примененному при нанесении надписи на глиняный диск, в художественной керамике минойского Крита. Поэтому за основу дешифровки они считали необходимым принимать сравнение рисуночных знаков диска и критских иероглифов (после прочтения табличек линейного В, давшего фонетические значения для многих силлабограмм линейного А и части иероглифов, как их несомненных прототипов, для такого сравнения появилась, казалось бы, реальная основа).

Однако применение одного лишь иконографического метода не могло удовлетворить исследователей, сколь оптимистически ни были бы они настроены в отношении его возможностей. Ведь слишком незначительное количество знаков, достаточно схожих со знаками письменности Фестского диска, удавалось найти в репертуаре графем других письменностей. К тому же при весьма произвольных индивидуальных оценках внешнего сходства знаков в определении его реальной степени в принципе, естественно, царил явно волюнтаристский подход. Чтобы претендовать на доказательность своих гипотез, авторы различных дешифровок использовали в той или иной мере еще два метода — *статистический* и *акрофонический*.

Первый из них предполагает необходимость учитывать общую частотность встречаемости и дистрибуцию знаков при их иконографическом отождествлении. Казалось бы, объективный математический характер этого метода должен внушать к нему серьезное доверие, хотя он и играет у использовавших его дешифровщиков сугубо вспомогательную роль. Но в данном конкретном случае, применительно к Фестскому диску, он не способен дать достоверные результаты, ибо текст диска слишком мал по объему, чтобы получить на основе его анализа объективные и точные статистические характеристики употребления отдельных знаков.

Другой метод, акрофонический, основывается, в сущности, на простом угадывании пиктографического значения знака, которое затем отождествляется с каким-либо словом одного из известных древних языков Восточного Средиземноморья, а первый слог полученного слова принимается за фонетическое значение данного знака. В настоящее время ученым действительно известны примеры приобретения слоговыми знаками своего фонетического значения по принципу акрофонии в некоторых письменностях Эгеиды эпохи бронзы (в критской иероглифике и линейном А, в лувийском иероглифическом

письме). Но достоверно установить такое акрофоническое соответствие пиктографического значения рисуночного знака и изображаемой им силлабемы можно лишь тогда, когда чтение слогового знака установлено каким-то иным способом. В противном случае легко впасть в ошибку даже там, где принцип акрофонии на самом деле действовал и язык письменности известен, поскольку трудно предугадать ход мысли изобретателя письма, т. е. какое именно слово (называющее непосредственно сам изображаемый предмет или же одно из связанных с ним понятий) ассоциировалось у него с тем или другим рисуночным знаком. К примеру, условный знак, представляющий собой изображение человеческого рта, с одинаковым успехом мог обозначать на письме такие неоднокоренные слова как «рот», «говорить», «есть» и т. д. и т. п. Когда же язык письменности определяется гипотетически, крайняя ненадежность акрофонического метода дешифровки становится тем более очевидной.

Неудовлетворительность методических приемов, применявшихся дешифровщиками текста Фестского диска, вполне закономерно привела к тому, что, несмотря на сходство методик, конечные результаты у всех исследователей получались каждый раз совершенно различные. Даже беглый обзор предложенных ими дешифровок рисует безотрадную и вместе с тем поучительную картину того тупика, в который зашли многие ученые, пытавшиеся описанными выше способами найти легкое решение труднейшей проблемы Фестского диска¹.

Одним из первых исследователей, рискнувших форсировать разгадку тайны диска, был Джордж Хемпль, статья которого увидела свет в январском номере за 1911 г. журнала «Харперс Мансли Мэгэзин», издававшаяся одновременно в Лондоне и Нью-Йорке. Он решил прочесть надпись на диске по-гречески по правилам кипрского силлабария. Верно определив по числу употребляемых знаков, что письмо диска — слоговое, Хемпль предложил для двух знаков, чаще других стоящих в начале слов, значения гласных *a* и *e*, наиболее употребительных в этой позиции в словах греческого языка, а потом с их помощью отыскал уже два характерных предлога и две грамматические частицы (надо признать, что эти начальные рассуждения Хемпля имели бы определенную ценность, если бы язык надписи оказался греческим). Обратившись затем к акрофоническому методу, он получил фонетические значения такого количества

знаков, которое позволило ему полностью прочесть и понять первые 19 строк стороны А диска, переведенные им следующим образом: «Вот Ксифо пророчица посвятила награбленное от грабителя пророчицы. Зевс, защити. В молчании отложи лучшие [части еще] неизжаренного животного. Афина-Минерва, будь милостива. Молчание! Жертвы умерли. Молчание!...» Согласно толкованию Хемпля, в этой части надписи говорилось об ограблении святилища пророчицы Ксифо на юго-западном побережье Малой Азии греком-пиратом с острова Крит, вынужденным впоследствии возместить стоимость награбленного имущества подлежащим жертвоприношению скотом, а дальше шли предупреждения о необходимости соблюдения молчания во время церемонии принесения жертв. Остальную прочтенную им часть текста Хемпль уже не рискнул ни переводить с греческого, ни как-либо толковать.

Акрофонический метод в сочетании со статистическим для прочтения текста Фестского диска по-гречески применял также немецкий профессор Эрнст Зиттиг в 1955 г. Он вычитал на одной стороне указания о раздаче земельных наделов, а на другой стороне — наставления по поводу ритуальных действий, относящихся к поминальным обрядам и празднику сева.

Американским же ученым Сайрусом Гордоном принцип акрофонии был использован при попытке доказать семитский характер языка надписи диска. Еще раньше, в 1948 г., с помощью собственных статистических подсчетов греческий ученый К. Ктистопулос получил целый семитский текст, даже краткая выдержка из которого красноречиво говорит о крайней сомнительности чтения и перевода:

«Всевышний — это божество, звезда могущественных тропов,

Всевышний — это нежность утешительных слов,

Всевышний — это даритель предсказаний,

Всевышний — это белок яйца».

В том же 1948 г. та же статистика подсказала немецкому исследователю Эрнсту Шертелю путь к пониманию записанного на диске текста как гимна в честь Зевса и Миноавра, который был, якобы составлен на некоем индоевропейском языке, близком латинскому.

Американец Бенджамин Шварц и англичанин Генри Эфрон, будучи, подобно своим предшественникам Дж. Хемплю и Э. Зиттигу, убежденными сторонниками

греческой версии, оба применили в своих исследованиях иконографический и статистический методы. Но сколько различны их переводы текста диска, опубликованные почти одновременно, соответственно в 1959 и 1962 гг. Вот перевод Шварца: «[Сторона А] Святилище Маройо и город Эрато суть истинные святилища. Могущественно Ка...но, святилище Зевса. А которое есть святилище Месате, это — для эпидемии. Святилище Филлиста — для голода. Святилище Акакирийо есть... Святилище, которое есть святилище Халкатесе...— Геры. Святилище, которое есть Акакирийо, есть... Святилище, которое есть святилище Каяпи,— божественное зрелище. Святилище, которое есть Маро, есть менее достопримечательное, тогда как святилище Халкатесе...— более достопримечательное. [Сторона В]. Эти суть также святилища: могущественная Асерия, Ака, Эваки, Мирийота, Мароруве, ...томаройо и Се...а. И этот город Авениту превосходит, но Эваки осквернен. Храм, расположенный против Филлии, есть Эниитоно по имени. Имеется три храма: Эрато, Эниитоно и Эсирия. И это именно Эрато — для обрядов с быками, и Эниитоно — для умротоверения, и для свободы от забот — третья, веселая Эсирия». По Шварцу, это список священных мест — своеобразный путеводитель по Криту для древнегреческого паломника.

Эфрон же полагал, что на диске записан древнейший образец греческой религиозной поэзии, перевод которого гласит: «[Сторона А] Исполненное по обету приношение для Са... и Диониса, исполненное по обету приношение для Туи и Са..., жертвоприношение Ви... и жрецам, и жертвоприношение... [неким божествам], и жертвоприношение Са... и Дионису, и жертвоприношение [неким божествам], ...Агвини и ее сыну, жертвоприношение и... богине Тарсо, и... [нечто, некоему атрибуту] божественной Тарсо и самой богине. [Сторона В] Иаон бесстрашный из Сард вызвал чтимую богиню Тарсо, дочь Теарнея, на состязание. Божественный Теарней, сын Тарсо, дочери Теарнея, приготовляя жертвенный пир в Сардах на азиатский манер, убеждал человека из Азии: «Уступи богине, вырази почтение Гигиее, дочери Галия». Сын Тарсо просил красноречиво от имени богини. Иаон бесстрашный пришел к соглашению с Тарсо и Агвинем».

Методом иконографического сопоставления вместе с принципом акрофонии пользовались и те ученые, которые в последние десятилетия вновь повели атаку на Фестский диск со старых «анатолийских позиций», стре-

мясь приписать языку и письменности диска хетто-лувийское происхождение. Один из них, Саймон Дэвис², обнаружил на диске следующий текст, по его мнению, религиозно-церемониального характера: «[Сторона А] Оттиски печатей, оттиски, я отпечатал оттиски, мои оттиски печатей, отпечатки, я отпечатал оттиски печатей, я оттиснул, я поставил печать, я поставил печать, я оттиски печатей эти, оттиски, оттиски печатей прекрасные, я поставил печать, оттиски печатей ровные, я поставил печать, оттиски печатей прекрасные, я поставил печать, оттиски печатей, спирали, оттиски, оттиски печатей, я сделал оттиски, оттиски печатей, прекрасные оттиски, [Сторона В] я поставил печать, я отпечатал, я поставил печать, оттиски, много я отпечатал моих отпечатков прочных, я оттиснул, я отпечатал оттиски печатей, отпечатки, я отпечатал отпечатки ясные, мои оттиски, оттиски печатей, я оттиснул, я отпечатал, я отпечатал, я оттиснул, я отпечатал, я отпечатал, я отпечатал, я отпечатал, я оттиснул отпечатки, я поставил печать, я поставил печать, я отпечатал, я поставил печать».

Даже человек, малосведущий в области дешифровки древних письменностей, засомневается в возможности такого утомительно однообразного содержания текста. Особенно странно выглядит смысловая скудость надписи при том разнообразии слов, которое ясно выступает в их графическом написании. У Дэвиса выходит, что многие различающиеся по написанию слова имеют почему-то одно и то же значение.

Ничего интереснее содержание текста диска в переводе с лувийского академика Владимира Георгиева, автора одной из самых последних по времени дешифровок «анатолийского направления»³. Это что-то вроде газетного репортажа с места событий или донесения разведчика:

«[Сторона А] Когда Яра отправился в поход на Лилимува, когда отправился и не успел, Ярамува его устранил, прогнал своего любимца и он сам уничтожил Лилимува. Тархумува решил относительно Яра, чтобы он ушел на отдых. Тархумува был в плохих отношениях с этим Лилимувой. Тархумува решил относительно Яра, чтобы он ушел на отдых во дворец. Он [Тархумува] попал на границу области Сандания. Апишумува убежал. Упарамува встречает меня, разгневавший из-за своих интересов, однако Рунда применил насилие и отразил его. Сармасу удалился к Ярамува. [Сторона В] Сарма обдумывает и свободно готовит свой план: он направляет.

Илион его подстрекает, однако я берусь. Сарма, разгневанная на Эфес, припал решение в свою пользу. Илион его подстрекает. Сармасу освободился, пришел и применил насилие. Илион его поощряет. Для унижения Ярипу он отправился в Ялпос, наложил тяжелую дань, однако проявил снисхождение, взял ему глаза (sic! — А. М.) и удалился в Газецу. Однако Яра гневается из-за унижения. Яра собрал урожай, обеспечил мне счастье-вое пребывание и клянется, что не будет создавать неприятностей, так как это не в его интересах. Сандатимува.»

В. Георгиев так комментирует свой перевод: «Содержание текста Фестского диска представляет собой краткую историческую хронику. Самые важные личности, чьи имена отражены на лицевой стороне диска — Тархумува и Ярамува — вероятно, владельцы двух разных областей. На обороте самые важные личности — это Сарма и Сармасу. Сандатимува, вероятно, автор текста. Текст Фестского диска представляет собой рапорт о событиях, происшедших в Юго-Западной Малой Азии.»

Ко всему этому остается добавить лишь то, что принятое Георгиевым за основу дешифровки направление чтения надписи на диске слева направо является неверным (о чем речь пойдет подробнее в следующей главе).

Среди других методов, применявшихся для дешифровки Фестского диска, необходимо назвать еще метод, впервые использованный по отношению к данному памятнику А. Эвансом. Он заключается в *идеографическом* толковании смысла знаков надписи. Следуя ему, Эванс принял текст диска из-за частой повторяемости в нем рисуночных знаков, напоминающих военные сюжеты, за победный гимн⁴. Эту точку зрения в настоящее время разделяет известный советский историк Т. В. Блаватская⁵.

Воспользовавшись тем же методом, французский «атлантолог» Марсель Омэ отыскал на диске рассказ о гибели в морской пучине легендарной Атлантиды, а англичанин Ф. Гордон, считавший, кстати сказать, минойский язык родственным баскскому, предложил перевод текста диска, в котором были и такие строки: «...владыка, шагающий на крыльях по бездыханной тропе, звездокаратель, пенная пучина вод, псорыба, каратель на ползучем цветке, владыка, каратель лошадиной шкуры (поверхности скалы), пес, взбирающийся по тропе, пес, ла-

пой осушающий кувшины с водой, взбирающийся по круговой тропе, иссушающий винный мех...»

Со временем для ученых, способных объективно и критически оценить сложившуюся ситуацию, стало совершенно очевидным, что ни одна из рассмотренных выше методик, абсолютно не пригодна для решения фестской проблемы. Бесперспективность использования описанных методических приемов — акрофонического, сравнительно-иконографического и позиционно-статистического, не говоря уже о давно и безнадежно устаревшем идеографическом, полностью доказал теоретически и убедительно продемонстрировал на конкретных примерах известный немецкий ученый Гюнтер Нойман⁶.

После этого стало окончательно ясно: при исследовании текста Фестского диска достаточно надежные результаты могут быть получены только комбинаторным путем, только с помощью углубленного формального анализа. И некоторые из таких результатов были получены уже давно.

Глава 10. Результаты общих усилий

Десятилетия упорной работы исследователей, трудившихся над дешифровкой Фестского диска, не пропали даром. Хотя они и не увенчались решающим успехом, но все же позволили значительно продвинуться вперед в изучении этого уникального памятника.

Прежде всего удалось, наконец, установить истинное происхождение диска и его письменности. Этому особенно помогли две важнейшие находки археологов. Проведенный в 1934—1935 гг. раскопки пещерного святилища в Аркалохори (Центральный Крит) выдающийся греческий ученый Спирос Маринатос нашел здесь бронзовую литую секиру с выгравированной на ней надписью, содержащей знаки, полностью идентичные знакам, встречающимся на Фестском диске¹. И уже не так давно, в 1970 г., в журнале «Кадмос» был опубликован происходящий из Феста отпечаток на глине одного-единственного знака, тождественного знаку 21 (по нумерации, принятой учеными) письменности диска².

Казавшаяся столь необычной техника последовательного оттискивания на мягкой сырой глине отдельных «стандартизованных» изображений с помощью специальных матриц, совершенно аналогичная использованной

Рис. 36. Сторона А Фестского диска

при изготовлении штампованной надписи на диске, как выяснилось также благодаря успехам археологии, применялась критскими мастерами-керамистами уже в среднеминойском II периоде³.

Постепенное накопление новых археологических материалов дало возможность все с большими основаниями предполагать местные критские иконографические истоки для неразгаданной письменности Фестского диска (таким образом, развившейся и применявшейся на Крите параллельно с другим слоговым письмом — линейным А), в том числе и в отношении прототипов даже тех знаков, которые прежде рассматривались как важные свидетельства иноземного происхождения данного памятника.

Так, например, знак 02, (ср. рис. 38), условно именуемый «голова, украшенная перьями», Э. Майер и

Рис. 37. Сторона В Фестского диска

А. Эванс сравнивали с изображениями корон из перьев, увенчивавших племя воинов-филистимлян⁴. Эти изображения сохранились на древнеегипетских рельефах и на несколько столетий моложе Фестского диска (храм в Мединет-Абу, который они украшали, был построен фараоном Рамсесом IV в начале XII в. до н. э.)*. Внимательный анализ их позволил немецкому исследователю Эрнсту Грумаху установить, что в действительности они не имеют никакой иконографической связи со знаком 02. Аналогии этому знаку удалось обнаружить среди критских памятников. При раскопках одного из горных свя-

* Филистимляне вместе с другими « народами моря » напали на Египет, а затем заселили в XII в. до н. э. Палестину, которая и получила от них свое название. Если они и могли попасть на Крит, то только в XIII в. до н. э., но никак не раньше, тогда как Фестский диск датируется примерно 1600 г. до н. э.

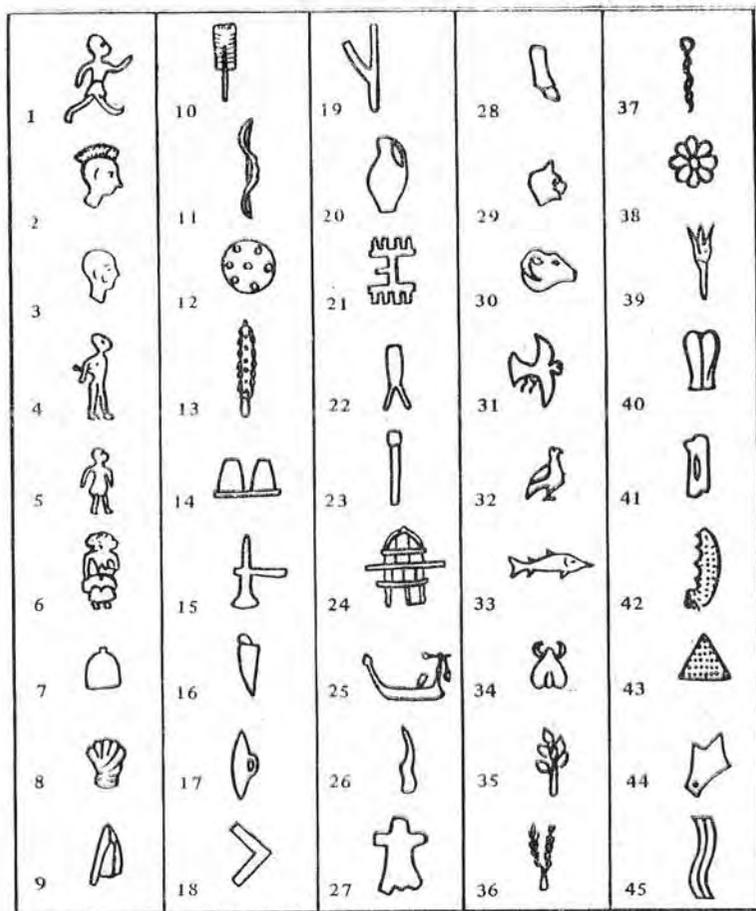

Рис. 38. Репертуар знаков Фестского диска

Рис. 39. Надпись на щитке золотого перстня из Мавро-Спелио

тилиц на востоке Крита были найдены глиняные головы подобной формы. Кроме того, на двух минойских печатях (из Кастелли-Педиадос и Маллип) имеются изображения фантастических полулюдей-полуживотных, связанных, по-видимому, с солярным культом, с такими же зубчатыми гребнями и клювообразными носами, как и у знака 02. Все это дало возможность Э. Грумаху сделать важный вывод, что знак «голова, украшенная перьями» есть ни что иное, как смешанный образ человека и петуха — священного животного на Крите, бывшего атрибутом верховного божества⁵.

Знаком 24 («нагообразное здание») современная исследовательница М. Меллик, вслед за А. Эвансом, сопоставляет с реконструируемым на основании фасадов гробниц экстерьером деревянных домов древних жителей одной из прибрежных областей на юго-западе полуострова Малая Азия — Ликии. Однако Э. Грумах показал, что куда большее сходство с этим знаком обнаруживают критские многоэтажные здания, изображение которых имеется на оттиске печати из Закроса (Восточный Крит)⁶.

О знаке 06 («женщина») А. Эванс отзывался, как о резко контрастирующем с обычным обликом минойских придворных дам, хорошо знакомым нам по запечатлевшим его многочисленным произведениям критского искусства. Но, как выяснил все тот же Э. Грумах, знак 06 изображает вовсе не человеческое существо, а богиню-бегемотиху Та-урт (греческая Тюзрис), почитание которой было заимствовано из Египта и засвидетельствовано на Крите задолго до создания Фестского диска, причем богиня одета здесь в характерную критскую женскую одежду⁷.

Так разрешилась проблема знаков письменности диска, считавшихся ранее частью ученых безусловно некритскими по происхождению. Теперь практически для всех знаков на диске могут быть подобраны прототипы, принадлежащие целиком к кругу несомненно минойских сюжетов. Само спиральное расположение надписи, не чуждое критскому линейному письму А (прекрасный образец такой компоновки дает надпись из 19 знаков линейного А на круглом щитке золотого перстня из некрополя Мавро-Спелио в Кноссе, ср. рис. 39), напоминает об излюбленном орнаментальном мотиве в искусстве древних критян.

Вопрос о том, в каком направлении следует читать надпись на диске, справа налево или слева направо, т. е. от края к центру или наоборот, также можно считать решенным окончательно. Уже один из исследователей Фестского диска — Алессандро делла Сета⁸ указал на то, что композиционное построение компактно скрученной спиральной надписи, как нескончаемой череды орнаментализованных рисуночных знаков, явно ориентируется на принцип движения по часовой стрелке. Лента надписи сначала совершает полный оборот по краю диска. Затем, в самом конце первого витка спирали, она «натывается» на его начало и резко «перепрыгивает» во второй ряд, начиная таким образом следующий виток. К тому же на обеих сторонах диска перед крайней ячейкой с внешнего конца спиральной ленты нанесено по пять крупных точек, которые могут быть истолкованы как указывающие на слова, стоящие в начальной позиции. Последним и самым убедительным аргументом в пользу чтения надписи справа налево явились результаты наблюдений над тем, как чисто технически выполнялось нанесение отдельных знаков на диск⁹. Выяснилось, что когда миниатюрные матрицы накладывались на поверхность сырой глины не совсем ровно, то их оттиски всегда получались более глубокими с левой стороны. Следовательно, древнекритский художник-«печатник», штампуя надпись, действовал левой рукой. А работать таким способом было удобно, и даже единственно возможно, только в том случае, если имело место последовательное нанесение знаков справа налево. При обратном же его направлении мастер, печатавший текст, неизбежно сам создавал бы себе практически непреодолимые трудности в своей столь кропотливой и тонкой работе, поскольку державшей штамп левой рукой совершенно заслонял бы предыдущие, уже нанесенные на глину, знаки и тем самым терял всякую возможность аккуратно и в правильном порядке компоновать все новые оттиски в туго скрученную для большей компактности спиральную надпись. А раз нанесение текста производилось справа налево, то таковым должно было быть, безусловно, и его чтение (в противном случае пришлось бы допустить, что вопреки всякому здравому смыслу и в пику прочим наборщикам всех времен и народов критский мастер имел более чем странное обыкновение начинать набор текста с последнего печатного знака).

Среди исследователей только что найденного Фестского диска мнение А. делла Сеты разделяли Э. Майер и А. Рейнак, а также первый из русских ученых, заинтересовавшийся этим памятником, А. Г. Бекштрем, который выступил с большой содержательной статьей в декабрьском номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1911 год¹⁰. В дальнейшем оно было принято практически всеми специалистами. Противоположную же точку зрения отстаивали в основном лишь те, кто уклонялся от детального ознакомления с историографией вопроса или намеренно пренебрегал мнением своих предшественников¹¹.

Выяснение в принципе системы письма рассматриваемого памятника не потребовало больших усилий от ученых. Простой подсчет количества использованных в надписи знаков индивидуальных форм (на 241 знак во всем тексте приходится лишь 45 различных графем) сразу показал, что письменность Фестского диска не является ни иероглифической (идеографически-звуковой), ни буквенной. Для иероглифического письма, где насчитываются сотни отдельных иероглифов, репертуар знаков диска, учитывая объем текста, слишком мал. Для буквенного же он слишком велик. Некоторые исследователи (Г. Ипсен, В. Порцинг, А. Маккей) предпринимали попытки установить хотя бы приблизительно их вероятное общее число в данной письменности посредством метода экстраполяции, учитывая темпы прироста новых знаков при пропорциональном увеличении текста. Полученные статистические данные говорили о том, что письменность Фестского диска представляла собой письменность слоговую: согласно произведенным подсчетам, в ней было немногим более 60 различных знаков. Причем этот силлабарий был эгейского типа, описанного выше, т. е. с силлабограммами только для открытых слогов (С + Г и Г), подобно критскому линейному письму А и другим родственным ему письменностям Эгеиды, о которых рассказывалось в предыдущих главах книги.

Но письменность диска не была чисто слоговой, вроде позднейшего классического кипрского силлабария, как наивно полагали авторы многочисленных полных или неполных «дешифровок», а содержала в себе, несомненно, аналогично современному ему линейному А, не только силлабограммы, но и знаки другого назначения — идеограммы и/или детерминативы (причем, как увидим ниже, конкретно в надписи на диске удастся достоверно

опознать помимо слоговых знаков лишь детерминативы, т. е. непроницаемые при чтении знаки, указывающие, к какой категории понятий относится стоящее рядом с ним слово, которое передается на письме фонетическими знаками).

Из установления слогового в целом характера письменности Фестского диска естественным образом вытекает вывод о том, что обособленные группы знаков, заключенные в ячейки (поскольку в самой большой из них содержится семь знаков, а в самой маленькой — два), представляют собой не что иное, как слова.

Углубленное исследование внутренней структуры текста, и в первую очередь всех составляющих его слов, позволило ученым с весьма значительной долей вероятности определить грамматические функции ряда знаков. Особенно важна в этом отношении лучшая из работ, посвященных Фестской проблеме, — статья со строго комбинаторным анализом надписи диска, принадлежащая перу Г. Ипсена и В. Порцига и опубликованная в 1929 г. в немецком научном журнале «Индogerманские исследования»¹². На примерах чередования некоторых графем в начальной и конечной позициях, в том числе до и после идентичных устойчивых знаковых блоков, отождествляемых с основами, удалось продемонстрировать несомненное присутствие в словах языка надписи префиксов и суффиксов, а также его флективный характер, т. е. наличие в нем изменяющихся при склонении или спряжении окончаний.

Знак 02, очень часто встречающийся в тексте — он содержится почти в трети слов — и стоящий всегда на самом первом месте, только перед другими знаками, был единодушно опознан всеми серьезными исследователями в качестве графического форманта, или, иначе говоря, детерминатива. А то, что он изображает странную человеческую голову, украшенную перьями или петушиным гребнем, заставляло предполагать в нем детерминатив, обозначающий скорее всего имена собственные (по Ипсену и Порцигу, личные имена и местоимения). Сравнение этих предполагаемых имен собственных, обнаруживаемых в тексте диска (всего их — 19, а за исключением в точности повторяющихся — 15) с именами собственными народов Северо-Восточного Средиземноморья и было признано в конце концов самым перспективным методом установления фонетического значения части слоговых знаков надписи на диске, хотя при этом и оговаривалось, что оно сопряжено на сегодняшний день с непреодоли-

мыми пока трудностями из-за неполноты наших знаний об ономастике древней Эгеиды.

Делались попытки приписать функцию детерминатива и другим знакам, но они не имели достаточного обоснования со стороны сравнительно-статистической.

Все эти данные, которые получены комбинаторным путем, а потому должны быть признаны достаточно надежными, собраны буквально по крупицам учеными разных стран. Действительный вклад в дело решения Фестской проблемы в той или иной степени внесли: итальянцы Л. Пернье и А. делла Сета; немцы Г. Ипсен, В. Порциг, Э. Грумах, Г. Нойман и В. Нам; греки С. Маринатос и К. Даварас; англичане А. Эванс и А. Маккей; а также наши соотечественники В. В. Шеворошкин, А. М. Кондратов и В. П. Назаров¹³. Но вместе с ними фундаментом для будущей дешифровки заложили и все те другие ученые, кому наука обязана нашими нынешними представлениями об этнической, языковой и культурной истории Эгеиды эпохи бронзы.

В интересующий нас конкретный период — в первой половине II тысячелетия до н. э. — страны Эгейского бассейна населяли различные племена и народы. Большую часть полуострова Малая Азия занимали хетты, лувийцы и палайцы, говорившие на близкородственных индоевропейских анатолийских языках. Здесь они ассимилировали своих предшественников — хаттов (протохеттов), язык которых не относится к индоевропейским, а обнаруживает, по мнению некоторых современных исследователей, черты сходства с некоторыми кавказскими языками. На другом берегу Эгейского моря в то время жили уже греки-ахейцы, потеснившие там повсюду и в значительной мере поглотившие обитавших тут ранее индоевропейцев-пеласгов¹⁴.

Приход греческих племен с севера на юг Балкан относится примерно к рубежу III—II тыс. до н. э. Но не побежденные ими пеласги были первыми обитателями будущей Эллады. Скрупулезный лингвистический анализ древних топонимов Эгеиды, произведенный советским исследователем Л. А. Гиндиным¹⁵, позволил твердо установить, что самый древний языковой пласт на юге Балканского полуострова и греческих островах, включая Крит, был неиндоевропейским. Условно он назван «эгейским». Весьма возможна и даже наиболее вероятно его тождественность по преимуществу с минойским, ибо, судя по памятникам письменности — надписям критской

пероглифики и линейного А и их явно местным истокам, — минойский язык безусловно господствовал по крайней мере на Крите в III — середине II тыс. до н.э.¹⁶ Следующим слоем, наложившимся почти повсеместно на предыдущий, «эгейский» (в основном минойский), был пеласгийский, и лишь потом идут второй по счету индоевропейский, анатолийский, и третий — греческий¹⁷.

Такова в самых общих чертах сложная картина последовательных этно-языковых наслоений, имевших место и на Крите, которую, разумеется, крайне важно учитывать при работе над дешифровкой текста Фестского диска. Ведь если ключ к этой дешифровке и может быть подобран в результате всестороннего и целенаправленного комбинаторного анализа, то подлинная реализация его невозможна без нахождения фонетических значений письменных знаков и осмысления их совокупностей в качестве фактов одного из древних языков, употреблявшегося жителями Крита в конце среднеминойского III периода.

Глава 11. Имена и топонимы

Из всех суммированных в предыдущей главе вполне достоверных данных, которые получены исследователями Фестского диска, пожалуй, самыми важными являются определение знака 02 как именного, точнее даже антропимического (обозначающего личные имена), детерминатива¹ и выяснение его конкретного сюжетного содержания, а именно то, что он изображает человеческую голову с символической прической в виде петушиного гребня.

Употребление знака, отражающего смешанный образ человека и петуха, священного животного на Крите, и являющегося сакральным солярным символом, в качестве детерминатива перед именами древних критян, а вернее их правителей, кажется особенно уместным в свете любопытного сообщения греческого писателя и путешественника II в. н. э. Павсания о том, что петух — птица, посвященная богу солнца Гелиосу (прародителю критских царей через жену Миноса, Пасифаю), — воспринимался, согласно традиции, как родовая эмблема Миносидов.

В книге пятой своего «Описания Эллады», уникального путеводителя по Древней Греции, среди прочих

достопримечательностей Олимпии, места проведения знаменитых Олимпийских состязаний, Павсаний описывает следующую скульптурную группу работы известного ваятеля первой половины V в. до н. э. Оната с острова Эгина, изображавшую прославленных героев Троянской войны: «Есть тут и общее приношение ахейского племени; это те, которые после вызова Гектором на единоборство кого-либо из эллинов смело бросили жребий для этого состязания. Эти статуи стоят рядом с большим храмом, вооружены копьями и щитами. Прямо против них на особом пьедестале стоит статуя Нестора. Он избранный в тот момент, когда бросает их жребии в шлем. Число тех, кто бросает жребий для единоборства с Гектором, восемь, так как девятого из них, Одиссея, говорит, Нерон увез в Рим. Из этих восьми имя написано только на статуе Агамемнона... Тот, на щите которого изображен петух, это Идомей, потомок Миноса; род Идомея идет от Гелиоса, отца Пасифаи, и рассказывают, что эта птица посвящена богу солнца Гелиосу и возвещает наступающий восход солнца»².

Текст Фестского диска выглядит, таким образом, как список имен, скорее всего, минойских правителей Крита, и может быть разбит по этому принципу на 16 частей, каждая из которых начинается с имени (см. прил. II; в нем и далее в тексте арабскими цифрами в сочетании с буквами А и В обозначаются порядковый номер того или иного слова на одной из сторон диска; при этом, хотя знаки в надписи идут справа налево, мы для удобства размещаем их при передаче цифровыми обозначениями слева направо, а поскольку функция значков-черточек, похожих на индийские вирамы, в письменности Фестского диска не ясна, мы пока условно не учитываем их и лишь отмечаем наличие этих «вирам» звездочкой). В трех случаях (А16-А18, А19-А21, А22-А25) эти группы слов имеют в своем начале по два имени, стоящих непосредственно одно за другим. Поскольку первое имя (02-12-31-26*) во всех случаях (А16, А19, А22) совпадает, можно предположить, что вторые имена (А17, А20, А23) служат отчествами, добавленными для отличия следующих друг за другом одноименных правителей (здесь уместно вспомнить примечательный факт из числа приводившихся в предыдущих главах книги: анализ минойских пероглифических надписей на критских печатях показывает, что в них также содержались двухименные блоки, состоящие из имени сына и имени от-

ца, без поясняющего слова «сын» между этими именами). При этом слоговые знаки, стоящие в конце словотчеств — 21, 18, 27, — могут содержать в себе окончания одного и того же падежа (о чем подробнее будет сказано ниже). Интересно, что два из трех выявленных отчеств встречаются еще раз в надписи на той же стороне диска (A17 и A29, A20 и A14), но уже как самостоятельные имена. Имя 02-27-25-10-23-18 сначала стоит отдельно (A14) и лишь ниже выступает как отчество (A20), что наводит на мысль о возможности последовательного упоминания в тексте отца и сына. Расположение же в надписи слова 02-12-27-27-35-37-21 в качестве отдельного имени (A29) и в качестве отчества (A17) имеет обратный порядок и это не позволяет, на наш взгляд, снова видеть упоминание отца и сына в разных местах текста.

Сделанный нами вывод о том, что, судя по отчеству и месту, занимаемому в списке имен, 02-12-31-26* (A19) может быть признан сыном 02-27-25-10-23-18 (A14), а его тезка 02-12-31-26* (A16) вряд ли является сыном 02-12-27-27-35-37-21 (A29), подкрепляется еще одним наблюдением. В первом случае после имен предполагаемых отца и сына, фигурирующих в списке правителей в порядке старшинства, стоит совершенно одинаковое поясняющее слово 28-01* (A15 и A21), в то время как после имен лиц, не признаваемых нами отцом и сыном, в тексте находятся разные поясняющие слова (A18 и A30-A31). Отсюда с неизбежностью вытекает, что слова, стоящие в надписи диска за именами правителей, не являясь, безусловно, титулами последних (судя по их слишком большому разнообразию), должны быть их какими-то иными определителями. Для этой роли более всего подходят обозначения территориально-географического характера, по владению областью или городом, которые, естественно, могут быть одинаковыми для отца и сына, как это, видимо, имеет место в рассмотренном выше случае (A15 и A21). Выявление в тексте Фестского диска слов, являющихся топонимами, имеет важнейшее значение, ибо оно способно открыть едва ли не единственно возможный реальный путь к созданию искусственной билингвы (т. е. искусственно построенной двуязычной надписи, четнее хотя бы части слов которой известно по дешифрованным письменным памятникам) через идентификацию имен собственных, в данном случае — географических названий. Самым ответственным

моментом начального этапа дешифровки является тот, когда исследователю удастся призвать к себе на помощь билингвистический метод, дающий первые фонетические значения для знаков неразгаданной письменности, подкрепляющие, если дешифровщик идет по правильному пути, выводы, полученные комбинаторным путем. Развитие же результатов использования искусственной билингвы осуществляется затем обычно снова с привлечением комбинаторного метода.

В 7 из 16 групп слов, на которые распадается текст диска (в прил. II они разделены пунктирными линиями), топонимы выявляются без всяких затруднений, так как в этих группах за именами следует всего лишь одно поясняющее слово:

A9. 31-26-35	A15 и A21. 28-01*
A11. 01-41-40-07	A18. 33-23
A13. 39-11	B2. 27-45-07-35

В двух других группах топонимы обнаруживаются путем сравнения с определенными ранее:

1) A6. 27-45-07-12	B2. 27-45-07-35
A7. 27-44-08	
2) A24. 06-18-17-19	
A25. 31-26-12	A9. 31-26-35

Как видим, «простые» (состоящие из одного слова) топонимы, находясь в сочетании с другим словом, претерпевают изменение в своем написании, вероятно, в связи с изменением гласного звука в конечном слоге.

Еще две группы содержат одно и то же слово 10-03-38, которое, повторяясь подобно трем выявленным ранее топонимам (A15 и A21, A6 и B2, A9 и A25), само вполне может быть таким же повторяющимся топонимом:

1) A27. 23-19-35*	2) A30. 13-01
A28. 10-03-38	A31. 10-03-38

В остальных пяти группах определение топонимов затруднительно и лишь по аналогии их можно предполагать по крайней мере в одном из двух слов, идущих

следом за именем:

1) A2. 24-40-12	4) B18. 29-36-07-08*
A3. 29-45-07*	B19. 29-08-13
2) B4. 22-25-27	5) B29. 29-34-23-25
B5. 33-24-20-12	B30. 45-07
3) B12. 27-25-38-01	
B13. 29-24-24-20-35	

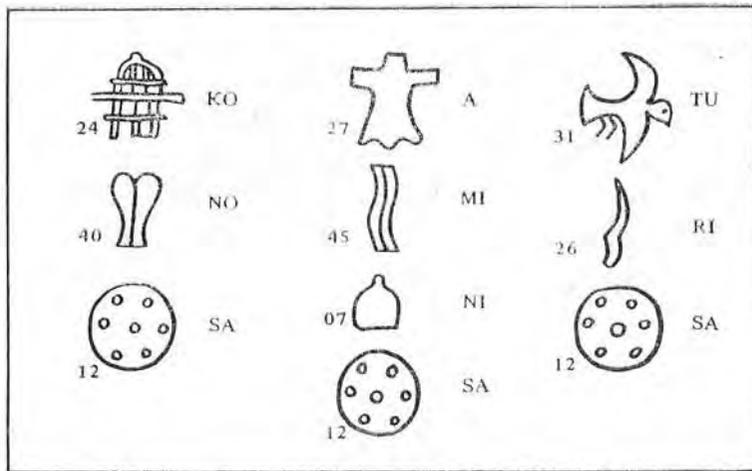
Принципиальное значение для дешифровки текста Фестского диска, естественно, имеет вопрос о языке, на котором он написан. Все данные говорят за то, что этот язык — минойский, т. е. язык линейного письма А и критской иероглифики. Количество слоговых знаков, применявшихся в системе письма Фестского диска (как уже говорилось выше, по сравнительно-статистическим данным, их должно было быть около 60), свидетельствует о том, что они передают только открытые слоги, а это характерно именно для звуковой структуры СГСГСГ минойского языка. Сам диск найден вместе с табличкой линейного А. Тождественность языка надписи диска и минойского вытекает и из анализа упоминавшейся уже нами надписи на votивной бронзовой двусторонней секире из святилища в пещере Аркалохори, сделанной частично тем же письмом, что и надпись на Фестском диске. В одной из следующих глав мы рассмотрим ее подробно. Сейчас же скажем лишь о ее значении для определения языковой принадлежности письменности Фестского диска. Самым важным является то, что здесь налицо несомненное смешение в одной надписи различных систем письма: письменности Фестского диска и линейного А. Такое явление объяснимо лишь в том случае, если две эти системы письма, а точнее два набора слоговых знаков, параллельно существовали и употреблялись для записи текстов на одном и том же языке. Правда, установление языковой принадлежности текста диска не позволяет тем не менее применить для его прочтения этимологический метод, поскольку минойский язык для этого недостаточно изучен. Зато теперь удается использовать метод билингвистический³.

Дешифровка линейного письма В позволила прочесть несколько десятков топонимов Крита того времени в транскрипции, соответствующей звуковой структуре СГСГСГ минойского языка. Значительную часть из них

удается отождествить с греческими названиями критских городов более позднего времени, местоположение которых хорошо известно сегодня (см. рис. 26). Но только четыре таких названия относятся к тем городам, существование которых в среднеминойскую эпоху, и конкретно в среднеминойский III период, концом которого датируется по сопутствующим находкам керамики диск из Феста, основательно подтверждено данными археологии⁴. Это города Центрального и Южного Крита:

A-MI-NI-SO (Ἀμνισός) — Амнис,
KO-NO-SO (Κνωσσός) — Кносс,
TU-RI-SO (Τυλισός) — Тилисс,
PA-I-TO (Φαιστός) — Фест.

В трех из них встречается один и тот же слог (SO линейного письма В), стоящий каждый раз в конце слова. Если содержащие этот слог названия городов имеются в тексте Фестского диска (а их явное отсутствие выглядело бы весьма странным и ставило бы под сомнение правильность всех наших построений), то в словах, выделенных нами в качестве несомненных и предполагаемых топонимов, один из слоговых знаков должен не менее двух раз встретиться в конце трехсложного слова и хотя бы один раз — в конце четырехсложного. Такой слоговой знак обнаруживается, притом только один — 12. Он находится в несомненных топонимах 31-26-12 (A25) и 27-45-07-12 (A6), а также в предполагаемых топонимах 24-40-12 (A2) и 33-24-20-12 (B5). При решении вопроса о том, какой из двух трехсложных топонимов 31-26-12 и 24-40-12 транскрибировать как KO-NO-SO, и который как TU-RI-SO (об условности сохранения здесь в транскрипции слогового знака 12 гласного *o* ниже будет сказано особо), следует принимать во внимание в первую очередь тот факт, что, согласно выводам археологов, во времена изготовления Фестского диска Кносс уже явно играл на Крите роль основной политической силы, и место его царя при официальном перечислении критских правителей бесспорно должно было быть более почетным, чем место владыки Тилисса. Поэтому мы склоняемся к чтению: 24-40-12 = KO-NO-SO и соответственно 31-26-12 = TU-RI-SO. Правитель Кносса оказывается при этом в списке владык Крита конца среднеминойского III периода на первом месте, безусловно, самом для него подходящем, и, таким образом, нам удастся получить очень важное указание на необходимость начинать чтение текста со стороны А диска, как

Р и с. 40. Названия критских городов (Кносса, Амниса и Тиллеса) в тексте Фестского диска

лицевой. Из двух четырехсложных топонимов предполагаемый топоним 33-24-20-12 не может читаться А-МI-NI-SO из-за того, что в нем имеется слоговой знак 24, присутствующий и в слове 24-40-12, в то время как в словах А-МI-NI-SO, КО-НО-SO и ТU-RI-SO нет ни одного повторяющегося слога, за исключением конечного. Следовательно, не остается ничего иного, кроме как принять чтение 27-45-07-12 = А-МI-NI-SO.

Репертуар слоговых знаков прочтенных нами слов выглядит следующим образом: 07=NI, 24=КО, 26=RI, 27=А, 31=ТУ, 40=НО, 45=MI. Любопытно, что ранее на основании некоторых наблюдений сравнительно-статистического характера уже высказывалось предположение о том, что знак 27 обозначает на письме один лишь гласный звук, а 07 и 12 не могут быть знаками для «чистых гласных»⁵. Относительно знака 12 необходимо отметить, что вопрос о гласном в обозначаемом с его помощью слоге остается открытым по двум причинам. Во-первых, даже минойская по фонетическому облику передача минойских же топонимов имеет в линейном письме В традиционную греческую форму окончаний и повторение конечного слога SO линейного В в приведенных названиях городов Крита следует расценивать лишь как свидетельство повторения в их истинной минойской транскрипции конечного слога с тем же самым соглас-

ным, но, вполне возможно, с совершенно иным гласным. Во-вторых, как уже отмечалось выше, несомненные топонимы текста диска в зависимости от того, связаны ли они только с непосредственно предшествующими им именами правителей или сопровождаются еще одним словом поясняющего характера, с четкой закономерностью меняют свое окончание и соответственно конечный слоговой знак: 35 — в первом случае, 12 — во втором случае (ср. В2 и А6, А9 и А25). Поэтому знак 12, так же как и отличающийся от него при чтении, надо полагать, лишь гласным знак 35, правильное будет предварительно транскрибировать не полностью: S., а минойское произношение топонимов 24-40-12/35, 27-45-07-12/35, 31-26-12/35 точнее восстанавливать пока как КО-НО-S., А-МI-NI-S., ТU-RI-S.

Используя полученные фонетические значения девяти слоговых знаков, удастся прочесть практически целиком наиболее часто встречающееся в тексте диска имя 02(детерминатив)-12-31-26* = S.-TU-RI* (А16, А19, А22). Три других имени минойских правителей Крита реконструируются в весьма значительной степени: 02-12-27-27-35-37-21 = S.-А-А-S.-?-? (А17 и А29), 02-12-22-40-07 = S.-?-NO-NI (В1), 02-26-36-40 = RI-?-NO (В14). По поводу первого из них следует заметить, что обнаруживаемое в нем сочетание 27-27=А-А давало при чтении, вероятно, долгий гласный звук. Исследователи давно отмечали возможность такого результата удвоения слоговых знаков, обозначающих один лишь гласный звук, в письменности Фестского диска. Однако очень может быть, что в слове 02-12-27-27-35-37-21 имеет место всего лишь графическая редуцикация (повторение знака 27 со значением А), вызванная накончением префиксов (скрывающихся за знаками 12 и 27) перед корнем, заключенным в блоке знаков 27-35⁶.

Почти полностью читается теперь слово 07-24-40-35 = NI-KO-NO-S. (В10), представляющее собой уже известный нам топоним — минойское название Кносса, но с добавлением префикса NI-. Представляет большой интерес наличие в нескольких словах корня MI-N(I)-, созвучного основе допесенного до нас греческой мифолого-исторической традицией «главного» минойского личного имени или титула — Минос. Он фигурирует как в «чистом» виде, так и с добавлением префиксов: 45-07* = MI-NI* (В30), 07-45-07* = NI-MI-NI* (В24), 29-45-07* = ?-MI-NI* (А3, В20). Вероятно, от этого же корня

образован с помощью префикса и суффикса топоним 27-45-07-12/35 = A-MI-NI-S. (A6 и B2).

Что касается дальнейших путей дешифровки текста Фестского диска, то теперь можно попробовать отождествить некоторые из несомненных и предполагаемых топонимов, содержащих один или два уже определенных знака. Например, слово 29-36-07-08* (B48), где 07=NI, заманчиво сравнить с KU-DO-NI-IA памятников линей-

ного письма В (греческая Κυδωνία), имея в виду сходный минойский топоним, связанный с наименованием древнего критского племени Κυδωνες, упоминаемого античными авторами⁷. Все данные говорят о догреческом происхождении обоих этих собственных имен — топонима и этнонима, дериватов одной и той же ономастической основы. Так, эпонимом-основателем Кидонии местное

критское предание считало Кидона (греч. Κυδων), внука Миноса⁸, а личное имя *Ku-do-ni* встречено в хозяйственных текстах линейного письма А⁹. Предложенное сопоставление дало бы значения еще двух знаков (29=KU, 36=DO) и полное чтение имени 02-26-36-40 = RI-DO-NO (B44). Слово 22-29-36-07-08* = ?-KU-DO-NI-? (B24 и B26) тогда следовало бы признать грамматической формой, типологически сходной с 07-24-40-35 = NI-KO-NO-S. (B10) по ее образованию от топонима путем прибавления префикса (см. выше), а целиком транскрибируемое слово 29-45-07* (A3 и B20) стало бы звучать как KU-MI-NI* (где KU- — префикс).

Еще более привлекательной выглядит мысль попытаться отыскать среди топонимов в тексте диска минойское наименование города Феста, передаваемое в линейном В в форме PA-I-TO. Единственный подходящий топоним, состоящий из трех знаков, не встречающихся среди уже определенных нами, обнаруживается в тексте на лицевой стороне диска: 10-03-38 = PA-I-T. (A28 и A31). Гласный в последнем слоге, восходящий в транскрипции линейного письма В к греческому окончанию, здесь, так же как и в рассмотренных выше случаях с окончаниями топонимов на S. (A2, A6, A9, A25, B2), не может быть пока определен точно по аналогичным причинам. Остается лишь предполагать, что этот гласный одинаков в слогах, передаваемых знаками 12 и 38, так как оба они содержат окончания, собственные топонимам, сопровождаемым вторым поясняющим словом (ср. A2-A3, A6-A7, A24-A25, A30-A31).

Пополнение репертуара прочтенных знаков (10=PA, 03-I, 38=T.) позволяет предложить еще одно отождествление топонимов текста диска и надписей линейного письма В: 27-25-38-01 = A-?-T-? (B12) мы предлагаем читать как A-PA-TA-WA (догреческое происхождение данного названия критского города неоднократно отмечалось исследователями). То, что нам уже известен один знак со значением PA (10), не может служить препятствием для такого отождествления, поскольку знаки 10 и 25 должны, по-видимому, передавать в сочетании с гласным *a* разные согласные звуки минойского языка, которые по-разному передаются в позднейшем греческом алфавитном написании:

A28 и A31. 10-03-38 = P₁A-I-TA/T. = Φαιστός

B12. 27-25-38-01 = A-P₂A-TA-WA = Άπταρα

В точности определения гласного конечного слога (знак 01) в слове B12 имеются, правда, большие сомнения, так как нет никакой уверенности в том, что линейное письмо В сохраняет здесь минойскую транскрипцию, хотя, с другой стороны, такая возможность и не исключается полностью. Поэтому точнее будет транскрибировать слово B12 предварительно как A-P₂A-TA-W.

Принятие предложенного чтения 27-25-38-01 = A-P₂A-TA-W, влечет за собой положительное решение вопроса о гласном в слоге, обозначаемом знаком 12, который, как указывалось выше, должен быть тождественным гласному слога, изображаемого на письме знаком 38: если 38=TA, то 12=SA. Кроме того, оно позволяет уяснить принцип расположения топонимов в списке правилей, составляющем основу текста Фестского диска.

Общий порядок перечисления критских городов реконструируется следующим образом. На первом месте находится Кносс. Потом следуют его ближайшие соседи, вероятно наиболее тесно связанные с ним, Амнис (согласно критской исторической традиции, сохраненной Страбонам, Амнис был при царе Миносе гаванью Кносса¹⁰) и Тиллсс. Затем упоминаются неизвестные нам по названиям города Центрального и Восточного Крита (в том числе, наверно, открытые археологами на месте современных Маллини, Палекастро, Гурии или Закроса). В данной связи нам представляется уже не слишком рискованным сравнение PA-TO линейного письма В

(греч. Απτό — город на востоке острова), как топонима догреческого происхождения¹¹, с двусложным топонимом

мом A18 (33-23, где оба знака пока не прочитаны), согласно нашей трактовке текста диска относящимся, вероятнее всего, именно к Восточному Криту (тогда 33=RA, 23=TO, а слово B15 читается: 29-33-01 = KU-RA-W.). Далее идут города Южного Крита, в частности Фест. Замыкают список города Западного Крита — Аптара и Кидония, а самым последним стоит сложный, быть может, топоним, включающий слово 45-07* = MI-NI* (B30) со значением типа 'царское, царев, царя' (поселение?), сопоставимый с Миной, располагавшейся у входа в бухту Суда напротив Аптары и неподалеку от Кидонии¹². Этот строгий порядок нарушается лишь при включении в список вторых правителей того или иного города (ср. A5-A7 и B1-B2, A8-A9 и A22-A25, A14-A15 и A19-A21), когда географическая последовательность временно отступает на задний план перед относительным старшинством по рангу или даже по возрасту (ср. A14-A15 и A19-A21, где упомянуты, видимо, отец и сын). Только три раза однообразие скупого перечисления имен правителей и относящихся к ним топонимов нарушается более пространственными текстовыми вставками и следом за именами стоят достаточно большие группы слов — от 5 до 10, включая топонимы (B4-B10, B12-B16, B18-B27). Эти отступления могут содержать в себе какие-то дополнительные перечисления и/или описания действий, связанные подчас с ранее упоминавшимися топонимами (ср. образованные с помощью префиксов: B10. 07-24-40-35 = NI-KO-NO-S. от A2. 24-40-12 = KO-NO-SA, а также B21 = B26. 22-29-36-07-08* от B18. 29-36-07-08* = KU-DO-NI-?).

Самое популярное из имен правителей в тексте диска транскрибируется теперь в окончательном варианте: 02-12-31-26* = SA-TU-RI* (A16, A19, A22). С этим именем, а также с топонимом 31-26-12/35 = TU-RI-SA/S. (A9, A25) можно сравнить догреческий корень *tur-*, вошедший, в частности, в этрусское слово *Turan* (богиня 'Владычица') и в «егейское» слово *τράχυρος* — 'владыка'¹³. Топоним TU-RI-S., образованный, как видно, от данного корня с помощью суффикса относительного прилагательного, должен, таким образом, означать буквально «владыкин». Вполне очевидно тождество антропонима SA-TU-RI и греческого имени собственного (и нарицательного) Σάτυρος (по-гречески оно произносилось: *Сатюрос*, по-русски же обычно передается в форме: *Сатир*). Истоки

же это имя собственное имеет явно догреческие, а именно крито-минойские. Персонаж с таким именем фигурирует в мифолого-исторической традиции, отражающей древнейшее прошлое Пелопоннеса: местный царь Аргос (царь-эпоним области Арголиды) победил в незапамтные времена некоего Сатира, притеснявшего жителей соседней Аркадии¹⁴. Любопытно, что Аргосу приписывалась одновременно и победа над быком, опустошавшим ту же Аркадию¹⁵ и представляющим собой явную аналогию критскому быку, с которым сражался Геракл и Тесея¹⁶. Бык, судя по его изображениям на произведениях минойского искусства и другим археологическим данным, играл на Крите очень важную роль в религиозных представлениях вообще, и в культовых церемониях в частности. По-видимому, он являлся для минойцев, как и для древних египтян, одновременно и воплощением бога, и двойником обожествленного царя. Для ахейских же греков критский бык был прежде всего олицетворением могущества правителей Кносской державы.

Возникает вопрос, не могут ли оба указанных эпизода легендарной деятельности царя Аргоса вместе быть истолкованы как отзвук реальных исторических событий — сопротивления обитателей Пелопоннесского полуострова экспансии минойского Крита при одном из правителей последнего по имени SA-TU-RI, подобно тому, как сюжет борьбы Геракла и Тесея с критским быком, а также Тесея с Минотавром и аргонавтов с зорким мипсовым стражем острова — смертоносным Талосом, согласно одному из вариантов мифа тоже бывшим быком, является (с чем согласны многие ученые¹⁷) отражением последнего этапа военных столкновений Ахейской Греции с минойским Критом?

На наш взгляд, ответ на поставленный вопрос должен быть скорее всего положительным. Ведь античная традиция знает Сатурию, дочь Миноса¹⁸. Вероятно, в роду критских царей Миносидов употреблялась и мужская и женская формы данного личного имени. Первоначально же имя *Σάτυρι — было, надо думать, эпитетом одного из почитаемых минойских богов (со значением типа 'Великий Владыка'). Эта весьма заметная фигура в пантеоне минойцев, как видно, стала позднее прототипом для одноименных божеств у греков (сатиры — у эллинов I тысячелетия до н. э. божества низшего разряда), этрусков (Сатрес, он же — Сатрос, Сатре, Сатриас), рим-

лян (Сатурн), фригийцев Малой Азии (Сатр) и, возможно, фракийцев (ср. сатры — название фракийского племени)¹⁹.

Глава 12. Корни, префиксы, суффиксы, окончания

Отмечавшиеся исследователями существование флексий в языке Фестского диска особенно хорошо прослеживается в уже рассмотренных нами случаях с чередованием конечных слогов: 12/35=SA/S. (ср. A6 и B2, A9 и A25, A2 и B10). Здесь уместно вернуться к высказанному нами выше предположению видеть в конечных слогах различных отчества, следующих трижды (A17, A20, A23) за одинаковыми именами минойских правителей Крита в тексте диска, падежные окончания. Примечательно, что два раза отчество-патронимик (с предполагаемым нами соответствующим падежным окончанием) фигурирует в совершенно идентичном написании в качестве уже самостоятельного, обособленно стоящего в общем списке, имени (ср. A17 и A29, A20 и A14). Отсюда напрашивается вывод: поскольку такое совпадение грамматических форм может быть объяснено лишь тем, что данные слова в обоих случаях стоят в одном и том же падеже, личные имена в тексте диска (по крайней мере там, где они составляют абсолютно однородное перечисление, сопровождаемое топонимами, т. е. с A5 по B3) должны оказаться стоящими в родительном падеже, характерном для отчества. Весьма наглядный пример аналогичного явления тождества флексий стоящих в родительном падеже личных имен и сопровождающих их патронимиков можно привести хотя бы из греческого языка: 'Απολλωνίου

'Απολλωνίου — 'Аполлония, сына Аполлония'.

Если же относительно имени кносского владыки, стоящего в надписи диска на первом месте (A1), предположить, что оно в отличие от следующего за ним ряда имен стоит в ином падеже, скорее всего в именительном, то начало надписи 02-SA-?-W.-? KO-NO-SA KU-MI-NI* KU-KU-? (A1-A4) можно перевести следующим образом: «Такой-то правитель (здесь и далее везде в переводе слово «правитель» отражает наличие перед личным именем знака-детерминатива 02), в Кноссе (поскольку знак 35-S.

в топонимах TU-RI-SA/S. и A-MI-NI-SA/S., несомненно, содержит окончание родительного падежа — ср. A9 и B2 с именем A10, имеющим в родительном падеже то же окончание после аналогичного суффиксального элемента, -a можно признать в них, а, следовательно, и в топониме KO-NO-SA, только окончанием местного падежа) царь (перевод слова A3 отчасти условен, так как KU-MI-NI* есть грамматическая форма, образованная от слова MI-NI* — 'царь', и вероятно модификация-derivat этого слова-титла), собрал (созвал, благословил, освятил власть, утвердил в силе, присягнул к присяге, и т. д. и т. п.?)...»

Но ничуть не менее вероятно возможность опознания слова A1 как формы генетива, которая весьма характерна для антропонимов, фигурирующих в посвященных формулах. Такой вариант выглядит даже, пожалуй, предпочтительней, учитывая явную причастность к сакральной сфере самого несущего текст предмета со столь отчетливо выраженной солярной символикой как внешней его формы в целом (диск — обычный знак солнца), так и нанесенного на него каллиграфического декора (туго закрученная спираль в знаковой системе орнамента чаще всего расшифровывается как стилизованное изображение катящегося по небу светила, дневного или ночного). В его пользу как будто говорит и возможное тождество грамматических показателей, скрывающихся за слоговым знаком 18 (с «вирамой» и без нее), в антропонимах A1 и A14=A20. Тогда перевод того же текстового отрезка (A1-A4) будет немного иным: «[Этот вотив] такого-то правителя, в Кноссе воцарившегося, собравшего (создавшего и т. п.)...» Затем следует перечисление имен и топонимов типа: '...такого-то, правителя Тилисса (A8-A9)...»

Обращает на себя внимание тот факт, что общее число критских топонимов, упоминаемых в тексте диска, равно двенадцати. В данной связи нельзя не вспомнить как о двенадцати базиликах страны феаков, рассказ о которой в «Одиссее», возможно, действительно отражает исторические реалии минойского Крита (как предположил известный английский исследователь гомеровских поэм У. Лиф¹), так и в особенности о хорошо известной в Древней Греции крайне архаичной традиции организации политических и религиозных объединений, союзов городов-государств, в форме двенадцатиградий, восходящей к крито-микенской эпохе.

В имеющихся в нашем распоряжении письменных источниках античности неоднократно упоминаются следующие эллинистические двенадцатиградия: ионийские (начала в Пелопоннесе, а затем, с XII в. до н. э., в Малой Азии), аттическое, ахейское, эолийское, а также первоначальные 12 городов Дельфийской амфикионии — союза греческих полисов, совместно почитавших и защищавших знаменитый храм с оракулом Аполлона в Дельфах². Причем весьма возможно, традиция союзов-двенадцатиградий пришла в Грецию с Крита именно через Дельфы, ибо в одном из так называемых Гомеровых гимнов — гимне Аполлону Пифийскому подробно повествуется о том, как основателями дельфийского святилища этого бога и первыми жрецами в нем стали критяне — пришельцы «из града Миносова Кносса»³. Античным авторам известны двенадцатиградия и у италийских этрусков, культурная зависимость которых от цивилизаций Эгейского бассейна II—I тысячелетий до н. э. несомненна. Существовали двенадцатичленные политические объединения и в древней Палестине, где первыми их создателями были принешие сюда с Балкан филистимляне-пеласги. Истоки же указанной традиции восходят, как видно, к минойской цивилизации⁴.

Необходимо отметить, что четыре из полученных нами чтений слоговых знаков сопровождаются в тексте Фестского диска значками, напоминающими индийские вирамы. Структура звуковых цепей минойского языка СГСГСГ не позволяет видеть в «вирамах» текста диска знаки, схожие по значению с индийскими вирамами, то есть указатели того, что гласный конечного слога не читается и слово оканчивается на согласный. Они могли бы обозначать скорее долготу согласного (правда, судя по чтению знаков в происходящем от линейного письма А липнейном В, отражающему фонетические особенности минойского языка, в этом языке одинаковые согласные по долготе не различались) или, что кажется пока наиболее вероятным, долготу гласного (о долготу *a* в словах текста диска А17=А29 см. выше) в конечном слоге, передаваемом знаком, обычно обозначающим слог с кратким гласным. Примечательно, что одни и те же знаки употребляются с «вирамами» и без них в конце слов, но только без них — во всех других позициях (ср. особенно знаки 01, 07, 08, 18, 35). Остается однако неясным, могло ли таким способом передаваться на письме удлинение любого гласного конечного слога или только одно-

го конкретного. Во всяком случае, имеющие «вирамы» знаки 07=NI и 26=RI обозначают слоги с общим гласным *i*, а два других (01=W. и 35=S.) — с точно не установленным гласным. Конечно, довольно рискованно с уверенностью предсказывать по примеру знаков 07 и 26 возможность наличия гласного *i* и в других слогах, начертание которых встречается с «вирамой» (01, 05, 08, 18, 35, 43), но исключать ее по меньшей мере никак нельзя, и в первую очередь для знаков 01 и 35, поскольку согласные в слогах, передаваемых этими двумя знаками, иные, нежели в слогах MI (45), NI(07) и RI (26). Следовательно, хотя и с соответствующими оговорками, но все же можно предполагать, что в непрочтенных пока знаках 05, 08, 18, 43 скрыты чтения слогов, содержащих разные согласные (за исключением *m*, *n*, *g*, *s*, *w*, вошедших в предложенные уже нами чтения знаков: 45=MI, 07=NI, 26=RI, 35=SI, 01=WI) и общий гласный *i* (т. е. 05=.I, 08=.I, 18=.I, 43=.I).

Теперь уместно обратить внимание на то, что слово 15-07-13-01-18 (B8) есть грамматическая форма, родственная имени царя Кносса — 02-12-13-01-18* (A1) и образованная от того же корня, правда, с помощью уже не характерного для большинства личных имен текста диска префиксирующего элемента 12=SA-, а префикса 07=NI- (ср. прибавление в этой же фразе префикса 07=NI к имени города Кносса — B10), и добавления еще одного префиксирующего элемента, переданного знаком 15 (ср. другие примеры накопления префиксов в словах надписи диска: А17=А29 и А23). Слово B8 предшествует еще одно однокоренное с ним, а также со словом А30 (13-01, где корень представлен в наиболее чистом виде) и с именами А1 и А26, слово — B7 (13-01-39-33). Можно предположить, что следующие за корнем 13-01 в словах А1, B7 и B8 слоги 18*, 39 и 18 содержат один и тот же суффиксальный элемент, т. е. имеют общий согласный. Общий корень (23-18), весьма возможно, имеют и слова 16-23-18-43* (B6) и 07-23-18-24 (B25) (если 16 — префикс, как и 07=NI-). Поэтому наличие общего согласного (как суффиксального элемента) можно с некоторой долей риска предполагать и в слогах 43* и 24. Поскольку знак 24 читается KO, а знак 43 снабжен «вирамой» (о вероятной связи «вирам» с гласным *i* см. выше), для знака 43 остается предложить чтение KI.

Если в поисках фонетического значения еще одного слогового знака, встречающегося с «вирамой», а именно

08, допустить возможность наличия в данном слого в первую очередь согласного *d* (т. е. принять чтение 08-DI, которое окажется корректным только при установлении факта, что следующие одно за другим слова B18 и B19, а также соседнее B24, являются однокоренными), то тогда отрывок текста 02-?-A-WI KU-DO-NI-DI* KU-DI-? KU-MI-NI* ?-KU-DO-NI-DI* A-?-TO-P₂A (B17-B22) можно перевести следующим образом: «...такого-то (если и это имя, подобно перечисленным в тексте диска до него, стоит в родительном падеже) *правителя Кидонии, кудиев* (т. е. *кидиров?*) *царя* (о переводе слова B20=A3 см. выше), *возле* (*вокруг, за* и т. п.?, учитывая префикс — знак 22) *Кидонии живущих* (*поселившихся* и т. п.?)...» А далее, в смежном отрезке текста — NI-I-SI NI-MI-NI* NI-TO-I-KO ?-KU-DO-NI-DI* ?-?-I-NI (B23-B27), речь идет, следовательно, еще о чем-то, дополняющем приведенные уже данные; в частности, здесь присутствует грамматическая форма, образованная от слова *царь* или *царствовать* (B24), и повторяется (B26-B21) обстоятельство места '*возле* (*вокруг, за* и т. п.?) *Кидонии*'. В таком случае заключительные слова текста — 02-?-SI-TO-NI KU-?-TO-P₂A MI-NI* (B28-B30), из которых второе (29-34-23-25 = KU-?-TO-P₂A) является однокоренным со словом B22 (27-34-23-25 = A-?-TO-P₂A), легко осмысливаются как: «...такого-то *правителя Поселения* (*Населенного Места?*) *Царя*»; причем если в словах B22 и B29 знак 34 передает префикс, так же как 27=A и 29=KU, то их общий корень TO-P₂(A) можно сравнить со словом *τόπος* — 'место, область, страна', возможно, заимствованным древними греками из языка более ранних обитателей Эгейды. Таким образом, слова B29-B30 составляют, как и предполагалось выше, сложный топоним, главная часть которого сохранилась и в позднем, греческом варианте данного топонима: *Миной*.

Исходя из предложенного понимания той части текста, которая содержит наиболее пространное поясняющее отступление внутри однообразного и сухого перечисления имен и топонимов (B19-B27), есть все основания предполагать аналогичный характер и для двух других подобных, но более кратких текстовых вставок (B6-B10 и B13-B16). Если же топоним KU-DO-NI-DI* действительно образован от этнонима KU-DI-?, то *-n-* в его третьем слого является суффиксальным элементом. Отметим, что суффиксальный элемент *-n-* служил, как видно из текста диска, для образования и топонимов (A11,

B18 и B21=B26), и личных имен (B1, B11, B28), и иных именных или глагольных форм (B27). В этом отношении он обнаруживает функциональное сходство прежде всего с формантом *-s-*: ср. A2 и B10, A6 и B2, A9 и A25, B5 (топонимы), A10 (личное имя), A27, B13 (именные или глагольные формы); в то же время в слове 07-18-35 = NI-I-SI (B26) *-s-* конечного слога, видимо, принадлежит корню, если, конечно, 07=NI- здесь, как и во всех остальных случаях его появления в начальной позиции (B8, B10, B24, B25), — префикс. Очень важно, что суффиксальный элемент *-n-* обнаруживается и во многих словах минойского языка в падежах, сделанных линейным письмом А. Еще один формант, не менее чем *-n-* и *-s(s)* — характерный для догреческих топонимов Эгейского бассейна⁵, *-r/l-*, также фигурирует в словах и текста Фестского диска (A5, B7, B16), и известных к настоящему времени памятников линейного А; кроме того, он обнаруживается в суф. *-ul-* минойских названий растений, изученных Г. Нойманом⁶.

Как видно из уже рассмотренных примеров, которые можно легко приумножить, для текста диска характерна частая встречаемость различных грамматических форм, образованных от одного корня. Это дает основания предполагать, что общие корни могут быть обнаружены не только в словах, где полностью идентичны содержащие их блоки из двух знаков, но даже и там, где в подобных, явно корневых, судя по структуре слова, двусложных блоках совпадают лишь первые слоговые знаки, а вторые разнятся между собой (при условии, разумеется, что последние обозначают один и тот же согласный в сочетании с разными гласными). Правда, любые выводы, основанные на таких предположительных сопоставлениях, неизбежно окажутся весьма и весьма гипотетическими. Однако, на наш взгляд, нельзя оставлять неиспользованной ни одну возможность углубить анализ текста Фестского диска. Следует лишь обязательно учитывать тот факт, что если определение согласного в слого, как суффиксального элемента, возможно тождественного при одном и том же корне, производится еще с достаточной степенью вероятности (поскольку число таких возможных суффиксальных элементов весьма ограничено), то при допущении тождественности корней по их идентичному начальному слогу, ее вероятность оказывается уже куда меньшей и потому требует по возможности подкрепления другими данными и наблюдениями иного ха-

рактера, и в первую очередь тем, подходит ли получающийся смысл слова к соответствующему контексту или нет.

В словах В22 и В29, как уже отмечалось, корень — 23-25 = TO-P₂(A)-. Если же сопоставить его с корнем 23-18, присутствующим в словах 02-27-25-10-23-18 = A-P₂A-P₁A-TO-I (A14=A20; видимо, сложное слово), 16-23-18-43* = ?-TO-I-KI* (B6) и 07-23-18-24 = NI-TO-I-KO (B25; вытекающий отсюда возможный смысл данного слова, как происходящего от корня со значением типа 'селиться' или 'населенное место', без труда вписывается в предложенный нами выше перевод соответствующего места надписи диска — В17-В27), то согласные во вторых слогах данных корневых блоков должны совпасть, а так как 25=P₂A, то 18=P₂, или точнее, с учетом возможности наличия при нем «вирамы» (см. выше), 18=P₂I. Такое определение согласного в слоге, передаваемом знаком 18, не противоречит полученным ранее чтениям знаков, исходя из которых этот согласный не может быть *d*, *k*, *m*, *n*, *r*, *s* или *w*. Поскольку согласный в слогах, записанных знаками 18 и 39, скорее всего, общий (как было установлено выше при сравнении слов А1 и В8 с В7) и он теперь определен, 39=P₂.

В слове 06-18-17-19 (A24) 06, вероятно, префикс, судя по другим случаям, когда он, по всей видимости, стоит перед корнем (ср. В16 и В28). Тогда корень здесь заключен в блоке знаков 18-17 = P₂I-?. С того же знака 18 начинается и без труда выделяемый корень в слове 07-18-35 = NI-P₂I-SI (B3), где 07=NI- — префикс. И если допустить тождество обоих корней, то следует отождествить и согласные в слогах, передаваемых знаками 17 и 35, т. е. знак 17 должен читаться как S., или даже как SO, принимая во внимание то, что в слове A24, возможно, присутствует тот же самый суф. -on-, что и во многих других словах текста диска: ср. 01-41-40-07 = WI-?-NO-NI (A11), 02-12-22-40-07 = SA-?-NO-NI (B1), 02-26-36-40 = RI-DO-NO (B11), 29-36-07-08* = KU-DO-NI-DI* (B18), 02-06-35-23-07 = ?-SI-TO-NI (B28). Третьим словом, имеющим тот же корень, весьма вероятно, является личное имя 02-12-06-18-? = SA-?-P₂I-? (A8) (если и 12=SA, и 06 — префиксы), последний слог которого, утраченный в надписи, может быть восстановлен, скорее всего, как 35=SI (в этом слоге -s- — от корня, а -i- — по аналогии с другими окончаниями родительного падежа личных имен и топонимов — ср. A9, A10, B2).

Аналогичным образом можно предположить и наличие в словах 13-01-39-33 = ?-WI-P₂-RA (B7) и 06-35-32-39-33 = ?-SI-?-P₂-RA (B16) суф. -on-, имеющегося, например, в слове 02-12-04-40-33 = SA-?-NO-RA (A5), что дало бы полное чтение знака 39: P₂O.

Сравним теперь личное имя 02-12-41-19-35 = SA-?-?-SI (A10) и относящийся к нему топоним 01-41-40-07 = WI-?-NO-NI (A11). Если в корневых блоках этих слов 41-19 и 41-40 содержится общий корень, то знак 19 должен передавать слог с тем же согласным, что и знак 40=NO, т. е. 19=N. Тогда в слове 06-18-17-19 (A24) конечный слог читается соответственно N. По аналогии с постоянным чередованием в окончаниях личных имен, топонимов и сопровождающих их вторых «поясняющих» слов в тексте диска гласных *a* и *i* после согласных *p*₂, *r*, *s* (ср. чередование конечных слогов -P₂A/-P₂I, -RA/-RI, -SA/-SI), возьмем на себя смелость предположить возможность такого чередования и после согласного *n*. Поскольку в указанных позициях слог -NI нами уже обнаружен (ср. A11, B1, B28, B30), для знака 19 остается предложить чтение NA. Если же отмеченное чередование окончаний допустить и для слогов с согласным *t*, то из сравнения личных имен 02-12-32-23-38 = SA-?-TO-TA (A12) и 02-37-23-05* = ?-TO-I* (B3) можно вывести чтение знака 05 как TI.

Сравнение слов 06-35-32-39-33 = ?-SI-?-P₂O-RA (B16) и 02-06-35-23-07 = ?-SI-TO-NI (B28), имеющих общий префикс 06, позволяет предложить сопоставление их корней: 35-32 = SI-? (в слове В16 группа 39-33 является суффиксальной, ибо она бесспорно играет роль таковой в слове В7. 13-01-39-33, где корневой блок легко выявляется при сравнении с явно однокоренными словами А1, А26, А30 и В8) и 35-23 = SI-T(O)*. Отсюда следует, что слоговые значения знаков 32 и 23, возможно, содержат одинаковый согласный, т. е. 32=T. А так как знаки, обозначающие слоги с согласным *t* и гласными *a*, *i*, *o*, *u* (38=TA, 05=TI, 23=TO, 31=TU) нами уже

* Исследователями установлено наличие в мифийском языке слова * *si-to* со значением 'зерно, семена хлебных злаков' (ср. греч. микен. *si-to*, гомеров. *σιτος*). Возможность использования основы *sit-* как ономастической (ср. слово В16 в тексте диска, являющееся личным именем) подтверждается употреблением формы

Σιτό (ср. микен. *si-to po-ti-ni-ja* 'Госпожа Хлеба') вместо обычного имени богини земледелия Деметры, культ которой древние греки заимствовали с Крита.

определены, для знака 32 допустимо предполагать чтение ТЕ, ибо только гласный *e* имелся еще в минойском языке, судя по памятникам линейного письма А.

В выявленном ранее этнониме KU-DI-? (B19), хорошо подошедшем к соответствующему контексту, неясен конечный слог в целом, и в частности заключающийся в нем суффиксальный элемент. О чередовании конечных слогов в формах родительного и местного падежей текста диска мы уже говорили. Изредка здесь встречается окончание *-o* (ср. A18, B11), и постоянно чередуются *-a* и *-i*. В словах же с корнем *top-* и суффиксальным элементом *-k-* выше отмечены (B6 и B25) лишь случаи чередования окончаний *-o* и *-i* (ср. ?-ТО-Р₂I-KI* и NI-ТО-Р₂I-KO), в то время как в словах с этим же корнем, но без суффиксального элемента *-k-* (A14=A20, B22, B29) чередуются обычным образом окончания *-a* и *-i* (ср. A-Р₂A-Р₁A-ТО-Р₂I, A-?-ТО-Р₂A, KU-?-ТО-Р₂A). Поэтому нетрудно прогнозировать возможность наличия в первой комбинации (или аналогичной ей, т. е. с другим корнем) после суффиксального элемента *-k-* в конечном слого и окончания *-a*. Возникает вопрос: не этот ли конечный слог скрыт за знаком 13 в слове B19? Если бы знак 13 имел фонетическое значение КА, данное слово полностью читалось бы как KU-DI-KA. Поскольку этноним B19 восстанавливается в переводе соответствующего места надписи (B17-B22) во множественном числе (см. выше), суффиксальному элементу *-k-* (как здесь, так и в словах B6 и B25) остается приписать функцию показателя множественного числа.

Принятие для знака 13 чтения КА позволило бы констатировать наличие в личных именах SA-KA-WI-Р₂I* (A1) и SA-KA-WI (A26), а также в словах KA-WI (A30), KA-WI-Р₂O-RA (B7) и ?-NI-KA-WI-Р₂I (B8) общего корня *kaw-* со значением типа 'провидеть, провидец, прорицатель, жрец' и т. п.⁷ Небезынтересно, что этот корень обнаруживается в догреческом топониме Крита — *Καῶνος*. Он же присутствует во втором из двух слов, составляющих минойскую надпись на серебряной чаше из Рас-Шамры (древний финикийский город Угарит, в котором имелась колония минойцев): *ro-da ka-wa*⁸. Если бы правильность предложенных прочтений надежно подтвердилась, то выяснилось бы, что имена двух правителей Феста (A26 и A29) сопровождаются в тексте диска разными поясняющими словами: TO-NA-SI (A27) и KA-WI (A30). И если KA-WI — родительный

падеж слова 'прорицатель' (или 'жрец'), то слово TO-NA-SI является формой родительного падежа какого-то иного термина, видимо, уже не религиозно-культурного, а политико-административного характера. Следовательно, и слова A7, A24 и B4, аналогичным образом сочетающиеся с именем правителя в родительном падеже и топонимом в местном падеже (по типу A29-A31: «...такого-то правителя, прорицателя в Фесте...»), также представляют собой наименования того или иного сана. Уместно было бы вспомнить о хорошо известном по историческим преданиям ахейского времени, сохраненным античными авторами, факте соправления в пелопоннесском Аргосе второй половины II тысячелетия до н. э. династий легитимных владык и прославленных прорицателей⁹. Весьма возможно, что второй правитель Феста (A29) с титулом «прорицатель» являлся хозяином «малого фестского дворца» — так называемой «царской виллы» в Агва-Триаде, а первый правитель (A26), по имени Сакави (форма генетива), имел постоянную резиденцию в большом дворце на городском акрополе, и тогда сохранившийся экземпляр диска принадлежал лично ему.

Глава 13. Надпись на секире

Ограниченность числа силлабограмм, использованных при записи небольшого по объему текста на диске и сама его краткость, конечно же, уменьшают эффективность применения комбинаторного метода исследования для получения фонетических значений отдельных слоговых знаков. В надписи на Фестском диске насчитывается 45 различных знаков. Из них только один (02) является несомненно детерминативом, а все или почти все остальные имеют слоговое значение. В процессе дешифровки текста диска, а именно на билингвистическом ее этапе, т. е. в результате отождествления топонимов минойского Крита (см. прил. V), нам пока удалось получить достаточно обоснованные чтения слогов, в которых встречаются 10 согласных (*d, k, m, n, p₁, p₂, r, s, t, w*) и 4 гласных (*a, i, o, u*). Наличие еще, как минимум, трех согласных (*j, q, z*) и одного гласного (*e*) в минойском языке надписи диска нетрудно предположить на основании принятого чтения части знаков линейного письма А. Поэтому общее число силлабограмм в письменности Фестского диска, передающей в связи с особенностями фоне-

тической структуры СГСГСГ минойского языка только слоги, состоящие из согласного и гласного или одного гласного, могло достигать 70.

Каким же путем попытаться получить чтения еще хотя бы нескольких из этих слоговых знаков? Отыщутся ли способы, дополняющие билингвистическую методику и другие примененные уже нами комбинаторные приемы, для дальнейшего проникновения в тайну вышедшей из употребления три с половиной тысячи лет тому назад системы письма, которую мы считаем возможным именовать *минойским иератическим силлабарием* (определение

«иератический», от греческого *ἱερατικός* — ‘священный, обрядовый, культовый, жреческий’, по отношению к письменности означает ‘связанный преимущественно с текстами сакрального характера’ и именно такой представляется нам письменность Фестского диска).

Пополнить репертуар известных нам знаков минойского иератического письма можно надеяться, конечно, прежде всего с помощью других родственных эпиграфических памятников. Таких памятников известно в настоящее время всего два (еще один, третий памятник, иногда упоминаемый в связи с Фестским диском, — открытая и изданная французским археологом Ф. Шапутье небольшая надпись на жертвеннике из Маллии в действительности выполнена обычным критским иероглифическим письмом). Мы уже упоминали о них выше. Первый из них не дает нам ничего нового, так как представляет собой оттиск на глине одного-единственного знака, тождественного знаку 21 Фестского диска. Вторым является надпись на бронзовой двусторонней вотивной (т. е. предназначенной для посвящения божеству) секире из святилища в пещере Аркалохори¹. Датировка ее — рубеж среднеминойского III и позднеминойского I периодов (первая половина XVI в. до н. э.). Таким образом, она, возможно, предельно близка времени изготовления Фестского диска (условно — около 1600 г. до н. э., шире и вернее — вторая половина XVII в. или начало XVI в. до н. э.).

Гравированная надпись, состоящая из трех слов, написанных вертикально и заключенных в вытянутые прямоугольные ячейки (подобно словам на Фестском диске), образованные вертикальными параллельными линиями и трехлинейными ободками, идущими по верхнему и нижнему краям предмета (рис. 41), как уже говорилось выше (см. гл. 11), содержит знаки двух силлабариев —

письменности Фестского диска и линейного А. Это служит важным подтверждением того, что оба эти силлабария предназначались для передачи на письме одного и того же языка — минойского. Однако совершенно недостаточно ограничиться лишь констатацией данного факта. Необходимо развить и подробно обосновать этот тезис, детально выяснив принадлежность каждого из знаков в надписи на секире к той или иной системе письма. Это позволит не только конкретизировать надлежащим образом высказанное общее положение о смешанном характере данной надписи, но и проверить возможность присутствия здесь еще не известных нам знаков минойского иератического силлабария.

Принцип, который может быть предложен для выявления последних в смешанной надписи на секире, довольно прост: если слоговые знаки не находят себе достаточно близкого соответствия ни в линейном А, репертуар силлабограмм которого представлен в открытых к настоящему времени текстах едва ли не с исчерпывающей полнотой, ни на Фестском диске, то в них с очень большой долей вероятности можно предполагать знаки минойского иератического силлабария, не встретившиеся в тексте диска ввиду его относительной краткости.

При этом сразу же оговоримся, что ни один из знаков надписи на секире не имеет аналогий в критской иероглифике — предшественнице линейного письма А, дожившей, однако, почти до конца среднеминойского периода. Иероглифическое письмо, весьма возможно, вышло из употребления на Крите как раз вследствие того, что его в качестве особого декоративного шрифта для минойских текстов сакрального и иного торжественного характера сменила специально введенная письменность Фестского диска. О принципиальном значении этой смены

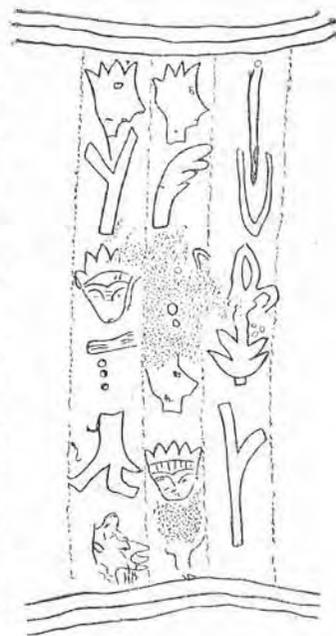

Рис. 41. Надпись на секире из Аркалохори

свидетельствует полная, насколько можно проследить, независимость чтений знаков минойского иератического силлабария от чтений внешне сходных с ними (т. е. фактически родственных им по происхождению от общего изобразительного прототипа, взятого из того же самого окружавшего критянина бронзового века реального мира) слоговых знаков критской иероглифики и линейного А: ср., например, такие пары знаков письменности Фестского диска и линейного А — 31=ТУ и 98=ku, 35=SI и 92=te, 45=MI и 58=ra₂, 12=SA и 91=qe; все же известные нам к настоящему моменту одинаковые слоги, общим числом 26, которые читаются в памятниках и той и другой письменности, обозначаются на письме знаками между собою абсолютно не схожими.

Можно допустить, что направление написания и чтения текста справа налево было принято в минойском иератическом силлабарии, как специально выработанном декоративном шрифте (в вытесненной им критской иероглифике преобладало обратное направление — слева направо, закрепившееся в линейном А), под влиянием египетской иероглифики — наилучшего в отношении каллиграфических возможностей письма того времени. Египетские иероглифические надписи были известны на Крите задолго до создания письменности Фестского диска. Так, к среднеминойскому II В периоду относится, к примеру, статуя (датируемая по стилю более ранним временем) с подобными надписями сановника-египтянина — вероятно, посла фараона на Крите, посвященная в одно из дворцовых святилищ Кносса. Установление регулярных дипломатических отношений критских династов с могущественными правителями Египта способствовало, естественно, появлению среди критян людей, достаточно хорошо знакомых с письменностью страны пирамид.

Отметим, что в надписи на секире знаки письменности Фестского диска предстают в варианте, значительно более упрощенном по сравнению с их «парадным», каллиграфическим начертанием на диске. Это и понятно. Ведь по особо важному случаю, для изготовления не менее чем 12—16 полностью идентичных дисков (по числу городов минойского Крита, правители которого перечислены в тексте, или же по числу самих этих правителей: как мы помним, в двойной спиральной надписи фигурирует 12 различных топонимов и 16 имен правящих династов и парадинастов-соправителей), применялся особый способ — штамповка надписи из отдельных

знаков, предварительно тщательнейшим образом выгравированных на специальных индивидуальных матрицах. Надпись на диске прекрасно скомпонована. Вероятно, расположение знаков было намечено мастером сначала на двух (для разных сторон) образцах из сырой глины, с которых потом перенесено на диски, подлежащие обжигу. При компоновке надписи использован традиционный для критского искусства мотив спирали, великолепно сочетающийся с круглой формой диска. Спиральная лента надписи размещена на поверхности несущего ее предмета достаточно свободно (строки не «слипаются», читаются ясно и легко) и в то же время компактно. Законченность и четкость форм отдельных знаков придает составленной из них надписи изысканный орнаментальный характер.

Как произведение минойского искусства, Фестский диск занимает особое место в кругу памятников художественной культуры эгейского мира. Это объясняется его на редкость многообразным характером. Он, во-первых, представляет собой оригинальное произведение художественной керамики; во-вторых, является прекрасным образцом искусства каллиграфии; в-третьих, до сих пор остается первым известным примером «художественно-полиграфического», связанного с настоящим тиражированием, выполнения значительного по объему текста, так как здесь имеет место оттискивание надписи с помощью специального набора матриц; и, наконец, в-четвертых, дает богатый дополнительный материал для изучения критской глиптики (искусства миниатюрной резьбы каменных печатей), ибо сами штемпель-матрицы, отпечатки которых составляют декоративное оформление памятника, были, судя по тонкости рисунка выгравированных на них знаков, вероятно, из твердого камня.

На секире из Аркалохори трактовка знаков намного более свободна и графична, что связано и с иной, нежели на диске, техникой нанесения знаков на иной материал (гравировка по металлу). Нумерация знаков данной надписи, которой мы будем придерживаться, основывается на сочетании римской цифры, обозначающей порядок слов слева направо, и арабской цифры, обозначающей место, на котором стоит тот или иной знак в слове при отсчете сверху вниз.

Первое слово состоит из шести знаков. Знак I, 1 («голова с петушиным гребнем») соответствует знаку 02 Фестского диска, являющемуся детерминативом со зна-

чением 'правитель'. Следует подчеркнуть тот примечательный факт, что он, так же как и аналогичный знак во второй колонке надписи на секире (см. ниже), явно занимает начальную позицию в соответствующем текстовом отрезке. Это лишний раз подтверждает правильность принятого нами, вслед за А. делла Сетой и многими другими исследователями, направления чтения текста Фестского диска.

Знак I, 2 («развилка, повернутая влево») соответствует знаку 19 Фестского диска, для которого нами было предложено чтение NA (оно, правда, принадлежит к числу наиболее гипотетических). Знак I, 3 («голова в зубчатом венце в фас») изображает, несомненно, голову человека или антропоморфного божества, но никак не животного, и потому его не представляется возможным сравнивать (как это делают Дж. Пульезе-Каррателли и Н. Буфидис) со знаком 95 линейного письма А, восходящим к фасовому изображению звериной головы (непосредственный прототип последнего обнаруживается в критской иероглифике²). Не находя аналогий данному знаку в линейном А, мы можем предполагать его принадлежность к минойскому иератическому силлабарии и присоединить его к 45 известным знакам письменности Фестского диска под условным номером 46. Знак I, 4 («горизонтальная черта с тремя точками, вертикально расположенными под ней») может быть сопоставлен со знаком 26 линейного А (совершенно аналогичное начертание знака 26 с тремя точками под чертой встречено в надписях линейного А неоднократно³), который, по аналогии с происходящим от него знаком 06 линейного письма В, читается как *na* (сторонниками отождествления их являются, например, Дж. Пульезе-Каррателли и С. Дэвис). Знак I, 5 («орлиная лапа»), на наш взгляд, очень напоминает знак 64 линейного А, от которого происходит знак 50=*pi* линейного письма В. Знак I, 6 («голова кабана») не похож ни на один из знаков линейного А. Он повернут вправо, подобно всем другим изображающим одушевленные предметы или их детали знакам письменности Фестского диска, к которой мы его относим, присваивая ему условный номер 47.

Второе слово состоит также из шести знаков. Знак II, 1 идентичен знаку I, 1. Знак II, 2 («львиная лапа»), повернутый вправо, не имеет аналогий в линейном А и может быть отнесен к минойскому иератическому силлабарии под условным номером 48. Знак II, 3 сохранился

очень плохо. Несмотря на это, С. Маринатос и Н. Буфидис, работавшие непосредственно с памятником, считали возможным отождествить его со знаком I, 4. Знак II, 4 («человеческая голова, повернутая вправо») заметно отличается от знаков I, 1 и II, 1. Его верхняя часть повреждена и это не позволяет установить с полной уверенностью, имела она украшение в виде зубчатого гребня или нет. Однако второе представляется нам намного более вероятным не только по иконографическим соображениям, но и потому, что знак в данном случае стоит в середине слова и, следовательно, должен быть слоговым, а никак не детерминативом. Таким образом, знак II, 4, скорее всего, соответствует знаку 03 Фестского диска, для которого предложено фонетическое значение I. Знак II, 5 идентичен знаку I, 3. Знак II, 6 («куст») сильно поврежден. Исходя же из его прорисовки в публикации С. Маринатоса, в нем можно видеть аналогю знаку 36 Фестского диска, для которого предложено фонетическое значение DO.

Третье слово состоит из трех знаков. Знак III, 1 («стрела»), принимая во внимание его положение в начале слова, вполне может оказаться детерминативом (на вотивном предмете после имени и патронимика посвяtitеля это должен быть, скорее всего, детерминатив, обозначающий адресата посвящения, т. е. понятие «божество»). Но настаивать на этом было бы, разумеется, чересчур неосторожно и мы лишь относим данный знак, как не имеющий аналогий в линейном А, к минойскому иератическому силлабарии под условным номером 49. Знак III, 2 («растение») не находит себе достаточно близких соответствий в линейном письме А и потому может претендовать на отнесение к письменности Фестского диска под условным номером 50. Знак III, 3 («развилка, повернутая вправо») соответствует знаку 30 линейного А, от которого происходит знак 01=*da* линейного письма В.

Итак, произведенный эпиграфический анализ надписи позволяет получить дополнение из четырех силлабogramм и одного детерминатива (или пяти силлабogramм) к репертуару знаков минойского иератического силлабарии (см. рис. 42).

Выполнить надпись на секире было задумано, несомненно, знаками минойского иератического силлабарии. Каждый раз слово начинали писать именно с них. Знаки линейного А здесь в явном меньшинстве и к тому же

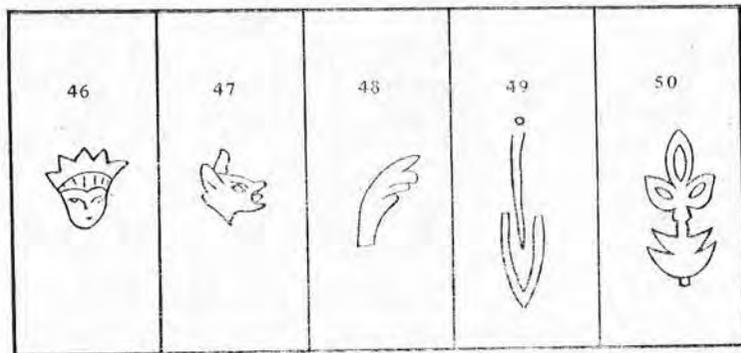

Рис. 42. Дополнение к репертуару знаков минойского ператического силлабария

всегда вкраплены в середине или конец слова. Порядок же слов — как в линейном письме А: они следуют слева направо (подробнее об этом мы скажем ниже). Смещение знаков двух наборов силлабограмм и особенно неполная подмена одного знака другим, имеющим то же самое фонетическое значение (ср., скорее всего, одинаковое чтение знаков I, 2 и I, 4 = II, 3), может говорить о том, что хотя резчик надписи и был знаком с минойским ператическим силлабарием, но линейное письмо А, широко употреблявшееся в повседневном быту, и в первую очередь для хозяйственных нужд, было для него куда привычней. Если направление чтения надписей линейного А и письменности Фестского диска при их горизонтальном положении было противоположным, при вертикальном расположении знаков одного за другим оно становилось одинаковым и это обстоятельство увеличивало возможность подобного неумышленного механического смещения однозначных силлабограмм.

В принятом цифровом обозначении (римские цифры обозначают порядковый номер слов, арабские цифры в сочетании с буквенными сокращениями ФД и ЛА указывают на номер знака в твердой нумерации знаков письменности Фестского диска и линейного А) рассматриваемая надпись может быть теперь передана таким образом:

I. 02 ФД — 19 ФД — 46 ФД — 26 ЛА (?) — 64 ЛА — 47 ФД

II. 02 ФД — 48 ФД — 26 ЛА (?) — 03 ФД — 46 ФД — 39 ФД (?)

III. 49 ФД — 50 ФД — 30 ЛА

Если же подставить на место знаков линейного письма А их фонетические значения, определенные по аналогии с происходящими от них силлабограммами линейного В, сохранив цифровое обозначение знаков письменности Фестского диска, то надпись предстанет в следующем виде:

I. 02-19-46-na (?) -pu-47

II. 02-48-na (?) -03-46-36 (?)

III. 49-50-da

Последующая подстановка полученных нами ранее, в результате комбинаторного анализа текста Фестского диска, чтений знаков 03=I, 19=NA и 36=DO минойского ператического силлабария дает такой результат:

I. 02 (детерминатив «правитель») -NA-46-na (?) -pu-47

II. 02 (детерминатив «правитель») -48-na (?) -I-46-DO (?)

III. 49 (детерминатив?) -50-da

В то время, как первые два слова надписи, несомненно, представляют собой имя и патронимик посвятившего, о третьем слове можно утверждать лишь то, что оно не является ни именем правителя (так как не содержит знака-детерминатива 02), ни одним из двенадцати главных топонимов минойского Крита, известных нам по тексту Фестского диска (т. е. это не есть название города из числа городов критского двенадцатиградия времени изготовления диска). Весьма примечателен такой факт: здесь мы снова, так же как во всех аналогичных случаях на Фестском диске и в иероглифических легендах на критских печатях, встречаемся с употреблением блока «имя плюс патронимик» без поясняющего слова «сын» между ними.

О том, что в надписи на секпиде чтение вертикально написанных слов шло именно слева направо, говорит сама компоновка знаков в слова: знаки слов I и II равномерно и аккуратно размещены в отведенном для них пространстве, тогда как знаки слова III расположены несколько беспорядочно. Создается впечатление, будто гравировавший надпись мастер немного растерялся, когда ему пришлось поместить рядом с двумя совпадающими по количеству составляющих их знаков словами в точно таком же по размерам прямоугольном поле третье, вдвое меньшее по длине, слово. Чтобы хоть как-то сохранить композиционное равновесие, художник-гравер увеличил размеры знаков в третьем слове, особенно по вертикали

(ср. почти зеркальные по начертанию, но столь различные по высоте знаки I, 2 и III, 3).

Таким образом, надпись на секире являет нам очередной поучительный пример, лишний раз подтверждающий хорошо известную ученым истину, что выявление всех особенностей в размещении непонятого текста на несущем его предмете является непременным предварительным этапом для любой дешифровки, всерьез претендующей на успех. Как вы помните, точно так же, на основании анализа расположения знаков в полях, отведенных для слов, в свое время было определено направление чтения надписи на Фестском диске. Правда, твердо установить последовательность чтения частей текста на разных сторонах диска удалось лишь в процессе интерпретации его содержания, после обнаружения на стороне А имени города Кносса, которым открывается перечисление топонимов, сопровождающих имена правителей минойского Крита (см. выше).

Установленный порядок чтения слов надписи на секире предполагает нахождение слова II, как патронимика, в родительном падеже. Исходя из полученного нами чтения личных имен, топонимов и апеллативов, стоящих в генетиве в тексте Фестского диска, мы можем предполагать наличие в конечном слоге слова II гласного *i*, *a* или *o*. Таким образом, предложенное выше фонетическое значение DO в принципе вполне подходит для знака II, 6. В свою очередь, окончание слова III на *-a* также вполне подходит для датива-локатива (ср. местный падеж слов A2, A6, A25, A28, A31 и B5 текста Фестского диска) и это подтверждает возможность понимания третьего слова надписи как называющего адресата посвящения.

Глава 14. Великая династия кноссских владык

Чтения слов надписи на секире из Аркалохори, к сожалению, слишком неполны, чтобы производить их этимологическое исследование. В частности, затруднено выявление в именах правителей (слова I и II) корней, которые можно было бы сопоставить, например, с явно, или предположительно, догреческими, встречающимися в личных именах кноссских табличек линейного В, как это удается сделать при обращении к полученным выше ре-

зультатам дешифровки текста Фестского диска. Причем такое сопоставление с критскими именами ахейского времени, восходящими к более ранней, минойской эпохе, оказывается весьма обнадеживающим для корней не только личных имен, но также и других слов, прочтенных в тексте диска (см. прил. III).

Догреческие корни сочетаются в личных именах табличек линейного В из Кносса с формантами, известными нам по тексту Фестского диска, а также по надписям линейного А и догреческой топонимии Эгейды (ср. префиксы *a-*, *ja-*, *wi-*, суффиксы *-a-wa-*, суффиксальные элементы *-d-*, *-k-*, *-m-*, *-n-*, *-r-*, *-s-*, *-t-*; из них только суффиксальный элемент *-m-* не встречен пока в словах текста Фестского диска, но он надежно засвидетельствован для минойского языка как надписями линейного А, так и догреческими топонимическими и иными глоссами). Греческими же тут являются лишь окончания.

Из имен надписи на секире только в слове I, если оно сложное, один из корней может быть заключен в блоке из двух прочтенных знаков: I, 4-I, 5 = *na(?) - pu*. Родственная форма *Na-pu-ti-jo* (где корень *nar-* и суффиксальный элемент *-t-* — минойские, а окончание — греческое) фигурирует в качестве мужского имени в одной из кноссских табличек линейного В. В плане решения общей проблемы изучения памятников письменности Фестского диска и минойского языка представляет интерес наличие в другой такой же табличке из Кносса еще одного догреческого имени: *A-ka-re-u*. Его можно сравнить с *Ἄκαρα* (город в долине реки Меандр в Малой Азии, основанный критянином Атимбром, сыном Радаманта), *ἄκαρα* (критская глосса), *Ἄκαρασός* и

Ἄκαλησσός (город в Ликии), *Ἀκάλλη* (дочь Миноса). Во всех этих словах с корнем *kar/l-* (в языке минойцев вместо двух звуков [k] и [r] был один, по-видимому, средний между ними, условно обозначаемый при транслитерации через *r*) соединен минойский префикс *a-*. В личных именах кноссских табличек линейного В корень *kar-* (весьма вероятно неиндоевропейское, «эгейское» или минойское, происхождение анатолийско-догреческой теофорной основы **Kar-*¹) обнаруживается в сочетании и с другими минойскими префиксами (ср. *Ka-ro*, *Sa-ka-ri-jo*), а также без префиксов (ср. *Ka-ro*, *Ka-ri-se-u*). Любопытно, что имя названной критской царевны кроме вышеприведенной формы, имеет и иную,

более распространенную в трудах античных авторов², с удвоением корневого слога: Ἀκακῆλις. По-видимому, аналогичное удвоение наблюдается у корня, заключенного в корневом блоке 24-20-КО-?, в слове 29-24-24-20-35 = KU-KO-KO-?-SI (B13) надписи Фестского диска. Об этом свидетельствует сравнение слова B13 с однокоревным словом 33-24-20-12 = RA-KO-?-SA (B5): кроме корня у них общий суффиксальный элемент -S-, префиксы же и надежные окончания различны.

Здесь уместно будет сказать и о том, что в тех же кносских документах линейного В упоминаются личные имена *Ta-no*, *Ta-na-to* и *A-ta-no* с минойским корнем *lan-*, встречающимся в надписях линейного А в формах *a-ta-no* (отсюда происходит имя богини Афины и название посвященного ей великого греческого города — Ἀθήνα,

Ἀθήνη), *ja-ta-no*, *ta-na-no*, *ta-na-ti* (ср. также этрусский культовый термин *tanasa*). Данный минойский корень может быть выявлен и в двух древних критских топонимах: Ἰάνος³ и Ἰτάνος (*U-ta-no* линейного В). Во вто-

ром из них он снабжен префиксом *i/u-*, явно доиндоевропейским, характерным как для некоторых догреческих имен собственных Эгейского бассейна, так и для языка надписей, выполненных линейным письмом А. На этот минойский префикс следует обратить особое внимание. Дело в том, что среди неп прочитанных еще слоговых знаков письменности Фестского диска есть один, а именно 22, который, с одной стороны, судя по его встречаемости исключительно в начальной позиции (ср. слова B4, B9, B21 и B26; в слове B1 он, правда, стоит на втором месте, но в корне данного слова является начальным слогом, так как SA- перед ним — бесспорно префикс), весьма возможно передает слог, состоящий из одного лишь гласного⁴, а с другой стороны, по крайней мере в одном случае, передает несомненный префикс (ср. слова B18 и B21=B26, где данный префикс присоединяется к топониму). Таким образом, можно предложить для знака 22 чтение U, чему не препятствуют и полученные уже фонетические значения «чистых» гласных для двух других слоговых знаков минойского иератического силлабария: 27=A (также весьма употребительный в минойском языке префикс) и 03=I. Тогда чтения слов, содержащих знак 22, в тексте Фестского диска могут быть дополнены: 02-12-22-40-07 = SA-U-NO-NI (B1) — имя вто-

рого правителя Амниса, 22-25-27 = U-P₂A-A (B4) — наименование сана, 22-37-42-25 = U-?-?-P₂A (B9) и 22-29-36-07-08* = U-KU-DO-NI-DI* (B21=B26) — топоним с предлогом.

В табличках линейного В из Кносса содержатся мужские имена *Da-wa-no* и *Da-wi*, имеющие общий корень *daw-*, по-видимому, также минойский, ибо он присутствует, например, в личном имени *Da-we-da* документов линейного А. Указанный корень обнаруживается и в критском топониме линейного В *Da-wo* (где, -o — греческое окончание). Сопоставив же этот топоним, как догреческий по происхождению, с одним из неполностью прочтенных топонимов текста Фестского диска — 28-01* = ?-WI* (A15=A21), в котором корень тоже оканчивается на -w, можно получить чтение знака 28, причем несколько не противоречащее всем ранее полученным чтениям слоговых знаков минойского иератического силлабария: если 28-01* = DA-WI*, то 28=DA.

Возвращаясь к содержанию надписи на секире, мы должны отметить, что отсутствие в ней топонима после имени правителя может подразумевать его верховное владычество или над всем Критом (хотя бы номинальное), или над той областью, к которой в данное время территориально принадлежало пещерное святилище в Аркалохори. И в том и в другом случае это означало бы необходимость признания в посвятителе секиры никого иного, как только царя Кносса. А это в свою очередь заставило бы включить имена и правителя, посвятившего секиру божеству, и его отца в ту общекритскую династическую традицию, возглавляемую царями Кносса, вывод о наличии которой к концу среднеминойского III периода вытекает из анализа списка имен правителей минойского Крита, содержащегося в тексте Фестского диска, подкрепляемого сведениями легендарно-исторического характера, сохранившимися у античных авторов.

Данные для реконструкции отдельных андронимических (представляющих собой мужские личные имена) элементов этой династической традиции, выражающейся в объединении нескольких имен правителей отдельных частей острова в одну группу вместе с именами владык Кносса, судя по свидетельствам античной традиции, могут быть обнаружены двумя способами. Первый способ — фиксировать повторение одних и тех же личных имен. Мы знаем, что обычай наследования потомками имен предков, восходящий к идеологии родового общества, не

только имел распространение у многих народов в древности и в средние века, но сохранился отчасти и поныне. Для древнего же Крита, и в частности для рода правителей Кносса, он засвидетельствован в сообщаемых некоторыми античными авторами преданиях о двух Радамантах, живших и действовавших в разное время, и двух Миносах, Старшем и Младшем⁵.

Второй путь намечается, когда отдельные имена правителей связаны с общим топонимом. Здесь возможны разные варианты закрепления и внешнего оформления клановости. Могло иметь место соправление членов одной семьи. Вспомним здесь для примера отца и сына — соправителей, упоминаемых в тексте Фестского диска (A14 и A19-A20). О братьях-соправителях в критских колониях на островах Паросе и Фасосе, соответственно сыновьях и внуках Миноса, сообщает античная мифолого-историческая традиция⁶. Крито-микенскому миру известен был и случай совместного правления различных ветвей одного и того же царского рода. Как раз такая ситуация существовала в пелопоннеском Аргосе ахейской эпохи, где царствовали совместно потомки родных братьев — Бианта и Мелампода⁷. Немного позднее она повторилась в дорийской Спарте⁸. Не исключалась и возможность соправления династий, хотя и различного происхождения, т. е. восходящих по прямой мужской линии к разным родоначальникам, но тесно связанных между собой посредством брачных союзов (ср. женитьбу тех же Бианта и Мелампода на дочерях Пройта, поделившего с ним царскую власть над Аргосом, что положило начало совместному наследственному правлению там сразу трех династий).

К общекритской династической традиции, возглавляемой владыками Кносса, на изложенных выше основаниях должны быть причислены следующие имена текста Фестского диска: 1) SA-TU-RI* (A16=A19=A22) (чаще всех других встречающееся в тексте) и, естественно, имена отцов этих трех одноименных правителей, т. е. SA-A-A-SI-?-? (A17), A-P₂A-P₁A-TO-P₂I (A20), SA-A-?-TE-P₂I-A (A23); 2) A14 и A29, тождественные соответственно A20 и A17; 3) SA-KA-WI (A26), как имя правителя Феста наряду с A29; 4) SA-KA-WI-P₂I* (A1), как почти тождественное A26 (разница между данными близкородственными грамматическими формами заключается лишь в добавлении суффикса); 5) SA-?-P₂I-SI? (A8), как имя правителя Тилисса наряду с A22. Относи-

тельно имени Сатур(и) следует заметить, что его популярность в кругах высшей критской знати времени составления текста Фестского диска, наверное, не случайна. Недаром оно сохранилось в греческой мифолого-исторической традиции в связи с воспоминаниями о происходившей в глубокой древности борьбе пелопоннесских ахейцев с критянами-минойцами (вспомним упоминавшиеся выше мифы о подвигах героя Аргоса). Большой популярностью данного имени в роду исторических Миносидов — если использовать это условное наименование для обозначения клановой группы носителей рассматриваемой андронимической традиции времен создания надписей на диске и секире из Аркалохори — могла способствовать память о могуществе и славных деяниях его первого носителя, совершавшего в частности успешные морские походы. Эти набеги испытал, как видно, не только Пелопоннес, но и другие ближайшие к Криту приморские области материка Европы (так, античные авторы

упоминают древнее название местности Σατύριον, латинское Saturejum, в Южной Италии близ Тарента⁹, колонизованной, согласно традиции, критянами, сопровождавшими царя Миноса в его походе на Сицилию; оно связывалось у мифографов с именем критской царевны Сатурии). Деятельность такого гипотетического Сатур(и) «Великого» следовало бы датировать, вероятно, среднеминойским III A или даже среднеминойским II периодом, т. е. в весьма широком временном промежутке — примерно со второй половины XIX до первой половины XVII в. до н. э. При этом совершенно неясно, каким могло бы быть хронологическое соотношение этого персонажа и семи последовательно сменявших друг друга реальных кноссских царей XVIII — первой половины XVII в. до н. э., от которых дошел до нас тот комплекс иероглифических печатей, который подробно рассмотрен нами выше (см. гл. 4 и 5). Не исключено также, что данное имя в определенный период чаще других принималось минойскими правителями Крита главным образом по какой-то иной причине традиционно-династического или сакрального характера (например, в знак особого почтения одноименного божества).

Нельзя, конечно, категорически отстаивать несомненную принадлежность всех до единого перечисленных семи имен десяти правителей пяти городов минойского Крита (Кносса, Тилисса, Лато, Феста и DA-WI*) из текста Фестского диска к указанной династической тради-

ции. Однако само существование ее в том или ином объеме кажется нам в свете всего вышесказанного бесспорным. К тому же возможно, что некоторые другие личные имена текста диска лишь из-за случайного отсутствия данных не могут быть пока связаны с нею. В первую очередь это относится к именам правителей Амниса (A5 и B1), служившего, по сведениям Страбона, во времена царя Миноса гаванью для Кносса¹⁰, сразу же за которым он следует при перечислении критских городов в тексте Фестского диска.

Следует особо подчеркнуть как исключительно важный тот факт, что имя кносского владыки входит в указанную династическую традицию или, точнее (с учетом его первенствующего положения среди других критских владык времени изготовления диска), стоит во главе ее. Это может рассматриваться как свидетельство распространения политического влияния Кносса на другие города Крита уже на протяжении какого-то периода, предшествовавшего моменту составления надписи на диске.

При осуществлении кносскими царями их экспансионистской политики на раннем этапе, т. е. еще в основном в пределах острова, вероятно, так же как и позднее, практиковалось не только заключение династических браков, но и кое-где утверждение правителями, притом наследственными, младших представителей рода владык Кносса. Античная традиция сообщает примеры и того и другого, правда, уже для более позднего периода истории Кносской державы — эпохи наивысшего расцвета и ее морского господства в Эгейском бассейне; причем и вне самого Крита родственные связи местных династий с Миносидами прослеживаются только там, где и иным образом отмечается присутствие минойского элемента или его активное влияние. Так она называет правителя подвластных одно время критским царям Афин¹¹ зятем Миноса¹² (через дочь последнего Федру, героиню бессмертных трагедий Эврипида — «Ипполит» и Расина — «Федра»). Внучка Миноса, Климена (дочь критского царя Катрея), стала женой владыки острова Эвбея¹³, присутствие на котором критян относили еще ко времени первого употребления боевых медных доспехов¹⁴. На другой внучке Миноса, Азроне, дочери Катрея, по преданию, был женат микенский царь Атрей. Он был сыном Пелопса, особенно усердно почитавшего критское божество — Атану (Афину) Кидонийскую¹⁵ и причис-

лявшегося к преемникам правившего в Элиде (области на северо-западе Пелопоннесского полуострова) прищельца с Крита¹⁶ и даже носившего минойское имя¹⁷ (кстати, к минойским по происхождению относятся и имена таких популярных персонажей древнегреческой мифологии, как Европа, Пенелопа, Кассиона = Кассиопея). По сообщениям некоторых древних авторов, сам Минос, основывая критские колонии на островах Средиземного моря, сажал там правителями своих сыновей¹⁸.

Имена минойских правителей, отца и сына, надписи на секире из Аркалохори, приблизительно современной тексту Фестского диска, в случае их принадлежности действительно царям Кносса (что весьма вероятно) довольно существенно пополняют группу личных имен, относящихся к возглавляемой родом кносских владык критской династической традиции.

Предложенная же интерпретация этой надписи позволяет предполагать, что имя кносского царя называют и две другие минойские надписи, сделанные уже целиком линейным письмом А (совершенно идентичные и состоящие из одного четырехсложного слова), на аналогичных votивных двусторонних секирах, золотой и серебряной, посвященных в то же самое пещерное святилище¹⁹. Во всяком случае, они вряд ли представляют собой адресат посвящения, ибо содержащееся в них слово совершенно иное, нежели слово III смешанной надписи. Оно читается: *No-da-ma-te*²⁰. В нем могут быть выделены префикс *no-* (ср., например, личные имена на линейном А: *Da-re* и *No-da-re* с корнем *dar-*, которым соответствуют *Da-ro* и *No-da-ro* кносских табличек линейного В, а также *No-ta-nu* с известным уже нам минойским корнем *tan-*), корень *dam-* (ср. критские личные имена линейного В *Wi-da-ma-ro* и *Wi-da-ma-ta₂*, где с ним сочетается иной минойский префикс — *wi*, известный нам и по тексту Фестского диска — ср. A11) и суффиксальный элемент *-t*, часто встречающийся в минойских личных именах (см. выше).

На возможную принадлежность царского имени *No-da-ma-te* к кносско-общекритской династической традиции указывает и его родственность имени царя Радаманта, по преданию первым объединившего весь остров под единодержавной властью владык Кносса и составившего древнейший на Крите свод законов²¹. Этого Радаманта, законодателя и основателя Кносской державы, античные авторы отличали от мифического сына

Европы, приходившегося братом Миносу, так как, согласно традиционной хронологии, он жил и действовал намного раньше Миноса²². Реальная деятельность его, как исторического лица, могла бы быть отнесена, скорее всего, ко времени окончательного оформления единого общекритского государства, т. е. к началу позднеминойского I периода (примерно вторая четверть XVI в. до н. э.)²³. По пеласгийско-греческой форме

Ῥαδάμανθυς реконструируется собственно минойский антропоним. **Ra-da-ma-te*, где вместо *no-* перед корнем *dam*²⁴ стоит другой префикс — *ra-*, также известный по тексту Фестского диска (ср. В5). Всего же в словах текста диска удается выявить и прочесть восемь минойских префиксов: *a-*, *ja-* (о возможности его прочтения в знаке 06 будет сказано ниже), *ku-*, *ni-ra-*, *sa-*, *u-*, *wi-*.

Очень велика была на Крите живучесть многих минойских традиций: религиозной — там до римского времени (по крайней мере вплоть до III в. н. э.) сохранялось почитание все тех же святых и божеств, жили все те же сакральные мифы; культурно-исторической — у античных авторов имелось довольно ясное, общее и в отдельных деталях, представление о могуществе великой Критской морской державы, ими признавалось и важное значение технических и художественных достижений минойских мастеров; этническо-языковой — исконные обитатели острова, так называемые этеокритяне (*Ἐτεόκριτες* — 'истинные критяне'), которым, в частности, принадлежал город Прес со святилищем Зевса Диктейского, еще во времена Гомера и Геродота (т. е. как минимум до V в. до н. э.) отличали себя от эллинов и говорили на древнем догреческом наречии; административно-правовой — унаследованными дорийскими полисами Крита от минойской эпохи традиционно считались такие институты, как критские государственные рабы «мноиты» (наименование которых связано с именем легендарного Миноса, а точнее с корнем *min-*, и означает, следовательно, 'царские'), основные полные должностные лица (космы, старейшины-геронты, и «всадники»), система воспитания юношества, общественные трапезы и т. д.

Весьма живучей на Крите в ближайшее послеминойское время, а в других частях Греции во второй половине II — первой половине I тысячелетия до н. э., оказалась и кносско-общекритская династическая традиция, рассмотренная нами довольно подробно на более

раннем этапе ее существования. Вполне возможно, что после занятия ахейцами в середине XV в. до н. э. вкопец ослабленного гигантской геологической катастрофой Крита царем острова был поставлен один из отпрысков (если не по мужской, то по женской линии) прежней правящей династии. Во всяком случае, для критско-греческих и общегреческих исторических преданий кносские цари эпохи Троянской войны и ближайших к ней времен (XIII в. до н. э.) — Катрей, Девкалион, Идомей — суть несомненные потомки древнего Миноса. Престиж старинного минойского происхождения их династии был, как видно, велик. Самые могущественные из ахейских владык — цари «златообильных» Микен стремились породниться с кносскими Миносидами и очень дорожили этим родством. Недаром в песнях аэдов, из которых сложились со временем «Илиада» и «Одиссея», и которые пелись во дворцах наследственных правителей-басилеев на острове Лесбос и в малоазийском городе Киме, возводивших свой род к верховному предводителю коалиции ахейских царей при осаде и взятии Трои Агамемнону, прославлялись не только он сам и его брат Менелай (сыновья Атрея и Аэропы, дочери Катрея Кносского), но и их царственная родня с Крита — Идомей и Мерион, а особенно общий предок всех этих героев — Минос, удостоенный неслыханной чести быть собеседником самого громовержца Зевса.

Последующие волны переселений греческих племен с материка в целом также достаточно органично наслаивались на Крите на прежний культурный и этнический субстрат и потому изначально минойские традиции, в том числе и династическая, здесь не прерывались. Так, Алтемен — предводитель дорийцев, колонизовавших остров²⁵, согласно традиционной хронологии, в XI в. до н. э., носит то же имя, что и известный своей трагической судьбой невольный отцеубийца, сын кносского царя Катрея, внук Миноса.

Глава 15. Проверка и еще раз проверка

Дальнейшая работа над дешифровкой текста Фестского диска во избежание слишком поспешных выводов и чересчур гипотетических построений, конечно, должна

быть обязательно сопряжена со всесторонней критической проверкой уже полученных результатов. Только при этом условии можно будет перейти к определению фонетического значения остальных знаков надписи диска, используя, например, метод статистического сопоставления частот встречаемости (как общей, так и в отдельных позициях — в начале, середине и конце слова) этих знаков и знаков линейного письма А. Полезно было бы также заняться проведением проверочных сравнений грамматических показателей, прочтенных в тексте диска, с соответствующими грамматическими показателями в минойском языке других критских эпиграфических памятников. В частности, легко сравнить префикс *a-* в некоторых словах текста диска, начиная с топонима А-МI-NI-SA/SI (А6, В2; А7, А14=А20, В12, В22), с аналогичным префиксом в словах документов линейного письма А (о доиндоевропейской принадлежности данного префиксирующего элемента, встречающегося в топонимии Эгейды, писал еще более полувека назад известный немецкий лингвист П. Кречмер), а также с хатским префиксом *a-*. Сопоставимы и другие префиксы надписи диска (*ra-*, *sa-*, *u-*, *wi-* и т. д.) с соответствующими формантами в словах записей на хозяйственных табличках критян-минойцев, не говоря уже о достаточно подробно рассматривавшихся выше суффиксальных элементах, общих для языка обеих указанных письменностей и догреческих топонимов Эгейского бассейна (можно сравнить, кроме того, суффиксальный элемент *-p-* многих слов диска и некоторых минойских апеллятивов и имен собственных, выявленных Г. Нойманом). Добавим также, что те же окончания генетива *-a*, *-i* и *-o*, которые имеют имена правителей минойского Крита в надписи Фестского диска, характерны и для личных имен, начертанных линейным письмом А и критской иероглификой на печатях.

После этого уже с большими основаниями можно было бы, например, попробовать отождествить весьма употребительный минойский префикс *ja-* (в однокоренных словах памятников линейного письма А с ним нередко чередуется префикс *a-*) с одним из несомненных, но не получивших еще прочтения, префиксов текста Фестского диска, и в первую очередь с передаваемым знаком 06 (ср. А8, А24, В16, В28), ибо очень похоже на то, что префикс 06=? тоже как бы дублирует префикс 27=А- (ср. А8 с А17=А29 и, быть может, А23; здесь тот

и другой префиксы поочередно следуют за префиксом 12=SA-).

Кроме того, комбинаторное сличение лексики текста диска и надписей линейного А способно как уточнить или проверить отдельные чтения, так и создать новые возможности для интерпретации памятников и той, и другой письменности, причем, к сравнению должны быть привлечены не только формы из текста диска и надписей, выполненных линейным письмом А, но и реконструируемые по аналогии с ними (так, например, в координатной сетке, построенной на основании 28 грамматических форм, имеющихся в надписи на диске, предположительно восстанавливаются как минимум 176 аналогичных им). Правда, эта задача в максимальной степени затрудняется явным отсутствием среди надписей линейного А текстов, хоть в какой-то мере сходных по характеру с надписью Фестского диска, безусловно самым содержательным и интересным в плане историческом из всех сохранившихся памятников письменности Крита II тысячелетия до н. э. Дополнительные трудности создает неполное или весьма гипотетическое для части слогов прочтение большинства слов текста диска. Помимо восьми различных топонимов (А2 и В10, А6 и В2, А9 и А25, А15=А21, А18, А28=А31, В12, В18 и В24=В26) и трех личных имен (А16=А19=А22, В1, В11) нам удалось полностью и с наибольшей достоверностью прочесть пока лишь слова: КУ-РА-ВИ (В5), однокоренные МI-NI* (В30), КУ-МI-NI*(А3=В20) и NI-MI-NI*(В24), а также U-P₂A-A (В4)¹. Всем им, кроме последнего, легко удается отыскать соответствия в текстах линейного А. В надписях, сделанных линейным письмом А, обнаруживаются формы *mi-na* или *mi-na-ne*, *mi-nu-te* и некоторые другие, содержащие уже хорошо знакомый нам общий корень *min-*, представленный в словах А3=В20, В24 и В30. Слово КУ-РА-ВИ (грамматическая форма **kur-a-wi* образована, видимо, аналогично **a-pat-a-wi*) можно сравнить с употребительным в хозяйственных табличках минойским словом *ku-ro* (**kur-o*), со значением «итога, всего», а может быть «собрано», ибо оно регулярно заменяет собой целую итоговую формулу. Заметим попутно, что в слове 29-29-34 = КУ-КУ-? (А4) первый слог КУ- — префикс; следовательно, корень начинается с КУ- и может быть он тот же, что и в словах КУ-РА-ВИ и *ku-ro*, т. е. *kur-*, поскольку смысл данного слова (при чтении КУ-КУ-*R*, где 34=*R*.) получа-

ется тогда (собрал, созвал, объединил, соединил и т. п.) вполне подходящий для соответствующего контекста (см. выше перевод начального отрезка текста диска).

Теперь несколько слов об особенностях языка надписи Фестского диска. Подставив в текст полученные фонетические значения 28 полностью прочтенных знаков и одного прочтенного наполовину, включая и самые гипотетические, удастся озвучить 200 (197 — целиком) из 222 имеющихся в тексте слоговых знаков, т. е. более 90 % (напомним, что общее число знаков надписи диска, включая встречающийся 19 раз знак-детерминатив 02 и восстановленный копечный знак в слове A8, достигает 242). В результате от 26 до 41 слова надписи читаются полностью, а почти все остальные слова оказываются близки к полному их прочтению (результаты прочтения силлабограмм и озвучивания всего текста диска суммированы в прил. IV—VII²). В целом фонетический облик языка текста Фестского диска явно неиндоевропейский. В своем грамматическом строе он обнаруживает отдельные черты сходства с хаттским (и это не должно удивлять, ибо некоторые ученые-лингвисты уже предсказывали возможное родство минойского и хаттского языков). Автохтонность его самого и его письменности, а также факты сосуществования и параллельного употребления последней с линейным письмом A (ср. совместные находки памятников обеих письменностей в Фестском дворце и пещере Аркалохори, и особенно смешанную надпись из пещерного святилища) вместе с совпадениями грамматических форм и лексики, дают возможность теперь уже с уверенностью отождествить данный язык с *общекритским минойским*. При этом конкретно имеется в виду язык, общий для поздней иероглифики Крита, развитого линейного письма A и письменности Фестского диска — *общекритский язык периода сложения на острове единого государства и его последующего наивысшего расцвета (среднеминойский III период — позднеминойский I период)*. В этом языке, полностью сохранившем доиндоевропейскую фонетическую структуру СГСГСГ своего непосредственного предка — *раннеминойского языка*, видны элементы, впитанные им из индоевропейских языков ассимилированных этеокритянами-минойцами видимо достаточно многочисленных в свое время на Крите фракийцев-пеласгов и анатолийцев³.

В словах текста Фестского диска, прочитанных на-

ми, префиксы, суффиксы и окончания выявляются примерно в том же соотношении, что и в памятниках линейного письма A. Минойский текст диска, по-видимому, включает в себя слова пеласгийского и анатолийского происхождения. Столь пестрая картина лексики для общекритского минойского языка времени сложения единого государства на Крите под верховным главенством династии правителей Кносса не вызывает удивления, поскольку она вполне соответствует имеющимся историческим и лингвистическим данным о сложном этническом составе населения острова уже в догреческую эпоху. Согласно «Одиссее»⁴, в гомеровские времена здесь помимо более поздних греческих пришельцев — ахейцев и дорийцев жили этеокритяне, кидоны и пеласги. То, что греки не входили в состав древнейшего критского населения, подчеркивает Геродот. По его словам⁵, «весь Крит в древности целиком занимали варвары», а появление здесь первой греческой миграционной волны «отец истории» относил к периоду, последовавшему за крушением «талассократии Миноса».

Этеокритяне признавались эллинами коренными обитателями Крита. Местная критская традиция, сохраненная Диодором⁶, прямо называет их автохтонами. Пребывание этеокритян — подданных царя Миноса и их потомков — отмечается древними авторами (Гомером, Геродотом, Страбонам) по всему острову: на севере (Кносс и его округа), на востоке (Прес), на западе (Полихна) и юге. В качестве господствующей этнической группы догреческого Крита они должны быть, несомненно, отождествлены с минойцами, т. е. с носителями минойского языка, создателями критской иероглифики и линейного письма A, распространителями «Минойской талассократии». Критскими автохтонами наряду с этеокритянами-минойцами традиция считала кидонов⁷, живших на западе острова, в районе реки Ярда и города Кидонии⁸. Эпонимом-основателем Кидонии почитался, как уже говорилось выше, Кидон, внук Миноса, что, возможно, указывает на происхождение кидонов от рано обособившейся части этеокритян-минойцев (примечательно, что личное имя *Ku-do-ni* встречается в минойских текстах на табличках линейного A) или по крайней мере подразумевает их родство.

О пребывании на Крите пеласгов вслед за Гомером говорят и другие античные авторы⁹. Диодор¹⁰ упоминает о пеласгийском вторжении на остров, ранее насе-

ленный этеокритянами. Античная традиция отмечает присутствие в догреческом этническом субстрате Крита и еще одного компонента — того, который ученые теперь обобщенно именуют анатолийским (хетто-лувийским). По сообщению Геродота¹¹, термилы — предки современных ему малоазийских ликийцев — жили когда-то на Крите. Геродоту, происходившему из полукарийской-полугреческой среды граждан Галикарнасса, было известно¹² и о том, что карийцы, населившие область вокруг города Кавиа в Малой Азии, считали себя критскими выходцами. Однако анатолийский элемент к началу I тысячелетия до н. э., вероятно, уже полностью растворился среди других групп разноэтничного населения Крита (он не отражен в перечне критян из «Одиссеи»).

Приведенные свидетельства античной мифолого-исторической традиции об этническом составе критского населения до прихода на остров греков успешно сопоставляются и с данными, полученными лингвистами при изучении языковой ситуации на юге Балканского полуострова в древнейший период, и с археологическими материалами. Работа над дешифровкой памятных линейного письма А и анализ догреческой реликтовой лексики приводят к аналогичному выводу о существовании на Крите ранее середины II тысячелетия до н. э. трех различных языков — минойского, пеласгийского (генетически тождественного фракийскому) и анатолийского. Они точно соответствуют трем выделенным выше по сумме всех сообщаемых античной традицией сведений разноэтничным группам населения острова. При этом минойский как язык автохтонного большинства населения Крита на протяжении раннеминойского и среднеминойского периодов (III — первая половина II тысячелетия до н. э.) всегда сохранял преобладание (он один имел развитую письменную традицию), но наибольшее его распространение, в том числе и за пределы острова — через критские апонийские и торговые фактории в разных пунктах Эгеиды, происходит к XVI в. до н. э., когда окончательно складывается Кносская морская держава.

Допустимо предположить, что известное критское предание о соперничестве братьев Миноса, Сарпедона и Радаманта, отражает исторический факт борьбы за преобладание на острове не просто между правителями отдельных городов-государств, но и между тремя главными этническими группами его населения (о делении Крита в царствование Миноса на три традиционн обо-

своенные области сообщает Страбон). Возможно данные три имени, будучи формами трех различных языков (соответственно минойского, некоего анатолийского и пеласгийского), являются персонифицированными обозначениями их коллективных носителей, а следовательно, победа Миноса — это торжество на Крите в конце среднеминойского периода и минойской государственности, и минойского языка, впитавшего в себя, однако, некоторые элементы побежденных им языков.

На основании всей суммы полученных нами чтений (см. прил. VII) предварительный перевод текста Фестского диска может быть предложен следующий (окончания антропонимов и топонимов, взятые в переводе в круглые скобки, являются окончаниями минойского геттива):

«[Этот воцис]

- A1. Сакави(и) правителя,
- A2. в Кноссе
- A3. воцарившегося,
- A4. собравшего (создавшего и т. п.):¹³
- A5. Са.пор(а) правителя,
- A6. в Амнисе
- A7. а.-di (наименование сана);
- A8. Саяпис(и), правителя
- A9. Тилисса;
- A10. Са.лас(и), правителя
- A11. Ви.мон(и);
- A12. Сатетот(а), правителя
- A13. По...;
- A14. Анафатон(и)¹⁴, правителя
- A15. Дав(и);
- A16. Сагур(и) правителя,
- A17. сына Сааси... правителя,
- A18. правителя Лато;
- A19. Сагур(и) правителя,
- A20. сына Анафатон(и) правителя,
- A21. правителя Дав(и);
- A22. Сагур(и) правителя,
- A23. сына Саа.тепи(а) правителя,
- A24. ja-pi-so-na (наименование сана)
- A25. в Тилиссе;
- A26. Сакас(и) правителя,
- A27. to-na-si (наименование сана)
- A28. в Фесте;
- A29. Сааси... правителя,
- A30. прорицателя
- A31. в Фесте;
- B1. Сауион(и), правителя
- B2. Амниса;
- B3. ..тот(и) правителя,
- B4. и-р2а-а (наименование сана)

В5. *в Р/Лако..се, ...»*

В6 — В10. В данной группе слов, следующей за именем того же правителя, далее речь идет, вероятно, о населенных пунктах или местностях (В6), возможно в связи со святилищами-прорицалищами и/или их жрецами (В7 — В8), и еще о чем-то (В9), относящемся к Кноссу (В10).

В11. *«...Ридон(о), правителя*

В12. *Апгары...»*

В13—16. Из остальных четырех слов, относящихся к данному имени, третье по счету (В15) может быть истолковано как формы глагола 'собирать' (или т. п.), а четвертое (В16), возможно, содержит основу со значением 'зерно' или 'хлеба'.

В17. *«...ав(и), правителя*

В18. *Кидонии;*

В19. *над кидонами (?)*

В20. *воцарившегося,*

В21. *возле? (вокруг, за и т. п.?) Кидонии*

В22. *поселившихся? (имеющих поселения?)...»*

В23 — В27. Смысл следующих пяти слов ясен лишь отчасти, а говорится здесь о каких-то населенных местностях (В25) опять-таки «возле? (вокруг, за и т. п.?) Кидонии» (В26) и об отношении их или чего-либо (кого-либо) другого к царю (В24).

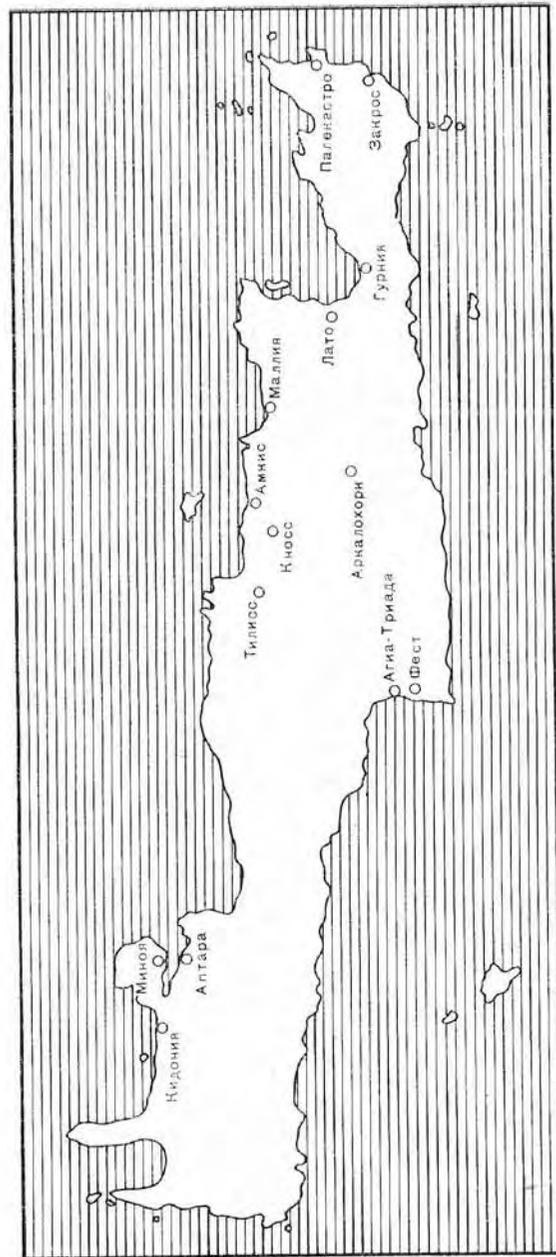
В28. *«...Яситон(и), правителя*

В29. *Поселения(?)*

В30. *Царя (судя по всему, последние два слова составляют единый топоним, возможно, тождественный позднейшей Миное Кидонийской)».*

Что касается общей интерпретации текста Фестского диска — самой древней в Европе надписи, посвященной историческому событию, то содержание его, судя по структуре (основа — список правителей городов Крита), составляет, скорее всего, сообщение о приношении вотива божеству по случаю заключения или возобновления священного договора, совершения какого-либо другого близкого ему по смыслу и значению акта сакрального характера, например, инвеституриного, т. е. означающего юридическое вручение власти или подтверждение ее. Именно такой, повествовательный жанр текста диска обусловил использование при его записи преимущественно фонетических знаков иератического силлабария и, видимо, лишь одного детерминатива (02) при полном отсутствии идеограмм, обычных и удобных для хозяйственных документов.

Сама форма диска заведомо ассоциировалась с солярым символом, заставляя вновь вспомнить о том месте, которое занимало в официальной генеалогии минойских царей Крита их мифическое происхождение от бога солнца. Известно, что еще во II в. н. э. в храме Геры в Олимпии сохранялся диск, возможно в какой-то степени аналогичный Фестскому, на котором был написан

Р и с. 48. Карта Крита первой половины II тыс. до н. э.

читавшийся по кругу текст священного договора о перемирии, объявлявшемся на время проведения Олимпийских игр¹⁵. Он считался посвящением Ифита, восстановившего обычай устройства состязаний в Олимпии, имевших, по мнению древних греков, критское происхождение¹⁶. Если текст Фестского диска действительно представляет собой посвященную божеству памятную запись о подобном коллективном религиозно-политическом акте, то вполне понятным становится применение не совсем обычного метода — штамповки надписей, как связанного с необходимостью ее тиражирования для получения соответствующего числа аутентичных экземпляров, по крайней мере для каждого участника коллективного акта. Надо полагать, именно это тиражирование и помогло в значительной степени дойти до нас одному из экземпляров диска — известному нам образцу из Феста. Более того, не исключено обнаружение в будущем на Крите при раскопках минойских дворцов или святилищ (куда только и могли попадать на хранение важные документы) еще таких же дисков или их фрагментов.

Разумеется, наши выводы о содержании текста Фестского диска носят пока более или менее предварительный характер, ибо предложенная нами дешифровка еще будет, как мы надеемся, не раз подвергаться всестороннему критическому рассмотрению специалистами¹⁷. Мы вполне отдаем себе отчет в том, что в наших построениях еще имеется на сегодняшний день ряд уязвимых моментов. Так, например, весьма гипотетичным остается предположение о связи «вирам» с конечными открытыми слогами слов, содержащими только гласный [i], хотя, быть может, кто-то из лингвистов вскоре подскажет этому не очень понятному пока факту какое-либо простое объяснение.

Конечно, установленные нами фонетические значения многих знаков минойского иератического силлабария спорны и могут быть впоследствии опровергнуты и отброшены. Возможно, значительное число чтений в дальнейшем изменится полностью или наполовину (для силлабограмм, передающих слоги типа C + Γ). Но следует заметить, что принятие тех или иных предложенных нами слоговых чтений знаков письменности Фестского диска несколько не поколеблет стержневой идеи нашей дешифровки, если при этом не будет доказана несостоятельность самой ее основы — методики выявления топонимов с их последующим отождествлением

(особенно Кносса, Амниса, Тиллеса и Феста). Но до сих пор каких-либо возражений против данной методики со стороны специалистов не последовало.

Следует учитывать и еще одно важное обстоятельство, обусловленное непосредственно состоянием изучаемого материала. Ведь во многих других случаях дешифровки древних письменностей имевшийся в распоряжении исследователей исходный материал по своему обилению, а темпы его регулярного пополнения по своей интенсивности, заведомо позволяли надеяться на неизбежность решения проблемы, сколь бы сложной она ни являлась. Необходимо было найти правильную методику, а дальнейшее накопление аналогичного эпиграфического материала сузило верную возможность прямой проверки полученных результатов. В нашем же случае, памятников рассматриваемой письменности (минойского иератического силлабария) в значительном количестве может не быть обнаружено вовсе и дешифровка ее тогда сможет опираться и в будущем только на текст Фестского диска, а устанавливать правильность или ошибочность такой дешифровки придется, как и теперь, косвенными путями.

Так или иначе, по результаты комбинаторного анализа текста диска хорошо согласуются с данными археологии относительно политического устройства Крита, имевшего место к концу среднеминойского III периода: главенствующая роль на острове уже тогда принадлежала Кносеу, но время объединения под его властью всего острова в одно централизованное государство еще не наступило. Так, ведущему положению Кносса соответствует то почетное первое место, которое имя его правителя занимает в общем списке минойских владык Крита. Об отсутствии же централизации говорит тот факт, что наименования сана отдельных лиц не употребляются регулярно и в определенной последовательности, а появляются при официальном перечислении династов, видимо, главным образом тогда, когда возникает необходимость отметить различие в статусе двух правителей одного и того же города (т. е. эти конкретные титулы явно не являются атрибутами единой строгой иерархической системы). О многочисленных и разнообразных лексических и грамматических соответствиях между формами, выявляемыми в дешифрованных частях надписи диска и имеющимися в нашем распоряжении фактами минойского языка мы говорили уже немало. Наша

интерпретация текста диска как сакрально-политического документа, составленного от имени прежде всего кносского царя, предполагает изготовление этого диска и других, идентичных ему, скорее всего, именно в Кноссе. А ведь еще Л. Пернье сравнивал глину, из которой был изготовлен Фестский диск с материалом керамических изделий, выпускавшихся кносскими дворцовыми мастерскими. Все это позволяет нам с большим оптимизмом ожидать еще возможной в будущем критики коллег-ученых, надеясь, что она поможет со временем не столько пересмотреть основные положения нашей теории, сколько устранить имеющиеся наверняка в ней недоработки и слабые места.

Трудно сказать, насколько долго употреблялась минойцами письменность Фестского диска. Но более чем вероятно, что минойский иератический силлабарий был у критян в ходу параллельно с линейным А вплоть до середины XV в. до н. э. Тексты, выполненные этими двумя видами письма, дошли до нас в столь незначительном количестве, видимо, из-за недолговечности тех основных материалов, на которые они обычно наносились (деревянные дощечки, пальмовые листья, ткань или разновидность папируса). Именно этим печальным для науки обстоятельством объясняется слабая изученность древнейшей истории Крита, ибо только проникновение в смысл минойских текстов позволило бы по-настоящему широко открыть окно в мир создателей первой европейской культуры, духовная традиция которой живет и в современной мировой цивилизации. Совершенно не исключено, что текст Фестского диска, по крайней мере еще долго (а то и навсегда), останется самой большой по объему минойской надписью. Но будем все же надеяться, что этого не произойдет и в скором будущем ученых ждут счастливые находки достаточно многочисленных и содержательных памятников критской иероглифики, линейного А или письменности Фестского диска. Последующее же их прочтение, а также углубленное изучение уже известных надписей минойцев создадут более широкую основу для развития ныне уже реально оформившейся новой научной дисциплины — *миноистики*¹⁸, подобно тому, как смогла вырасти целая наука микенология из дешифровки написанных на микенском греческом языке табличек линейного письма В. И тогда нам удастся, наконец, прочесть начальную главу письменной истории Европы.

Примечания

Глава 1

¹ Ср. издания памятника: *Pernier L.* Il disco di Phaestos con caratteri pittografici // *Ausonia*. 1908. N 3. P. 255—302; *Pernier L., Banti L.* Il palazzo minoico di Festos. I. Roma, 1935. P. 419—425; *Olivier J.-P.* Le disque de Phaistos // *BCH*. 1975. T. 99. P. 5—34; *Duhoux Y.* Le Disque de Phaestos. Louvain, 1977.

² Herod., I, 171; VII, 169, 170.

³ Thuc., I, 4.

⁴ *Buck R. J.* The Minoan Thalassocracy re-examined // *Historia*. 1962. Bd. XI. N. 2. P. 129—137; *Warren P.* Minoan Stone Vases as Evidence for Minoan Foreign Connexions in the Aegean Late Bronze Age // *Proceedings of the Prehistoric Society*. 1967. V. XXXIII. Cambridge, 1968. P. 37—56; *The Minoan Thalassocracy: Myth and Reality. Proceedings of the Third International Symposium at the Swedish Institute in Athens*. Stockholm, 1984; *Немировский А. И.* Две «Атлантиды» // *ВИ*. 1978. № 3. С. 214—216; *Пальвинская Л. С.* Дедал, Миннос и Кокал (легенда и археология) // *ВИ*. 1979. № 3. С. 215—219; *Она же.* Легенды и археология. Древнейшее Средиземноморье. М., 1988. С. 47—59; *Молчанов А. А.* Античная традиция о государственном устройстве Крита при «талассократии» Миноса // VIII Всесоюзная авторско-читательская конференция «Вестника древней истории» АН СССР. 1—3 июня 1981 г. Тез. докл. М., 1981. С. 66, 67; *Она же.* Государственно-политическое устройство минойского Крита по данным античной мифологической традиции // *ВДИ*. 1983. № 3. С. 103—115.

⁵ *Hom. Od.*, XIX, 172—179.

⁶ *Hom. Il.*, II, 645—650; III, 230, 231.

⁷ Собранные в «Библиотеке» критские мифы (*Apollo*., III, 1—2; 15, 7—9; *epit.*, I, 7—17; VI, 9—10) систематизировались античным компилятором главным образом по династийно-генеалогическому принципу.

Глава 2

¹ *Evans A. J.* *Scripta Minoa*. V. I. Oxford. 1909.

² *Evans A. J.* *The Palace of Minos at Knossos*. London. V. 1, 1921; V. 2. P. 1—2, 1928; V. 3, 1930; V. 4, P. 1—2, 1935.

³ *Pendlebury J. D. S.* *The Archaeology of Crete*. L., 1939; *Пендлбери Дж.* Археология Крита. М., 1950.

⁴ *Excavations at Thera*. V. I—VI. Athens, 1968—1976; *Marinatos S.* *Die Ausgrabungen auf Thera und ihre Probleme*. Wien, 1973.

⁵ *Matz F.* *Kreta, Mykene, Troja. Die minoische und homerische Welt*. Zürich, 1956; *Zervos Chr.* *L'art de la Crète néolithique et minoenne*. Paris, 1956; *Marinatos S.* *Kreta und mykenische Hellas*. München,

- 1959; *Graham J. W.* The Palaces of Crete; *Hutchinson R. W.* Prehistoric Crete. L., 1962; *Majewski K.* Kreta. Hellada. Cyklady. W-wa, 1963; *Schachermeyr F.* Die minoische Kultur des alten Kreta. Stuttgart, 1964; *Platon N.* Crete. L., 1966; *Mellersh H. E. L.* Minoan Crete. L., 1967; *Higgins R.* Minoan and Mycenaean Art. L., 1967; *Bartonek A.* Zlatá Egeis. Pr., 1969; *Faure R.* La vie quotidienne en Crète au temps de Minos (1500 avant Jésus-Christ). P., 1973; *Kehnscherper G.* Kreta, Mykene, Santorin. Leipzig, 1973; *Босаевский В.* Крит и Микены. М.; Л., 1924; *Колобова К. М.* Греция в III и II тысячелетиях до нашей эры. Л., 1955; *Колобова К. М., Глаушкина Л. М.* Очерки истории Древней Греции. Л., 1958; *Златковская Т. Д.* У истоков европейской культуры (Троя, Крит, Микены). М., 1961; *Сидорова Н. А.* Искусство эгейского мира. М., 1972; *Соколов Р. И.* Эгейское искусство. М., 1972; *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973; *Он же.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974; *Андреев Ю. В.* Дворец и «город» на Крите во II тыс. до н. э. // СА. 1988. № 4; *Он же.* Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы. Л., 1989.
- ⁶ *Marinatos S.* La marine creto-mycénienne // BCH. 1933. N 57. V. 1; *Петерс Б. Г.* О морском деле в Эгейском мире // История и культура античного мира. М., 1977.
- ⁷ *Marinatos S.* The Volcanic Destruction of Minoan Crete // Antiquity. 1939. V. XIII; *Idem.* Some Features of "Minoan" Thera // AAA. 1972. 5; *Idem.* Die Ausgrabungen auf Thera... Дальнейшие исследования подтвердили правильность выводов С. Маринатоса, а отдельные предложенные коррективы касаются лишь возможности дополнительного выделения промежуточных стадий в вулканической деятельности на Санторине (Фере), погубившей в конечном итоге минойскую цивилизацию (см., например: *Нильнская Л. С.* Девкалионов потоп // ВИ. 1982. № 1. С. 184—187).
- ⁸ *Босаевский В. Д.* Дорийская фаланга и ее происхождение // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 225—229.
- ⁹ *Сидорова Н. А.* Указ. соч. С. 248, 249.

Глава 3

- ¹ *Добльхофер Э.* Знаки и чудеса. М., 1963. С. 23—42; *Дьяконов И. М.* Предисловие к кн.: Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976. С. 5, 6; *Фридрих И.* История письма. М., 1979. С. 34—47.
- ² Поэтому совершенно неправы те чересчур увлекающиеся авторы, которые, игнорируя принципиальную разницу между таким субъективно-мнемоническим средством, как пиктография, и фонетизированной (озвученной) письменностью, в своих попытках во что бы то ни стало удревнить письменную культуру Балкан до уровня Древней Месопотамии и Египта, стараются обнаружить прямые генетические связи там, где нет и следов их, и, ничтоже сумяшеся, отыскивают предысторию крито-микенской грамотности в неолите (см., например: *Georgiev V. I.* Un sceau inscrit de l'Époque chalcolithique trouvé en Thrace // SMEA. Fasc. IX. 1969. P. 32—35; *Иванов Вяч. Вс.* История славянских и балканских названий металлов. М., 1983. С. 55—57, 59, 61, 62; *Он же.* Древнебалканская культура и письменность // Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. БИ. Вып. 9. М., 1984. С. 8—13). На недопустимость сме-

нения понятий «письменность» (применимого только к фонетическому письму, передающему речевые формы и подвляющемуся с возникновением цивилизации) и «предписьменность» (приложимого к другим системам передачи и фиксации информации известным еще первобытному человеку,— таким как «предметное письмо», пиктография и т. д.) специально указывали участники дискуссии на международном симпозиуме по античной балканистике 1984 г. в Москве (*Молчанов А. А.* Симпозиум «Античная балканистика — 5» // ВДИ. 1985. № 1. С. 220).

- ³ Это издание снабжено каталогом критских иероглифов, условная нумерация которых стала с тех пор общепринятой для цифровой передачи воспроизводимых в печатном наборе минойских иероглифических текстов (*Evans A. J.* Scripta Minoa. V. I. P. 181 ff.).
- ⁴ *Kenna V. E. G.* Cretan seals. With a catalogue of Minoan gems in the Ashmolean Museum. Oxford, 1960.
- ⁵ *Sakellariou A.* Die minoischen und mykenischen Siegel der Nationalmuseum in Athen // CMS. Bd. I. Berlin, 1964.
- ⁶ *Godart L.* Le linéaire A et son environnement // SMEA, 1979. V. XX. P. 29—33.
- ⁷ *Olivier J.-P.* La scrittura geroglifica // Parola del Passato. 1976. V. XXXIII. P. 19.

Глава 4

- ¹ Для примера отметим, что к числу самых объемных иероглифических текстов принадлежит надпись на жертвеннике из Маллии (Центральный Крит), в которой насчитывается всего-навсего 16 иероглифов: См.: *Chapoutier F.* Une inscription hiéroglyphique sur pierre (Mallia, époque minoenne) // CRAI. 1937. P. 277 f.; *Idem.* Inscription hiéroglyphique minoenne gravée sur un bloc de calcaire // BCH. 1938. V. LXVII. N 1. P. 404—409. Tabl. XIX.
- ² *Молчанов А. А.* Критская иероглифическая надпись на восьмисторонней печати из собрания Эшмолеанского музея // ВДИ. 1981. № 3. С. 123 сл.
- ³ *Myres J. L.* An Eight-Sided Minoan Seal Stone in the Ashmolean Museum // BSA. 1949. V. XLIV. P. 326 f.; *Kenna V. E. G.* Cretan seals. P. 111. N 165; *Grumach E.* Das achtseitige Siegel des Ashmolean Museum 1938. 1166 // Kadmos. 1963. Bd. II. H. 2. S. 84—97; *Davis S.* Decipherment of the Minoan Linear A and Pictographic Scripts. Johannesburg, 1967. P. 135—138.
- ⁴ *Myres J. L.* Op. cit. P. 326.
- ⁵ *Evans A. J.* Scripta Minoa. V. I. P. 153, 270 f., N 23 (автор посвятил ей специальный раздел в одной из глав, озаглавив его «Царская печать»). Переиздана В. Кенной в его каталоге критских печатей собрания Эшмолеанского музея под № 174 (*Kenna V.* Op. cit. P. 113).
- ⁶ Ср. объединение этих же иероглифов в легенде на другой минойской печати: *Sakellarakis J. A., Kenna V. E. G.* Iraklion, Sammlung Metaxas // CMS. 1969. Bd. IV. N 27 D, c.
- ⁷ *Evans A. J.* Scripta Minoa. V. I (далее — SM-I). N 11, b; N 20, a; N 27, b; N 30, a; N 49*, a; N 71, a; *Xenaki-Sakellariou A.* Inscriptions de la Collection Giamalakis // Minos. 1951. V. I. Fasc. 2. P. 86 (3082, a); *Grumach E.* Neue hieroglyphischen Siegel // Kadmos. 1963. Bd. II. H. 1. S. 40—41. Taf. 2, c; *Kenna V. E. G.* Die englischen Museen II // CMS. 1967. Bd. VII. N 40, 41.

- ⁸ SM-I. N 19, a; N 48, a; CMS. Bd. VII. N 255.
⁹ SM-I. N 17, a, N 18, a; *Kenna V. Cretan seals*. N 172, a.
¹⁰ *Grumach E. Neue hieroglyphischen Siegel*. S. 11—13, Taf. 3, c: 92—11—11—44. Ср. аналогичное симметричное удвоенное перо-глифа 30 на стороне *b* той же печати в составе другого устойчивого сочетания знаков — 19—30—30—92.
¹¹ SM-I. P. 265—270.
¹² SM-I. N 71. P. 162, 271—272, Fig. 123—124; *Kenna V. Cretan seals*. P. 40.
¹³ SM-I. N 18, N 20, N 30; *Kenna V. Cretan seals*. N 172 (обе группы фигурируют здесь в сокращенном виде: 11—14 и 19—30); *Grumach E. Neue hieroglyphischen Siegel*. S. 11—13, Taf. 3; CMS. Bd. IV. N 137 (в группе 92—11—44 здесь опущен последний знак); CMS. Bd. VII. N 40. Ср., однако, случай включения ее в сфрагистическую легенду без сопутствующего титула 11—44 (92—11—44); *Kenna V. Cretan seals*. N 151.
¹⁴ *Kenna V. Cretan seals*. N 151; *Grumach E. Neue hieroglyphischen Siegel*. Taf. 3; CMS. Bd. IV. N 137; CMS. Bd. VII. 40.
¹⁵ SM-I. N 19, N 27, N 46, N 49*; *Kenna V. Cretan seals*. N 98, N 169, N 170; *Grumach E. Neue hieroglyphischen Siegel*. S. 7—10, Taf. 1; CMS. Bd. IV. N 135, N 136, N 156. Ср. также: SM-I. N 45, N 56; *Kenna V. Cretan seals*. N 140, N 167; CMS. Bd. IV. N 29D.
¹⁶ SM-I. N 19 (где блок 11-44 входит в группу 62-44-11), N 27, N 49*.
¹⁷ *Grumach E. Neue hieroglyphischen Siegel*. Taf. 4, a; CMS. Bd. IV. N 156, b.
¹⁸ На возможность идеографического (логографического) понимания изображения кота на «царской печати 1898 г.» указывал еще А. Эванс. Иероглиф 74 встречается как самостоятельный мотив на печатях среднеминойского II периода (*Kenna V. E. G. Die englischen Privatsammlungen* // CMS. 1966. Bd. VIII. N 34), сохраняясь в том качестве, но уже не в реалистической, а в условной фантастической трактовке, до позднемидийского I периода (CMS. Bd. VII. N 71; Bd. VIII. N 152).
¹⁹ С добавлением иероглифа 13 («стрела»). Ср. SM-I. N 27, d, CMS. Bd. IV. N 135, c.
²⁰ Это мнение А. Эванса нашло поддержку у других исследователей. Ср. Пендлбери Дж. Археология Крита. С. 162. Прим. 2; *Kenna V. Cretan seals*. P. 113.
²¹ SM-I. P. 270.
²² *Kenna V. Cretan seals*. N 151, a, b; *Grumach E. Neue hieroglyphischen Siegel*. Taf. 3, a, b; CMS. Bd. IV. N 137; Bd. VII. N 40.
²³ SM-I. N 29, b (в группе знаков 21-18-85); N 48, b (в группе знаков 21-18-84).
²⁴ SM-I. N 48, a.
²⁵ SM-I. P. 153, N 24; *Kenna V. Cretan seals*. P. 111, N 166.
²⁶ Ср., например: *Kenna V. Cretan seals*. N 151, где блок «имя плюс патронимик» (05-18 + 19-30-92) фигурирует без указанной титулярной группы.
²⁷ SM-I. P. 155, N 27.
²⁸ Ср. *Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek*. 2nd ed. Cambridge, 1973. P. 33, Fig. 6.
²⁹ *Landau O. Mykenisch-griechische Personennamen*. Göteborg, 1958. S. 123, 127; *Ventris M., Chadwick J. Op. cit.* P. 580, 582.
³⁰ *Landau O. Op. cit.* S. 153; *Ventris M., Chadwick J. Op. cit.* P. 593.
³¹ SM-I. P. 156, N 30; *Kenna V. Cretan seals*. P. 109, N 150.

³² SM-I. P. 270, 271, Fig. 122.

³³ *Apollod.*, III, 1—3.

³⁴ *Hom. Od.*, XIX, 179—199.

³⁵ *Hom. Od.*, XIII, 259—268.

³⁶ О большой живучести на послемидийском Крите многих минойских традиций см.: *Молчанов А. А.* Рец. на кн.: *Полякова Г. Ф.* Социально-политическая структура пилосского общества (По данным линейного письма В). М., 1978. // ВДИ. 1979. № 3. С. 177, 178.

³⁷ Ср.: *Поуп М.* Линейное письмо А и проблема эгейской письменности // Тайны древних писем. С. 94. Прим. 12.

³⁸ SM-I. P. 160, N 59, a.

³⁹ *Landau O. Op. cit.* S. 29; *Ventris M., Chadwick J. Op. cit.* P. 534.

Глава 5

¹ SM-I. P. 265 ff.

² *Молчанов А. А.* Критская пероглифическая надпись... С. 123—131.

³ SM-I. N 26. Pl. 11.

⁴ SM-I. P. 154.

⁵ *Молчанов А. А.* Критская пероглифическая печать из собрания Афинского музея (к вопросу о типологии минойских сфрагистических формул) // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тез. и докл. конференции. Ч. 1. М., 1984. С. 62—64; *Он же.* Типология минойских сфрагистических формул // ВДИ. 1989. № 3. С. 117—127.

⁶ Ср. SM-I. P. 265—270; *Молчанов А. А.* Критская пероглифическая надпись... С. 123—126.

⁷ Примеры такого одиночного употребления данного блока см.: SM-I. N 11, N 71; CMS. Bd. II. Teil 2. Berlin, 1977. N 259; CMS. Bd. VII. N 41, N 255.

⁸ Ср. SM-I. NN 17—19, 23, 48; *Kenna V. Cretan seals*. N 172, N 174; *Grumach E. Neue hieroglyphischen Siegel*. Taf. 3; CMS. Bd. VII. N 255. Порядок чтения пероглифов этой титулярной группы определяется совершенно однозначно, исходя из наблюдений над расположением графем рисуночного характера, изображающих живые существа или их части. Так, по крайней мере в двух случаях сочетание знаков 92-11-44 явно не может читаться начиная с пероглифа 44, поскольку последний расположен в самой нижней части вертикально ориентированной каллиграфической композиции (SM-I. N 23, a = *Kenna V. Cretan seals*. N 174, a; *Grumach E. Op. cit.* Taf. 3, c).

⁹ Ср.: *Grumach E. Neue hieroglyphischen Siegel*. Taf. 4, a; CMS. Bd. II. Teil 5. 1970. N 316, d; CMS. Bd. IV. N 156, b.

¹⁰ Ср. CMS. Bd. II. Teil 2. N 3, N 282; CMS. Bd. VIII. N 34; CMS. Bd. X. Berlin, 1980. N 102.

¹¹ Ср.: *Молчанов А. А.* Критская пероглифическая надпись... С. 124—126. Как пример самостоятельного использования блока 05-18 ср.: *Kenna V. Cretan seals*. N 140.

¹² Примеры его одиночного употребления см.: *Kenna V. Cretan seals*. N 97, N 99; CMS. Bd. II. Teil 2. N 100, N 220, N 269; CMS. Bd. VII. N 28.

¹³ Ср.: SM-I. N 46, N 49*, N 73, N 74; *Xenaki-Sakellariou A. Op. cit.* P. 86; *Kenna V. Cretan seals*. N 38 (= CMS. Bd. II. Teil 5. N 316), N 151, N 167; CMS. Bd. II. Teil 2. N 256; CMS. Bd. X. N 52; *Молчанов А. А.* Критская пероглифическая надпись... С. 122. Рис. 3, b.

- 14 SM-I. N 46, b; *Kenna V.* Cretan seals. N 151, d.
 15 SM-I. N 17.
 16 SM-I. N 46.
 17 SM-I. N 18.
 18 SM-I. N 19; CMS. Bd. II. Teil 2. N 296.
 19 CMS. Bd. IV. N 156.
 20 «Царская печать 1898 г.» из Кносса (SM-I. N 23; *Kenna V.* Cretan seals. N 174).
 21 *Gramsch E.* Neue hieroglyphischen Siegel. Taf. 3.
 22 CMS. Bd. IV. N 137.
 23 CMS. Bd. VII. N 40.
 24 SM-I. N 49*.
 25 Основанием для интерпретации трех родственных письменных знаков, ныне общепринятой, послужило то обстоятельство, что идеограмма 131 линейного В присутствует на оттисках печатей из винного склада Пилосского дворца.
 26 CMS. Bd. X. N 52.
 27 *Kenna V.* Cretan seals. N 151.
 28 SM-I. N 30; *Kenna V.* Cretan seals. N 150; *Молчанов А. А.* Критская иероглифическая надпись... С. 130. Рис. 7.
 29 SM-I. N 27; *Молчанов А. А.* Критская иероглифическая надпись... С. 130. Рис. 6.
 30 CMS. Bd. IV. N 29D.
 31 Ср. *Evans A. J., Myres J. L.* Inscriptions in the Minoan linear script of class A. Ed. by W. C. Brice. Oxford, 1961. Pl. VII a, 86 a, 86 b.
 32 Ср.: *Chadwick J.* Linear B and related scripts. Berkeley, Los Angeles, 1987. P. 30.
 33 *Молчанов А. А.* Ред. на кн.: *Chadwick J.* Linear B and related scripts. Berkeley, Los Angeles, 1987 // ВДИ. 1992. № 2.

Глава 6

- 1 *Evans A. J., Myres J. L.* Scripta Minoa. V. II. Oxford, 1952.
 2 *Kober A. E.* Inflection in linear class B. I. Declension // AJA. 1946. V. L. N 2. P. 268—276; *Idem.* The Minoan Scripts: Fact and Theory // AJA. 1948. V. LII. N 1. P. 81—103.
 3 *Bennett E. L.* The Pylos Tablets. A preliminary transcription. Princeton, 1951.
 4 *Ventris M.* Introducing to the Minoan Language // AJA. 1940. V. XLIV. N 4. P. 494—520.
 5 *Ventris M., Chadwick J.* Evidence for Greek dialect in the Minoan archives // JHS. 1953. V. LXXIII.
 6 *Ventris M., Chadwick J.* Documents in Minoan Greek. Cambridge, 1956; 2nd ed. Cambridge, 1973.
 7 *Chadwick J.* The decipherment of Linear B. Cambridge, 1958; 2nd ed., Cambridge, 1967; *Чэдвик Дж.* Дешифровка линейного письма В // Тайны древних письмен. С. 105—251.

Глава 7

- 1 *Тропский И. М.* Некоторые итоги развития микенологии // ВДИ. 1971. № 2. С. 84—92; *Гринбаум И. С.* Микенология 20 лет // Грамматические и лексические исследования. Романо-германская и классическая филология. Киприанов, 1977. С. 5—12; *Он же.* Микенологические исследования (1973—1977 гг.) // ВДИ. 1982. № 1. С. 200—212; *Chadwick J.* "Evidence" after 25 Years // SMEA.

1979. Fasc. XX. P. 11—44; *Idem.* Twenty-Seven Years of Linear B // Actes du VIIe Congrès de la Fédération Internationale des Associations d'Etudes Classiques. Budapest, 1984. V. II. P. 451—459.

- 2 *Sacconi A.* Corpus delle iscrizioni in lineare B di Micene. Roma, 1974; *Godart L., Olivier J.-P.* Nouveaux textes en linéaire B de Tirynthe // Tiryns. München, 1976. V. VIII. P. 33—53; *Chadwick J.* Linear B Tablets from Thebes // Minos. 1970. V. X. P. 115—137; *Chadwick J., Spyropoulos Th.* The Thebes Tablets II // Minos. Supplement N 4. 1975; *Godart L., Sacconi A.* Les tablettes en linéaire B de Thebes Roma, 1978.
 3 *Raison J.* Les vases à inscriptions peintes de l'âge mycénien et leur contexte archéologique. Roma, 1968; *Sacconi A.* Corpus delle iscrizioni vascolari in Lineare B. Roma, 1974.
 4 Основную литературу см.: *Молчанов А. А., Перознак В. П., Шарышкин С. Я.* Памятники древнейшей греческой письменности (введение в микенологию). М., 1988. С. 181, 182.
 5 См. из работ последних двух десятилетий по микенскому диалекту: *Тропский И. М.* Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973. С. 64—102 (глава «Древнейший письменный язык»); *Широков О. С.* История греческого языка. М., 1983; *Казанский И. И.* Диалекты греческого языка. Л., 1983. С. 85—94 (глава «Микенский диалект»); *Гринбаум И. С.* Ранние формы литературного языка (древнегреческий). Л., 1984. С. 17—42 (глава «Язык крито-микенских текстов и древнегреческие диалекты»); *Казанские В. П., Казанский И. И.* Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. Л., 1986; *Молчанов А. А., Перознак В. П., Шарышкин С. Я.* Указ. соч. С. 66—166 (глава «Язык крито-микенских надписей линейного письма В», Словарь и Практикум).
 6 *Дьяконов И. М.* Карийский алфавит и его место среди древнейших алфавитных письменностей // ВДИ. 1967. № 2. С. 240. Прим. 8; Тайны древних письмен. С. 83. Прим. 1.
 7 *Furumark A.* Linear A und die alkretische Sprache. Entzifferung und Deutung. Berlin, 1956; *Idem.* The Linear A Tablets from Hagia Triada // Opuscula Romana. 1976. 11; *Meriggi P.* Zur Lesung des Minoischen (A) // Minoica. Festschrift zum 80. Geburtstag von Johannes Sundwall. Berlin, 1958; *Peruzzi E.* Le iscrizioni minoiche // Atti dell'Accademia Toscana di Scienze e Lettere "La Colombaria". V. 24. Anno 1959. Firenze, 1960; *Faure P.* Dédicaces crétoises en linéaire A // BE. 1972. T. XVI, 1; *Поуп М.* Указ. соч.
 8 Подробнее о мийноском языке см.: *Stephens L., Justeson J. S.* "Minoan" Phonology: the approach from universals of language and universals of writing systems // Transactions of the American Philological Association. 1978. N 108. P. 271—284; *Gamkrelidze Th. V.* Zur Frage des Systems der Verschluss- und Frikativlaute im "Minoischen" nach Ausweis der griechischen Linearschrift B // Sprachwissenschaftliche Forschungen. Festschrift für Johann Knobloch. Innsbruck, 1985. S. 107—110; *Гамкредидзе Т. В.* К вопросу о системе смычных и фрикативных «мийноского» языка по показаниям греческой линейной письменности

класса В // ВЯ. 1988. № 1. С. 66—68; Молчанов А. А. К проблеме изучения древнейших лингвоститических слоев на юге Балкан (звукотипические слова в минойском языке) // Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1986. С. 158—160; *Он же*. Минойский язык: проблемы и факты // Античная балканистика. М., 1987. С. 78—85; *Он же*. Письменности Крита II тыс. до н. э. и изучение древнейших лингвоститических слоев на юге Балкан // Палеобалканистика и античность. М., 1989. С. 20—24; Молчанов А. А., Перозник В. П., Шарыгин С. Я. Указ. соч. С. 167—176.

Глава 8

- ¹ Evans A. J. Scripta Minoa. V. I. P. 69, 70.
- ² Daniel J. F. Prolegomena to the Cypro-Minoan Script // AJA. 1941. V. XLV. N 2. P. 249—282; Mylonas G. E. Prehistoric Greek Scripts // Archaeology. 1948. V. 1. N 4. P. 218—220; Milford T. B. The Status of Cypriot Epigraphy — Cypriot Writing, Minoan to Byzantine // Archaeology. 1952. V. 5. N 3. P. 151, 152; Masson O. Nouvelles inscriptions en caractères chypro-minoens // Schaeffer C. F. A. Enkomi-Alasia. T. I. Paris, 1952. P. 391—409; *Idem*. Répertoire des inscriptions chypro-minoennes // Minos. 1957. V. V. Fasc. 1. P. 9—27; Masson E. Les répertoires graphiques chypro-minoens // Minos. 1972. V. I. P. 99—109 (см. и другие ее работы).
- ³ Dikaios P. A Second Inscribed Clay Tablet from Enkomi // Antiquity. 1953. V. XXVII. N 108. P. 233—237. Pl. IV—V. Fig. 1—3 (выполнены М. Вентрисом); *Ср.* *Idem*. The Context of the Enkomi Tablets // Kadmos. 1963. Bd. II. H. 1. P. 50—52.
- ⁴ Sittig E. Hellenische Urkunde des 2. vorchr. Jahrtausends von Cypern (Dikaios' minoisch-cypriische Tafel von Enkomi) // NC. 1955. Année 6. N 7—10. P. 470—490; *Ср.* *Idem*. Zur Entzifferung der minoisch-cypriischen Tafel von Enkomi // Minos. 1956. V. IV. Fasc. 1. S. 33—42.
- ⁵ *Ср.*, например: Mann S. E. The Decipherment of Cypro-Mycenaean // Man. 1960, march. V. LX. P. 40—42; Ephron H. D. The Jeson Tablet of Enkomi // HSCPh. 1961. V. LXV. P. 39—107.
- ⁶ Davis S. *Op. cit.* P. 312—327.
- ⁷ Dikaios P. A Second Inscribed Clay Tablet... P. 237 (прям. со ссылкой на письмо М. Вентриса от 4 сентября 1953 г.). *Ср.*: Ventris M., Chadwick J. Documents... 2nd ed. P. 61, где более острожно сказано о возможном содержании текста: «вероятно литературного характера».
- ⁸ Meriggi P. Relations entre le minoen B, le minoen A et le chypro-minoen // Études Mycéniennes. Actes du Colloque International sur les Textes Mycéniens (Gil-sur-Yvette, 3—7 avril 1956). Paris, 1956. P. 195; *Idem*. I primi testi ciprominoici e l'etecociprio // Athenaeum. 1956. V. XXXIV. Fasc. I—II. P. 24.
- ⁹ *Ср.* Arist. Pol., 1272a; Strabo, X, 4, 18.
- ¹⁰ Здесь их число совпало с числом территориальных округов — «об», на которые делилась Лаконика, что и обусловило его неизменность.
- ¹¹ *Ср.* Cic., De ger., II, 58. Число космов в критских городах во времена составления дошедших до нас эпиграфических памятников, упоминающих их (середина VII—I в. до н. э.), не было строго определенным и колебалось от 10 до 2 (*ср.*: Oehler J. Kosmoi // RE. Pbbd. 22. Stuttgart, 1922. S. 1496; Willetts R. F. Aristocratic Society in Ancient Crete. London, 1955. P. 167; *Idem*. Ancient Crete. A Social History. From Early Times until the Roman Occupation. London, 1965. P. 65).
- ¹² SGDI. Bd. III. H. II. 5076.
- ¹³ *Ср.*: Willetts R. F. Aristocratic Society... P. 166; *Idem*. Ancient Crete. 66.
- ¹⁴ *Ср.*: Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. Фрагмент индоевропейской ономастики. М., 1967. С. 65—67, 75, 77, 78, 104, 105.
- ¹⁵ Dikaios P. A New Inscribed Clay Tablet from Enkomi // Antiquity. 1956. V. XXX. N 117. P. 40, 41. Pl. IX; *Idem*. The Context of the Enkomi Tablets. P. 45—48.
- ¹⁶ Masson O. Les écritures chypro-minoennes et les possibilités de déchiffrement // Études Mycéniennes. P. 200 f.; *Idem*. Les inscriptions chypriotes syllabique. Paris, 1961. P. 34—38; *Idem*. Les écritures chypro-minoennes et les autres écritures chypriotes // Atti e memorie del I Congresso internazionale di Micenologia, Roma, 27 settembre — 3 ottobre 1967. Pt. I. Roma, 1968. P. 423; Ventris M. Notes on the Enkomi 1955 Tablet // Antiquity. 1956. V. XXX. N 117. P. 41; Masson E. La plus ancienne tablette chypro-minoenne (Enkomi, 1955) // Minos. 1969. V. X. Fasc. 1. P. 64—77.
- ¹⁷ *Ср.* Meriggi P. Relations... P. 195—198; *Idem*. I primi testi... P. 5—20; Davis S. *Op. cit.* P. 313. Fig. 271.
- ¹⁸ *Ср.* Молчанов А. А. К интерпретации самой большой кипро-минойской надписи на табличке из Эякоми 1953 г. // ВДН. 1979. № 1. С. 126—134.
- ¹⁹ *Ср.* Dikaios P. A Second Inscribed Clay Tablet from Enkomi. P. 237; *Idem*. The Context... P. 50—52.
- ²⁰ Masson O. Études d'épigraphie chypro-minoenne. I. Trois bols de bronze du Musée de Nicosie // Minos. 1968. V. IX. P. 66—72; Kenna V. E. G. The Kouklia Ring from Evreti // BCH. 1968. V. XCII. P. 157—161; Schaeffer C. F. A., Courtois J. C., Lagarge J. Fouilles d'Enkomi-Alasia dans l'île de Chypre: campagne du 1967. Rapport préliminaire // Syria. 1968. V. 45. P. 262—274; Karageorghis V. Chronique des fouilles et découvertes archéologiques à Chypre en 1969 // BCH. 1970. V. XCIV. P. 249, 250; Meriggi P. I nuovi testi ciprominoici // Minos. 1972. V. XIII. P. 197—258; Masson E. Deux fragments de tablettes chypro-minoennes trouvés à Enkomi en 1953 et 1969 // Journal des savants. 1978. N 1—2. P. 49—86; Schaeffer C. F. A. Commentaires sur les problèmes d'épigraphie chypriote // Journal des savants. 1978. N 1—2. P. 87—93.
- ²¹ Masson E. Remarques sur le grand fragment de tablette chypro-minoenne trouvé à Enkomi en 1953 // SMEA. 1970. Fasc. XI. P. 73—95; *Idem*. Les répertoires graphiques chypro-minoens // Acta Mycenaean. Proceedings of the 5th International Colloquium on Mycenaean Studies, held in Salamanca, 30 March — 3 April 1970. V. I (= Minos. 1970. V. XI). P. 99—109.
- ²² *Ср.* Masson E. La tablette chypro-minoenne 20.25 de Ras Shamra. Essai d'interprétation // CRAI. 1973. P. 32—60; *Idem*. Cyprominoica. Répertoires. Documents de Ras Shamra. Essais d'interprétation // SIMA. 1974. V. XXXI, 2; *Idem*. Présence éventuelle de la langue hourrite sur les tablettes chyprominoennes d'Enkomi // JRAS. 1975. N. 2. P. 159—163; и другие работы этой исследова-

тельницы. Ср.: *Fauconnau J. Études chyro-minoennes // Syria. 1977. V. 54. P. 209—249.*

- ²³ Ср. *Billingsmeier J. C. Contribution towards Identification of the Language Contained in the Cyprominoan II Inscriptions from Enkomi // Colloquium Mycenaum. Actes de 6ème Colloque International sur les textes mycéniens et égéens tenu à Chaumont sur Neuchâtel du 7 au 13 septembre 1975. Genève, 1979. P. 419—424* (исследователь склонен усматривать на глиняных табличках из Энкоми тексты на некоем азиатском диалекте, близком лувийскому языку). Дискуссия о языковой принадлежности «кипри-минойцев» продолжается и в советской науке (ср. *Молчанов А. А. Симпозиум «Античная балканистика — 5»*. С. 221).

Глава 9

- ¹ Полная библиография работ о Фестском диске до 1965 г. собрана Э. Грумахом: *Grumach E. Bibliographie der kretisch-mykenischen Epigraphik. München, Berlin, 1963; Supplement I (1962—1965). München, 1967. См. также: Duhoux Y. Le Disque de Phaestos. Louvain, 1977.*
- ² *Davis S. Op. cit. P. 99—101.*
- ³ *Georgiev Vl. J. La disque de Phaestos: un essai de déchiffrement (Information préliminaire) // Colloquium Mycenaum. P. 387—395; Idem. Le déchiffrement du texte sur le disque de Phaistos // BE. 1976. T. XIX, 2. P. 5—47; Георгиев Вл. И. Дешифровка текста диска из Феста // ВДН. 1977. № 1. С. 52—60.*
- ⁴ *Evans A. J. The Palace of Minos at Knossos. V. I. P. 661.*
- ⁵ *Блаватская Т. В. Греchesкое общество второго тысячелетия до нашей эры и его культура. М., 1976. С. 117. Прим. 26.*
- ⁶ *Neumann G. Zum Forschungsstand beim "Diskos von Phaistos" // Kadmos. 1968. Bd. VII. H. 1. S. 27—44; Нойман Г. К современному состоянию исследования Фестского диска // Тайны древних письмен. С. 66—81.*

Глава 10

- ¹ *Marinatos S. Ausgrabungen und funde auf Kreta 1934—1935 // AA. 1935. H. 1—2. S. 252—254.*
- ² *Pini I. Zum Diskos von Phaistos // Kadmos. 1970. Bd. IX. H. 1. S. 93.*
- ³ *Boardman J. The Cretan Collection in Oxford. Oxford, 1961. P. 58.*
- ⁴ *Meyer E. Der Diskos von Phaistos und die Philister von Kreta // Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1909. S. 1022 ff.; Evans A. J. Scripta Minoa. V. I. P. 22 ff., 273 ff.*
- ⁵ *Грумах Э. К происхождению Фестского диска // ВДН. 1968. № 2. С. 23—28.*
- ⁶ Там же. С. 17—21.
- ⁷ Там же. С. 21—23.
- ⁸ *Della Seta A. Il disco di Phaistos // Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei. Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. Ser. V. 1909. V. XVIII. P. 297—367.*
- ⁹ Исследователями было замечено, что по ходу нанесения знаков

на диск древнекритский каллиграф четырежды ошибался, пропуская пужные знаки, и тут же исправлял ошибку. Следы этих «опечаток» обнаружены А. дельла Сета и Э. Грумахом в ячейках А5, А8, А10 и В28. Ср. также: *Bradshaw A. The Imprinting of the Phaistos Disc // Kadmos. 1976. Bd. XV. P. 1—17; Idem. The overcuts on the Phaistos Disc // Kadmos. 1977. Bd. XVI. H. 2. P. 99—110.*

- ¹⁰ Ср. *Meyer E. Op. cit. S. 1022—1029; Reinach A. Le Disque de Phaistos et les Peuples de la Mer // RA. 1910. I. P. 1—65; Векштейн А. Загадочный диск // ЖМНП. 1911, декабрь. Отдел классической филологии. С. 549—602.*
- ¹¹ Ср., например: *Иванов Вач. В., Иванов Л. В. К формальному описанию Фестского диска // Balcano-Balto-Slavica. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы. М., 1979. С. 14—17; Они же. К описанию формальной структуры фестского языка // Структура текста — 81. Тезисы симпозиума. М., 1981. С. 36—38. «Историографический ингилизм» закономерно приводит исследователей к взаимоисключающим принципиальным выводам (см.: *Сергеев В. М. Структурный анализ текста и проблема идентификации языка диска из Феста // Там же. С. 165—167; Ерофеева И. И. К вопросу о структуре текста Фестского диска // Там же. С. 168, 169).**
- ¹² *Ipsen G. Der Diskus von Phaistos. Ein Versuch zur Entzifferung // IF. 1929. Bd. XLVII. H. 1. S. 1—41; Инсен Г. Фестский диск // Тайны древних письмен. С. 32—65.*
- ¹³ Ср.: *Шеворошкин В. В. Недешифрованные письменности Крита // ВИ. 1966. № 12; Он же. Тайны письмен Крита // Будущее науки. Вып. 2. М., 1968; Кондратов А. М. Статистические методы дешифровки некоторых письмен Древнего Востока и Средиземноморья. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1969. С. 10, 11; Кондратов А. М., Шеворошкин В. В. Когда молчат письмена. Загадки древней Эгеиды. М., 1970. С. 103—110.*
- ¹⁴ Окончательно доказать генетическую тождественность языка пеласгов и фракийцев удалось Л. А. Гиндину (*Gindin L. A. К проблеме генетической принадлежности «пеласского» догреческого слоя // ВЯ. 1974. № 4; Gindin L. A. Le "pélasgique" et le thrace // L'ethnogenèse des peuples balkaniques. Symposium international sur l'ethnogenèse des peuples balkaniques, Plovdiv, 23—28 avril 1969. Sofia, 1971*). Истинное значение пеласского этноса в истории юга Балкан и некоторых смежных регионов Средиземноморья стало более четко вырисовываться по совокупности различных источников лишь в самое последнее время, см.: *Немировский А. И. Этруски. От мифа к истории. М., 1983. С. 22—30; Молчанов А. А. Речь на кн.: Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София, 1981 // ВДН. 1985. № 2. С. 175, 176; Мерсерг И. Я., Молчанов А. А. Структура протофракийских поселений раннего бронзового века в свете данных археологии и античной традиции (вместе с интегрированными по древнейшей истории юго-востока и юга Балканского полуострова) // Международный симпозиум «Античная балканистика 6». Этногенез народов Юго-Восточной Европы. Этнолингвистические и культурно-исторические взаимодействия Балкан и Диркумпонтийской зоны. 18—22 октября 1988 г. С. 29—32; Они же. Структура протофракийских поселений раннего бронзового века в свете данных археологии и античной традиции*

- (опыт интеграции источников по древнейшей истории юго-востока и юга Балканского полуострова) // Проблемы изучения древних поселений в археологии (социологический аспект). М., 1990. С. 11—31.
- 15 См. Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967; *Он же*. Некоторые вопросы древнего балканского субстрата и адстрата // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография. М., 1976. С. 54. Прим. 45.
- 16 О том, какой подход к изучению данного вопроса представляется на сегодняшний день методически наиболее правильным, см.: Молчанов А. А. Элементы доиндоевропейского языкового субстрата на юге Балкан (минойский и «егрейский») // Античная балканистика. Карпато-Балканский регион в двухречии. Предварительные материалы к международному симпозиуму. М., 1984. С. 27, 28.
- 17 Ср.: Титоа В. С. К вопросу о соотношении этнолингвистических слоев и культурно-исторических общностей на юге Балканского полуострова // КСИА. 1970. Вып. 123. С. 32—41; *Он же*. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. М., 1982. С. 124—132.

Глава 11

- 1 Здесь важно вспомнить, что все четыре исправления «опечаток», замеченные в тексте диска, связаны именно с манипулятивным пропуском минойским писцом знака 02. Данный факт весьма красноречиво намекает на произносительный характер знака «голоса с петушиным гребнем» и это также заставляет видеть в нем детерминатив.
- 2 Paus., V, 25, 9.
- 3 См.: Молчанов А. А. Некоторые результаты применения комбинаторного метода исследования при анализе текста Фестского диска // ВМУ. История. 1977. № 2. С. 67—83; *Он же*. Таинственные письмена первых свропейцев. М., 1980. С. 61—74; *Он же*. Методика работы с минойскими текстами. Дешифровка и интерпретация // Симпозиум «Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Ливгвистика, история, археология». 2—4 декабря 1980 г. Предварительные материалы. Тезисы докладов. М., 1980. С. 44, 45; *Он же*. Фестский диск. Загадка древнейшего печатного текста // Наука и жизнь. 1982. № 2. С. 113—124; *Он же*. Методика работы с минойскими текстами (дешифровка и интерпретация) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Ливгвистика, история, археология. М., 1984. С. 406, 407. Одним из первых признавал перспективным предложенный нами путь исследования искусственной билингвы для дешифровки текста диска патриарх отечественной археологической науки А. В. Арциховский, который, как известно его ученикам, был глубоким знатоком не только славяно-русских, но и античных древностей. Именно он способствовал публикации первого сообщения о результатах применения билингвистической методики в решении «фестской проблемы». Очень важное значение имело для нас и одобрение, высказанное такими крупнейшими научными авторитетами, как Н. Д. Амузин и Н. Я. Мерперт. Мы также чрезвычайно призна-

тельны Л. А. Гиндину и О. С. Широкову за высказанные ими ценные замечания и советы.

- 4 См.: Пендлабери Дж. Археология Крита. С. 112, 146, 168, 299.
- 5 Шеворошкин В. В. Дешифрованные письменности Крита. С. 241; Кондратов А. М., Шеворошкин В. В. Указ. соч. С. 107.
- 6 Забегая немного вперед, отметим, что в дальнейшем такая версия получит свое подтверждение, так как в уточненном прочтении данного слова (SA-A-A-SI-?-?) с большой долей достоверности начнут выявляться характерные минойские префиксы *sa-* и *a-* перед корнем **asi-*.
- 7 Hom. Od., III, 292; XIX, 176; Strabo, X, 4, 6.
- 8 Paus., VIII, 53, 4; Schol. Apoll. Rhod., IV, 1492; Schol. Theocr., VII, 42; Schol. Hom. Od., XIX, 176.
- 9 Evans A. J., Myres J. L. Inscriptions... Pl. VIIa, 85a. Список минойских имен, встречающихся в документах линейного В и падающие соответствия в табличках линейного А, см.: Landau O. Op. cit. S. 269—274.
- 10 Strabo, X, 4, 8.
- 11 Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения... С. 69.
- 12 Пендлабери Дж. Указ. соч. С. 355.
- 13 Ср.: Немировский А. И. Царская власть у этрусков // Норция. Вып. 1. Воронеж, 1971. С. 24; *Он же*. Этруски. С. 191; Молчанов А. А. Рец. на кн.: Немировский А. И. Этруски // ВДИ. 1986. № 3. С. 176.
- 14 Apollod., II, 1, 2.
- 15 Ibid.
- 16 Ibid. II, 5, 7; Apollod. epit., I, 5; Paus., I, 27, 10; Plut. Thes., 14.
- 17 См.: Молчанов А. А. Ахейский период истории Крита по данным античной мифолого-исторической традиции // X авторско-читательская конференция «Вестника древней истории» АН СССР. Тез. докл. М., 1987. С. 68, 69.
- 18 Prob. Verg. Georg., II, 197.
- 19 Молчанов А. А. Рец. на кн.: Немировский А. И. Этруски. С. 175; *Он же*. Минойский язык... С. 82; Молчанов А. А., Перозан В. П., Шарынкин С. Я. Указ. соч. С. 173.

Глава 12

- 1 Leaf W. Homer and History. Oxford, 1915. P. 183.
- 2 Herod., I, 143, 145, 146; Strabo, VIII, 7, 1; 7, 4—5; XIV, 1, 4; Paus., VII, 5, 1; 6, 1.
- 3 Hom. Hymn., II, 216 sq.
- 4 Молчанов А. А. Рец. на кн.: Немировский Э. И. Этруски. С. 173, 174.
- 5 Ср.: Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения... С. 66, 67.
- 6 Neumann G. *κικῶλεον* // Glotta. 1962. Bd. 40. S. 53.
- 7 О его этимологии см.: Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения... С. 120—122; *Он же*. Древнейшая опомастика Восточных Балкан (фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София, 1984. С. 54—56, 171. В минойскую топонимию и сакрально-терминологическую лексику основа **kaw-* попала из азиатского источника.
- 8 Молчанов А. А. Рец. на кн.: Гиндин Л. А. Древнейшая опомастика... С. 178. Прим. 31.
- 9 Herod., IX, 34; Apollod., I, 9, 12; II, 2, 2; Paus., II, 48, 4—5.

Глава 13

- ¹ *Marinatos S.* Ausgrabungen und funde... S. 252—254; *Pugliese Carratelli G.* Sulle epigrafi in lineare A di carattere sacrale // *Minos*. 1957. V. V. Fasc. 2. P. 172; Μλουφίδης Ν. Κρ. Κρητομυκηναϊκά ἐπιγραφαί εἰς Ἄρκαλοχωρίον Κρήτης // Ἀρχαιολογικὴ Ἐφημερίς 1953—1954. Π. Ἐν Ἀθῆναις. 1958. Σελ. 66—68; *Молчанов А. А.* К вопросу о репертуаре знаков минойского иератического силлабария // Проблемный семинар по истории культуры. Авторефераты докладов. Вып. 1. Вспомогательные исторические дисциплины. Эпиграфика. М., 1977. С. 1—21.
- ² Ср.: *Ventris M., Chadwick J.* Documents... 2nd ed. P. 33. Fig. 6.
- ³ Ср.: *Raison J., Pope M.* Index du linéaire A // IG. 1971. V. XLI. Fig. 31—36.

Глава 14

- ¹ *Гиндин Л. А.* Язык древнейшего населения... С. 114.
- ² Ср.: *Apollod.*, III, 4, 2; *Paus.*, VIII, 53, 4; X, 16, 5; *Schol. Apoll. Rhod.*, IV, 1492; *Schol. Theocr.*, VII, 12; *Schol. Hom. Od.*, XIX, 176; *Anton. Lib. Transform.*, 30.
- ³ Ср.: *Svoronos J. N.* Numismatique de la Crète ancienne. Pt. I. Maacon, 1890. P. 318.
- ⁴ *Шеворошкин В. В.* Педешифрованные письменности Крита. С. 211.
- ⁵ *Marm. Par.*, 11, 19; *Diod.*, IV, 60; *Strabo*, X, 4, 8; *Plut. Thes.*, 20.
- ⁶ *Apollod.*, II, 5, 9.
- ⁷ *Apollod.*, I, 9, 12—13; *Paus.*, II, 18, 4—5.
- ⁸ *Herod.*, VI, 52; VII, 204; VIII, 131; *Strabo*, VIII, 5, 5; *Paus.*, VIII, 4—10.
- ⁹ *Strabo*, VI, 3, 2; *Hor. Sat.*, I, 6, 58.
- ¹⁰ *Strabo*, X, 4, 8.
- ¹¹ О господстве минойских владык Крита над Атикой см.: *Apollod.*, III, 15, 8; *Plut. Thes.*, 15; *Paus.*, I, 27, 10.
- ¹² Ср.: *Apollod. epit.*, I, 17, где подчеркивается инициатива жениха — афинского царя, кстати сказать, потом искавшего на Крите убежища (*Paus.*, I, 17, 6).
- ¹³ Ср.: *Apollod.*, II, 1, 5; III, 2, 2; *Apollod. epit.*, VI, 8.
- ¹⁴ *Strabo*, X, 3, 19.
- ¹⁵ *Paus.*, VI, 21, 6.
- ¹⁶ *Paus.*, V, 8, 4; VI, 21, 6.
- ¹⁷ Ср.: *Делиос А. Ф.* Линеиное письмо А // Тайны древних письмен. С. 84.
- ¹⁸ Ср. *Thuc.*, I, 4; *Apollod.*, II, 5, 9.
- ¹⁹ Ср.: *Evans A. J., Myres J. L.* Inscriptions in the Minoan linear script of class A. Pl. XXXIa; V, 17, I—III; *Raison J., Pope M.* Op. cit. Fig. 195, 4—5.
- ²⁰ Надписи еще на двух минойских секирах (обе бронзовые, случайные находки, происходят из центральной и восточной частей острова), выполненные линеиным письмом А и состоящие каждая из одного слова (*Evans A. J., Myres J. L.* Inscriptions... Pl. XXXIa; V, 17, I—II), содержат, по всей видимости, тоже личные имена: 1) Tu-ni — ср. Tu-ni-ja, критский топоним, упоминаемый в табличках линеиного В; 2) Da-sa — ср. Da-so, личное имя табличек линеиного В из Кносса.

- ²¹ *Apollod.*, III, 4, 2; *Diod.*, IV, 60, 3; *Strabo*, X, 4, 8; 4, 19.
- ²² *Strabo*, X, 4, 8 (со ссылкой на несохранившийся труд греческого историка IV в. до н. э. Эфора).
- ²³ *Молчанов А. А.* Государственно-политическое устройство... С. 113.
- ²⁴ О его других дериватах см.: *Молчанов А. А.* Рец. на кн.: *Полякова Г. Ф.* Социально-политическая структура... С. 176.
- ²⁵ Ср. *Strabo*, X, 4, 15; 4, 18; XIV, 2, 6.

Глава 15

- ¹ Ибо, строго говоря, слова A1, A8, A12, A14 = A20, A24, A26, A27, A30, B7, B16, B19, B23, B25 и B28 преждевременно рассматривать в качестве прочтенных полностью, поскольку они содержат знаки 06, 13, 17, 18, 19, 32 и 39, чтения которых пока еще чересчур гипотетичны (в прил. IV такие чтения сопровождаются двумя вопросительными знаками, а в прил. VII взяты в кавычки).
- ² Эти таблицы нуждаются в некоторых пояснениях. Прил. IV представляет собой сетку полученных фонетических значений силлабogramм. Степень относительной надежности отдельных чтений характеризуется в ней с помощью добавления или отсутствия вопросительных знаков: наиболее надежные фигурируют без знака вопроса, менее обоснованные — сопровождаются одним таким знаком, самые слабоаргументированные — двумя. В приложениях дается прочтение текста диска после трех последовательных этапов подстановки фонетических значений по принципу возрастания их гипотетичности (см. примечания к прил. V—VII).
- ³ *Молчанов А. А.* Минойский язык... С. 80, 81; *Молчанов А. А., Нерознак В. П., Шарынкин С. Я.* Указ. соч. С. 171.
- ⁴ *Hom. Od.*, XIX, 175—178.
- ⁵ *Herod.*, I, 173; VII, 170, 171.
- ⁶ *Diod.*, V, 64, I; 80, 1.
- ⁷ См.: *Hom. Od.*, III, 292; XIX, 176; *Strabo*, X, 4, 6; 4, 12. В тексте диска этот этноним фигурирует как в составе образованного от него топонима (B18, B21-B26), так и в форме, по-видимому, наиболее близкой к самоназванию (B19).
- ⁸ *Hom. Od.*, 292; XIX, 176; *Strabo*, X, 4, 6; 4, 12.
- ⁹ Ср.: *Strabo*, V, 2, 4; X, 4, 6; *Dion. Perieg.*, 349; *Etym. M.*, 768, 25.
- ¹⁰ *Diod.*, IV, 60, 2; V, 8, 4; Ср. также: *Dion. Hal.*, I, 18, 1; *Plut. Moral.*, 247 D, 296 B; *Steph. Byz.*, s. v. Dorion.
- ¹¹ *Herod.*, I, 173; VII, 92; ср. также: *Strabo*, XIV, 3, 10; *Paus.*, VI, 3, 7.
- ¹² *Herod.*, I, 172; ср. *Strabo*, XIV, 2, 3.
- ¹³ Перевод начального отрезка текста здесь слегка уточнен нами по сравнению с предложенным ранее (*Молчанов А. А.* Таинственные письма... С. 73, 103: «Сакавии правитель, в Кноссе царь, собрал...»), поскольку нельзя не учитывать, кроме всего прочего, возможное тождество грамматических показателей антропонима, стоящего в списке на первом месте, и следующих за ним (см. выше с. 121). Правда, достоверно установить тождественны ли морфемы в конечных слогах слов 02-12-13-01-18 (A1) и 02-27-25-10-23-18 (A14 = A20), удастся только после того, как станет понятной функция «вирамы». Тогда получит соответствующую, более обоснованную корректировку и перевод.
- ¹⁴ Минойский согласный [p], передававшийся посредством грече-

ского [φ] (ср. P1A-I-T = Φαιστός = Фест), мы транскрибируем по-русски через «ф».

¹⁵ Paus., V. 20, 1; ср. Plut. Lys., 1 (со ссылкой на Аристотеля) Практика пожертвования в святилища в качестве даров богам дисков с памятными надписями, в том числе и спиральными, долго сохранялась в Элладе, распространившись затем на Сицилию и Италию (ср.: Jakobsthal P. Diskoi // 93. Winckelmannsprogramm der archäologischen gesellschaft zu Berlin. Berlin; Leipzig 1933. S. 22—32. *Нерознак В. П.* Палеобалканские языки. М., 1978. Фото 17; *Брагинская Н. Я.* Я — кубок Нестора // ДИ. 1979. № 12. С. 18, 19).

¹⁵ Paus., V. 7, 6—10; 8, 1.

¹⁷ Уже в 1980 г., т. е. сразу же после опубликования полного издания нашей дешифровки, увидела свет работа П. Н. Казанского (*Казанский П. Н.* Некоторые соображения о письменности Фестского диска // Лингвистические исследования. 1980. Диакрония и типология языков. М., 1980. С. 107—113), в которой автор в принципе одобряет примененную нами методику дешифровки Фестского диска (правда, ошибочно называя искусственную билингву квазибилингвой). Но он по явному недоразумению почитал, что в своей работе мы опирались на кипро-минойские материалы. Ему же показалось странным несходство в композиционном оформлении текста диска (как содержащего перечисление имен минойских правителей) с другими списками лиц, происходящими из Эгеиды. Однако, согласно нашей трактовке, на диске зафиксирован не просто список типа кадастровых или инвентарных описей, а текст совсем иного характера, в основе которого лежит перечисление. Поэтому требовать, чтобы такой нарративный памятник копировал списки лиц документов хозяйственной отчетности, не приходится. Выделение же личных имен здесь произведено весьма четко: с помощью знака-детерминатива 02. Когда П. Н. Казанский смог познакомиться со всеми этими контраргументами (см. *Молчанов А. А.* Методика работы с минойскими текстами... 1984. С. 109), он признал их справедливость.

¹⁸ Термин «минойстика» для обозначения комплексной дисциплины, изучающей древности догреческого Крита, введен нами в употребление как самым непосредственным образом связанный с минойским языком и письменностями критян-минойцев (*Молчанов А. А.* Тайнственные письма... С. 107; *Он же.* Минойский язык... С. 84. Прим. 6; *Молчанов А. А., Нерознак В. П., Шарыпкин С. Я.* Указ. соч. С. 27. Прим. 27).

Принятые сокращения

BE	— Балканско езиковзнание. София.
БИ	— Балканские исследования.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ВИ	— Вопросы истории.
ВМУ	— Вестник Московского университета.
ДИ	— Декоративное искусство.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
НАА	— Народы Азии и Африки.
СА	— Советская археология.
АА	— Archäologischer Anzeiger. Berlin.
ААА	— Athens Annals of Archaeology.
АЖА	— American Journal of Archaeology. Princeton.
ВСН	— Bulletin de Correspondance Hellénique. Paris.
BSA	— Annual of the British School of Archaeology at Athens.
CMS	— Corpus der minoischen und mykenischen Siegel.
CP	— Colston Papers. London.
GRAI	— Comptes-rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris.
HSCPH	— Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge (Mass.).
IF	— Indogermanische Forschungen. Berlin.
IG	— Incunabula Graeca. Roma.
JHS	— The Journal of Hellenic Studies. London.
JNES	— Journal of Near Eastern Studies. Chicago.
JRAS	— Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London.
NC	— Le Nouvelle Clío. Bruxelles.
RA	— Revue archéologique. Paris.
RE	— Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll. Stuttgart.
SGDI	— Die Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften.
SIMA	— Studies in Mediterranean Archaeology. Göteborg.
SMEA	— Studi Micenei ed Egeo-Anatolici. Roma.

Имя и патронимик	Город	Время правления
Ровесазеро, 6-й из 7-ми царей «династии иероглифических печатей» (см. с. 46, рис. 14)	Кносс	1-я половина XVII в. до н. э.
Сатур (и)* «Великий»?	Кносс?	XVIII—1-я треть XVII в. до н. э.?
Саа..тепи(а)	Тиллесс?	2-я половина XVII в. до н. э.
Сааси...	Лато?	»
Сакавиц(и), глава федерации 12 городов Крита	Кносс	2-я половина XVII — начало XVI в. до н. э.
Са..пор(а) и Саупон(и), соправители	Аминис	»
Саянис(и) и Сатур(и), сын Саа..тепи(а), соправители	Тиллесс	»
Са..нас(и)	Вп..пон(и)	»
Сатетот(а)	По..	»
Апафатон(и) и его сын Сатур(и), соправители	Дав(и)	»
Сатур(и), сын Сааси....	Лато	»
Сакав(и) и Сааси...., соправители	Фест	»
..тот(и)	Л/Рако..с	»
Ридон(о)	Апгара	»
..ав(и)	Кидония	»
Яситон(и)	Миной?	»
..нап..д(о)	Кносс	1-я четверть XVI в.
На..папу..., сын ..нап..д(о)	Кносс	1-я половина XVI в.
Подамате	Кносс	1-я половина XVI в.
Радамант (Радамате?), основатель централизованного Критского государства	Кносс	около 2-й четверти XVI в.
Катрей	Кносс	1-я половина XIII в.
Девкаллион, брат Катрея	Кносс	около середины XIII в.
Идромей, сын Девкаллиона	Кносс	около середины XIII в.
Алтемен, возглавил дорийское переселение на Крит		XI в.

* В конце имен и топонимов в круглые скобки берутся окончания родительного падежа минойского языка.

Приложения

I. Текст лицевой и оборотной сторон таблички из Энкоми¹

- 1) 57-43-28, 18-37, 26-22-14, 45...
- 2) 55-32-52, 56-23-12-12, 13-09-11-...
- 3) 16-54-25-33, 19-06-27-24-29, 37-34-37-...
- 4) 55-32, 04-27-28-51-52, 22-14-03-32-50, ?-...
- 5) 55-24-52, 53-28-47, 53-28, 02-19-47-05, ?-...
- 6) ?-38-44, 57-17, 16-26-50-32, 14-51, 22-14-30-...
- 7) ?-06-20-36, 55-02-32, 49-07-47-05, 53-33-30-...
- 8) ?-? 26-22-49-05, 53-28-47, 02-19, 49-30-36, ?-...
- 9) ?-57-33, 16-45-27-52, 14-30-36-50, 17-54-20-...
- 10) 55-32, 19-06-27-24-29, 56-43, 24-14-12, 49-03-43-52;
- 11) 39-52, 53-28-47, 56-41-05, 55-32-02, 21-30-20-36;
- 12) 46-49-12, 44-47-06-25, 45-06, 55-32-52, 02-19-38-52;
- 13) 44-45, 19-44-42-10, 16-45, 21-12-33-12, 19-20-36-06-36;
- 14) 02-19-38-29, 25-44, 56-38-14, 55-32-02, 21-28-52;
- 15) 22-26-03, 55-19-32, 55-40-37, 31-19-33-12, 22-04-02-32;
- 16) 31-49-06, 49-50, 53-? 19-04-50, 55-49-25;
- 17) 52-40-28, 53-18-15, 55-51-30, 20-35-12, 37-20-03-48-29;
- 18) 45-30-11, 55-32, 56-51-03-12, 58-32-32, 55-25-54-03;
- 19) 58-22-29, 58-12-32-05, 53-28-47-05, 02-30, 20-47;
- 20) 58-25-25, 19-09, 57-45-03, 44-39, 11-32-28;
- 21) ...-05, 14-39-30, 25-04-58-12;
- 22) ...-?, 55-51-25-...
- 84) ...-?, 55-?-...
- 85) ...-?, 44-?-... ...-25-...
- 86) ...-?, 16-29, 25-44-...
- 87) ...-? ?-32, 58-45-36, 25-09, 58-...
- 88) ...-?, 57-49-24-06, 55-41, 44-17, 16-52-...
- 89) 55-?-... ...-12, 55-30-54, 19-02-32, 17-09-28-...
- 90) 55-?-28-24, 01-14, 02-32-41, 55-25-05, 21-20-35?
- 91) 53-25, 26-22-14-05, 58-43, 58-01-44, 55-31-...
- 92) 14-21-37, 14-06-36-17, 55-51-30, ?-...
- 93) 56-02, 20-22-26, 22-08-12, ?-...
- 94) 18-06, 14-43-10-12, 57-...
- 95) 57-45-05, 02-32, 55-...
- 96) 53-20, 08-48-48, ?-...
- 97) 04-14, 30-51, 04-45, 02-...
- 98) 55-52-32-25, 55-04-...
- 99) ?-41?-32-32, 56-49-52?...

II. Текст сторон А и В Фестского диска ²

A1. 02-12-13-01-18 *	B1. 02-12-22-40-07
A2. 24-40-12	B2. 27-45-07-35
A3. 29-45-07 *	B3. 02-37-23-05 *
A4. 29-29-34	B4. 22-25-27
A5. 02-12-04-40-33	B5. 33-24-20-12
A6. 27-45-07-12	B6. 16-23-18-43 *
A7. 27-44-08	B7. 13-01-39-33
A8. 02-12-06-18-?	B8. 15-07-13-01-18
A9. 31-26-35	B9. 22-37-42-25
A10. 02-12-41-19-35	B10. 07-24-40-35
A11. 01-41-40-07	B11. 02-26-36-40
A12. 02-12-32-23-38	B12. 27-25-38-01
A13. 39-11	B13. 29-24-24-20-35
A14. 02-27-25-10-23-18	B14. 16-14-18
A15. 28-01 *	B15. 29-33-01
A16. 02-12-31-26 *	B16. 06-35-32-39-33
A17. 02-12-27-27-35-37-21	B17. 02-09-27-01
A18. 33-23	B18. 29-36-07-08 *
A19. 02-12-31-26 *	B19. 29-08-13
A20. 02-27-25-10-23-18	B20. 29-45-07 *
A21. 28-01 *	B21. 22-29-36-07-08 *
A22. 02-12-31-26 *	B22. 27-34-23-25
A23. 02-12-27-14-32-18-27	B23. 07-18-35
A24. 06-18-17-19	B24. 07-45-07 *
A25. 31-26-12	B25. 07-23-18-24
A26. 02-12-13-01	B26. 22-29-36-07-08 *
A27. 23-19-35 *	B27. 09-30-39-18-07
A28. 10-03-38	B28. 02-06-35-23-07
A29. 02-12-27-27-35-37-21	B29. 29-34-23-25
A30. 13-01	B30. 45-07 *
A31. 10-03-38	

¹ Текст дается в принятом цифровом обозначении. Примечания: 1) запятая после слова обозначает наличие знака-словоразделителя; 2) точка с запятой после слова обозначает конец строки и ставится только после последнего слова в строке, сохранившегося целиком (за которым в поле таблички остается свободное место); 3) в самом конце строки 20 имеется значок в виде ровного углубленного кружка.

² Текст дается в принятом цифровом обозначении. Направление чтения — слева направо и сверху вниз. Звездочкой отмечены знаки, снабженные в тексте «вирамой». Пунктиром разделены 16 групп слов, на которые распадается текст диска, судя по употреблению знака-детерминатива 02.

III. Сравнительная таблица однокоренных слов текста Фестского диска и критских личных имен табличек линейного письма А и В

Корни	Слова текста Фестского диска	Личные имена табличек линейного А	Личные имена табличек линейного В из Кносса
kaw-	SA-KA-WI-PI* (A1) SA-KA-WI (A26) KA-WI (A30) KA-WI-P ₂ O-RA (B7) ?-NI-KA-WI-P ₂ I (B8)	Ka-wa Ka-we-qe	Ka-wa-ro Ka-wi-jo A-ka-wo
kon-	KO-NO-SA (A2) NI-KO-NO-SI (B10)		Ko-ni-da-jo
kud-	KU-DO-NI-DI* (B18) ?-KU-DO-NI-DI* (B21=B26) KU-DI-KA (B19)	Ku-do-ni Ku-ku-da-ra	Ku-da-jo A-ku-di-ri-jo
kur-	KU-RA-WI (B15)	Ku-ru-ku	Ku-ra-no Ku-ri-sa-to Ku-ru-ka A-ku-ri-jo
min-	KU-MI-NI* (A3=B20) A-MI-NI-SA (A6) A-MI-NI-SI (B2) NI-MI-NI* (B24) MI-NI* (B30)	Mi-nu-te	Mi-ni-so Mi-ni-to A-mi-ni-ja
pai-	P ₁ A-I-TA (A28=A31)		Pa-i-ti-ja A-pa-i-ti-jo
pat-	A-P ₂ A-TA-WI (B12)		Pa-ti Pa-to-ro
pis-	SA-?-P ₂ I-SI (A8) ?-P ₂ I-SO-NA (A24) NI-P ₂ I-SI (B23)	Pi-sa (топоним)	Pi-sa-wa-ta
rat-	RA-TO (A18)	Ra-ti-se A-ra-ti	Ra-te-me A-ra-ta Ja-ra-to Ri-di-ne-to
rid-	RI-DO-NO (B11)		Ri-di-ne-to
sit-	?-SI-TE-P ₂ O-RA (B16) ?-SI-TO-NI (B28)		Si-ta-ro
tet-	SA-TE-TO-TA (A12)	Te-tu-no	Te-ta-ro Te-te-u To-na-ta To-no
ton-	TO-NA-SI* (A27)		To-pe-si
top-	A-P ₂ A=P ₁ A-TO-P ₂ I (A14=A20) ?-TO-P ₂ I-KI* (B6) A-?-TO-P ₂ A (B22) NI-TO-P ₂ I-KO (B25) KU-?-TO-P ₂ A (B29)		
tur-	TU-RI-SI (A9) TU-RI-SA (A25) SA-TU-RI* (A16=A19=A22)		Tu-ri Wi-tu-ri-jo

IV. Предложные чтения слоговых знаков текста Фестского диска

	a	e	i	o	u	Неизвестные гласные
	27		03		22 (?)	
d	28		08 (?)	36		
j	06 (??)					
k	13 (??)		43 (?)	24	29	
m			45			
n	19 (??)		07	40		19 (??)
p ₁	10					
p ₂	25		18 (??)	39 (??)		39 (??)
r	33 (?)		26			34 (?)
s	12		35 (?)	17 (?)		17 (??)
						35
t	38	32 (??)	05 (??)	23 (?)	31	32 (??)
w			01 (?)			01
неизвестный согласный			05 (?)			
неизвестный согласный			18 (?)			39 (?)

V. Прочтение текста Фестского диска в результате подстановки только наиболее надежных чтений силлабограмм, полученных на лингвистическом этапе дешифровки.

A1. 02-SA-13-W-18 *	A22. 02-SA-TU-RI *
A2. KO-NO-SA	A23. 02-SA-A-14-32-18-A
A3. KU-MI-NI *	A24. 06-18-17-19
A4. KU-KU-34	A25. TU-RI-SA
A5. 02-SA-04-NO-33	A26. 02-SA-13-W.
A6. A-MI-NI-SA	A27. 23-19-S.*
A7. A-44-08	A28. P ₁ A-i-TA
A8. 02-SA-06-18-?	A29. 02-SA-A-A-S.-37-21
A9. TU-RI-S.	A30. 13-W.
A10. 02-SA-41-19-S.	A31. P ₁ A-I-TA
A11. W.-41-NO-NI	B1. 02-SA-22-NO-NI
A12. 02-SA-32-23-TA	B2. A-MI-NI-S.
A13. 39-11	B3. 02-37-23-05 *
A14. 02-A-P ₂ A-P ₁ A-23-18	B4. 22-P ₂ A-A
A15. DA-W.*	B5. 33-KO-20-SA
A16. 02-SA-TU-RI *	B6. 16-23-18-43 *
A17. 02-SA-A-A-S.-37-21	B7. 13-W.-39-33
A18. 33-23	B8. 15-NI-13-W-18
A19. 02-SA-TU-RI *	B9. 22-37-42-P ₂ A
A20. 02-A-P ₂ A-P ₁ A-23-18	B10. NI-KO-NO-S.
A21. DA-W.*	B11. 02-RI-DO-NO
	B12. A-P ₂ A-TA-W.

B13. KU-KO-KO-20-S.
 B14. 16-14-18
 B15. KU-33-W.
 B16. 06-S.-32-39-33
 B17. 02-09-A-W.
 B18. KU-DO-NI-08 *
 B19. KU-08-13
 B20. KU-MI-NI *
 B21. 22-KU-DO-NI-08 *

B22. A-34-23-P₂A
 B23. NI-18-S.
 B24. NI-MI-NI *
 B25. NI-23-18-KO
 B26. 22-KU-DO-NI-08 *
 B27. 09-30-39-18-NI
 B28. 02-06-S.-23-NI
 B29. KU-34-23-P₂A
 B30. MI-NI *

VI. Прочтение текста Фестского диска после подстановки и более гипотетических чтений силлабограмм.

A1. 02-SA-13-WI-18 *	A30. 13-WI
A2. KO-NO-SA	A31. P ₁ A-I-TA
A3. KU-MI-NI *	B1. 02-SA-U-NO-NI
A4. KU-KU-R.	B2. A-MI-NI-SI
A5. 02-SA-04-NO-RA	B3. 02-37-TO-05 *
A6. A-MI-NI-SA	B4. U-P ₂ A-A
A7. A-44-DI	B5. RA-KO-20-SA
A8. 02-SA-06-18-?	B6. 16-TO-18-KI *
A9. TU-RI-SI	B7. 13-WI-39-RA
A10. 02-SA-41-19-SI	B8. 15-NI-13-WI-18
A11. WI-41-NO-NI	B9. U-37-42-P ₂ A
A12. 02-SA-32-TO-TA	B10. NI-KO-NO-SI
A13. 39-11	B11. 02-RI-DO-NO
A14. 02-A-P ₂ A-P ₁ A-TO-18	B12. A-P ₂ A-TA-WI
A15. DA-WI *	B13. KU-KO-KO-20-SI
A16. 02-SA-TU-RI *	B14. 16-14-18
A17. 02-SA-A-A-SI-37-21	B15. KU-RA-WI
A18. RA-TO	B16. 06-SI-32-39-RA
A19. 02-SA-TU-RI *	B17. 02-09-A-WI
A20. 02-A-P ₂ A-P ₁ A-TO-18	B18. KU-DO-NI-DI *
A21. DA-WI *	B19. KU-DI-13
A22. 02-SA-TU-RI *	B20. KU-MI-NI *
A23. 02-SA-A-14-32-18-A	B21. U-KU-DO-NI-DI *
A24. 06-18-17-19	B22. A-R.-TO-P ₂ A
A25. TU-RI-SA	B23. NI-18-SI
A26. 02-SA-13-WI	B24. NI-MI-NI *
A27. TO-19-SI *	B25. NI-TO-18-KO
A28. P ₁ A-I-TA	B26. U-KU-DO-NI-DI *
A29. 02-SA-A-A-SI-37-21	B27. 09-30-39-18-NI
	B28. 02-06-SI-TO-NI
	B29. KU-R.-TO-P ₂ A
	B30. MI-NI *

VII. Прочтение текста Фестского диска после подстановки всех полученных чтений силлабogramм, включая и самые гипотетические³.

A1. 02-SA-"KA"-WI-"P ₂ I" *	A31. P ₁ A-I-TA
A2. KO-NO-SA	B1. 02-SA-U-NO-NI
A3. KU-MI-NI *	B2. A-MI-NI-SI
A4. KU-KU-R.	B3. 02-37-TO-"TI" *
A5. 02-SA-04-NO-RA	B4. U-P ₂ A-A
A6. A-MI-NI-SA	B5. RA-KO-20-SA
A7. A-44-DI	B6. 16-TO-"P ₂ I"-KI *
A8. 02-SA-"JA"-P ₂ I"-?(SI?)	B7. "KA"-WI-"P ₂ O"-RA
A9. TU-RI-SI	B8. 15-NI-"KA"-WI-"P ₂ I" *
A10. 02-SA-41-"NA"-SI	B9. U-37-42-P ₂ A
A11. WI-41-NO-NI	B10. NI-KO-NO-SI
A12. 02-SA-"TE"-TO-TA	B11. 02-RI-DO-NO
A13. "P ₂ O"-41	B12. A-P ₂ A-TA-WI
A14. 02-A-P ₂ A-P ₁ A-TO-"P ₂ I"	B13. KU-KO-KO-20-SI
A15. DA-WI *	B14. 16-14-"P ₂ I"
A16. 02-SA-TU-RI *	B15. KU-RA-WI
A17. 02-SA-A-A-SI-37-21	B16. "JA"-SI-"TE"-P ₂ O"-RA
A18. RA-TO	B17. 02-09-A-WI
A19. 02-SA-TU-RI *	B18. KU-DO-NI-DI *
A20. 02-A-P ₂ A-P ₁ A-TO-"P ₂ I"	B19. KU-DI-"KA"
A21. DA-WI *	B20. KU-MI-NI *
A22. 02-SA-TU-RI *	B21. U-KU-DO-NI-DI *
A23. 02-SA-A-14-"TE"-P ₂ I"-A	B22. A-R-TO-P ₂ A
A24. "JA"-P ₂ I"-SO"-NA"	B23. NI-"P ₂ I"-SI
A25. TU-RI-SA	B24. NI-MI-NI *
A26. 02-SA-"KA"-WI	B25. NI-TO-"P ₂ I"-KO
A27. TO-"NA"-SI *	B26. U-KU-DO-NI-DI *
A28. P ₁ A-I-TA	B27. 09-30-"P ₂ O"-P ₂ I"-NI
A29. 02-SA-A-A-SI-37-21	B28. 02-"JA"-SI-TO-NI
A30. "KA"-WI	B29. KU-R-TO-P ₂ A
	B30. MI-NI *

³ Примечания к прил. V—VII: 1) в словах с детерминативом «правитель» этот знак (02) сохранен; 2) на месте непрочтенных знаков оставлены их цифровые обозначения; 3) звездочкой отмечены слоговые знаки, снабженные в тексте диска «вирамой»; 4) в кавычки заключены наиболее гипотетические слоговые чтения (сопровождаемые в прил. IV двумя вопросительными знаками); 5) предполагаемые корневые блоки слоговых знаков, как прочтенных, так и оставленных в цифровом обозначении, в прил. VII подчеркнуты.

Указатель имен

Агамемнон 67, 109, 147	Бартопек А. 160
Акаво 179	Бекштрем А. Г. 105, 169
Акакаллида (Акалла) 139, 140	Биант 142
Акалла см. Акакаллида	Беннет Э. 65, 164
Акареу 139	Биллингмейер Дж. 168
Акудирийо 179	Блаватская Т. В. 98, 168
Акурийо 179	Блаватский В. Д. 160
Алексиу С. 14	Влеген К. 65
Алтемен (сын Катрея) 12, 147	Богаевский Б. Л. 160
Алтемен (вождь дорийцев на Крите) 147, 176	Бозанкье Р. 14
Амалтея 7	Бойд-Хоузз Г. 14
Амнифия 179	Бордман Дж. 168
Амусин Н. Д. 170	Брагинская Н. Я. 174
Андреев Ю. В. 160	Брэдшоу А. 169
Андрогей 9	Буффидис Н. 134, 172
Антонни Либерал 172	Вентрис М. 31, 65—68, 85, 162—164, 166, 167, 172
Апантийо 179	Вергилий 171
Апифатопп (правитель Дави) 128, 142, 153, 176, 179	Вермель Э. 14
Аполлодор 7, 47, 159, 163, 171—173	Видамаро 145
Аполлон 67, 122	Видамата 145
Аполлон Пифийский 122	Витурийо 179
Аполлопий 120	Гамкрелидзе Т. В. 165
Аполлопий Родосский 171, 172	Гектор 109
Арата 179	Гелиос 108, 109
Арати 179	Георгиев В. 92, 97, 98, 160, 168
Аргос 119, 143	Гера 96, 154
Ариадна 10	Геракл 9, 119
Аристотель 166, 174	Геродот 6, 24, 67, 146, 151, 152, 159, 171—173
Аройо 48	Гнидип Л. А. 107, 167, 169—172
Арциховский А. В. 170	Глускина Л. М. 160
Астерий 8	Годар Л. 161, 165
Атана 140; см. также Афина и Атана Кидонийская	Гомер 6, 65, 67, 78, 146, 151, 159, 163, 171—173
Атана (Афина) Кидонийская 144	Гораций 172
Атано 140	Гордон С. 95
Атимбр 139	Гордон Ф. 98
Атрей 144, 147	Гринбаум П. С. 164, 165
Афина 95, 140	Грумах Э. 32, 35, 101, 103, 107, 161—164, 168, 169
Афродита 80, 81	Грэхэм Дж. 160
Аэропа 144, 147	Давано 141
Бак Р. 159	Даварас 107
Батти Л. 159	Даведа 141

Дави 141
Даниел Дж. 166
Даре 145
Даро 145
Даса 172
Дасо 172
Даукис Р. 14
Девкалион 12, 47, 147, 176
Дедал 10, 11
Дейла Сета А. 101, 105, 107,
134, 168, 169
Демарш П. 14
Деметра 127
Деянов А. Ф. (Шеворош-
кин В. В.) 172
Джастесоп Дж. 165
Дикайос П. 82, 85, 166, 167
Дянрарх 7
Диодор Сицилийский 151, 172,
173
Дионис 96
Дионисий Галликарнасский 173
Дионисий Пернегет 173
Добльхофер Э. 160
Дьяконов И. М. 160, 165
Дэвис С. 82, 97, 134, 161,
166—168
Дюу И. 159, 168

Европа 7, 8, 80, 145, 146
Еписсен К. 92
Ерофеева Н. Н. 169

Зевс 6—8, 81, 95, 96, 147
Зевс Диктейский 146
Зервос Х. 159
Зеро 45
Зиттинг Э. 82, 95, 166
Златковская Т. Д. 160

Иванов Вяч. Вс. 160, 169
Иванов Л. В. 169
Идоменей 6, 7, 12, 47, 109, 147,
176
Икар 10, 11
Ильинская Л. С. 159, 160
Ипполит 144
Ипсен Р. 105—107, 169
Ифит 156

Кава 179
Каваке 179
Каваро 179
Кавийо 179
Казанскене В. П. 165
Казанский Н. Н. 165, 174
Калокеринос М. 13
Карагеоргис В. 167

Карнсеу 139
Каро 139
Кассиона (Кассионей) 145
Кассионей см. Кассиона
Катрей 12, 47, 144, 147, 176
Кенша В. 32, 161—164, 167
Кеншернер Г. 160
Кидон (Кюдон, Кудон) 116, 151
Климена 144
Клио 67
Кобер А. 65, 66, 164
Кокал 10—12
Колобова К. М. 160
Кондратов А. М. 107, 169, 171
Конидайо 179
Кречмер П. 148
Крон 7
Ксангудидис С. 14
Ксенаки-Сакеллару А. 161, 163
Ктисстопулос К. 95
Кудайо 179
Кудони 116, 151; см. также
Кидон
Кукаро 139
Кукудара 179
Курано 179
Курисато 179
Куртуа Ж. 167
Курука 179
Куруку 179
Кюни А. 92

Лагарик Ж. 167
Ландау О. 162, 171
Левн Д. 14
Лифф У. 124, 171

Маевский К. 160
Майер Э. 100, 105, 168, 169
Майрс Дж. 35, 64, 161, 164, 171,
172
Макалистер Р. 92
Маккей А. 105, 107
Маккензи Д. 92
Мани Э. 166
Маринатос С. 14, 21, 99, 107,
135, 159, 160, 168, 172
Массон О. 166, 167
Массон Э. 166, 167
Матц Ф. 159
Мейвор Дж. 14
Мелампод 142
Меллерн Х. 160
Меллиник М. 103
Менека 7
Мепелай 147
Мериджи П. 165—167

Мерпон 12, 147
Мерперт Н. Я. 169, 170
Милонас Г. 166
Минерва 95
Мишисо 179
Минито 179
Минос 6, 8—12, 14, 24, 47, 87,
108, 109, 115—117, 119, 142—
147, 151—153
Миносиды 108, 119, 143, 144, 147
Минотавр 10, 11, 95, 119
Минуте 149
Митфорд Т. 166
Мол 12
Молчанов А. А. 3, 4, 159, 161,
163—174
Монгайт А. Л. 160

Назаров В. П. 107
Пам В. 107
Папутийо 139
Немировский А. И. 159, 169, 171
Нерознак В. П. 165, 166, 171,
173, 174
Перон 109
Пестор 65, 109
Пис 9
Подамате 145, 176
Подаре 145
Подаро 145
Нойман Г. 99, 107, 125, 148,
168, 171
Потану 145

Одиссей 109
Оливье Ж.-П. 32, 159, 161, 165
Омэ М. 98
Опат 109
Орси П. 13
Орсилох 47

Павсаний 108, 109, 170—174
Пантия 179
Пасифая 108, 109
Паспаракис Г. 13
Пати 179
Патрос 179
Пелопс 144
Пендабери Дж. 14, 30, 159, 162,
171
Пенелона 145
Пернье Л. 5, 13, 92, 107, 158,
159
Перуцци Э. 165
Петере Б. Р. 160
Пини И. 168
Писавата 179

Платон Н. 14, 160
Плутарх 171—174
Плутон 7, 9
Полякова Г. Ф. 163, 173
Порциг В. 105—107
Посейдон 7—9
Поуп М. 163, 165, 172
Проб 171
Пройт 142
Пульезе-Каррателли Дж. 134

Радамант (Радамате) 8, 9, 139,
142, 145, 146, 152, 176
Радамате см. Радамант
Раба 90
Рамсес IV 101
Расин Ж. 144
Ратеме 179
Ратисе 179
Резон Ж. 165, 172
Рейнак А. 105, 169
Рей 7
Ридинето 79
Ридоно (правитель Ахтары) 116,
154, 176
Рове 44
Ровессазеро 44, 48, 53, 56, 17*
Рово 45

Савиньони Л. 13
Сазеро 44, 45
Сакави (правитель Феста) 128,
129, 142, 153, 176, 179
Сакавици (правитель Кносса)
128, 142, 153, 173, 176, 179
Сакарыйо 139
Сакелларакис Й. 161
Сакеллару А. 32, 161
Сакони А. 165
Сатегота 153, 176, 179
Сарпедон 8, 152
Сатир (Сатирос) 118, 119, 143
Сатирнас 119
Сатр 120
Сатрес 119
Сатрос 119
Сатрс 119
Сатури, сын Апафатопи (пра-
витель Дави) 118, 153, 176
Сатури (правитель Лато) 118,
153, 176
Сатури (правитель Тилисса)
118, 153, 176
Сатури «Великий» (?) 119, 143
Сатурия 119, 143
Сатури 120
Сатирос см. Сатир

Саунони (правитель Ампис) 140, 153, 176
 Саяниси (правитель Тилисса) 153, 176
 Своронос И. 172
 Сергеев В. М. 169
 Сигер Р. 55, 56
 Сидорова Н. А. 23, 160
 Ситаро 179
 Скилла 9
 Соколов Г. И. 160
 Спироулол Т. 165
 Стафил 151
 Стефан Византийский 173
 Стефенс Л. 165
 Стилмен У. 13
 Страбон 80, 117, 151, 153, 166, 171—173
 Талос 9, 119
 Танаго 57, 140
 Тапо 57, 140
 Та-урт см. Тоэрис
 Тесей 10, 11, 119
 Тетаро 179
 Тетеу 179
 Тетуно 179
 Титов В. С. 170
 Топата 179
 Топо 179
 Топеси 179
 Тоэрис (Та-урт) 103
 Тронский И. М. 164, 165
 Туно 172
 Туран 118
 Турп 179
 Тутмос III 21
 Уиллетс Р. 166, 167
 Уоррен П. 159
 Уран 7
 Федра 10, 144
 Феокрит 171, 172
 Фокуно Ж. 168
 Фор Р. 160, 165
 Фридрих П. 160
 Фукидид 6, 159, 172
 Фюрюмарк А. 165
 Хадзидакис И. 14
 Хальбхер Ф. 13
 Хатчинсон Р. 160
 Хемпль Дж. 94, 95
 Хиггинс Р. 160
 Хогарт Д. 14
 Холл Э. 14
 Цицерон 166
 Чэдунк Дж. 66, 68, 162—166, 172
 Шапутье Ф. 14, 130, 161
 Шарбоно Ж. 14
 Шарынкин С. Я. 165, 166, 171, 173, 174
 Шахермайр Ф. 160
 Шварц Б. 95, 96
 Шеворошкин В. В. 107, 169, 171, 172; см. также Деянов А. Ф.
 Шертель Э. 95
 Шеффер К. 166, 167
 Широков О. С. 165, 171
 Эванс А. 13, 17, 26, 27, 29—36, 38, 41, 43, 49, 50, 54, 55, 59, 63—66, 92, 98, 101, 103, 107, 159, 161—164, 166, 168, 171, 172
 Эврипид 144
 Эгей 9, 10
 Элер 166
 Этон 47
 Эфор 173
 Эфрон Г. 95, 96, 166
 Якобсталь П. 174
 Ярато 179
 Ясптони (правитель Мпноп?) 154, 176

Указатель географических названий и этнонимов

Агна-Триада 13, 129
 Азия 8, 14, 96
 Акалессос (Акарассос) 139
 Акара 139
 Акарассос см. Акалессос
 Америка 26
 Амнис 14, 113—117, 121, 141, 144, 148, 153, 157, 176
 анатолийцы 150, 152; см. также карийцы, ликийцы, лувийцы, палайцы, термилы, хетты
 англичане 14, 98, 107
 Аптара (Апатава) 117, 118, 154, 176, 179
 Аргонида 119
 Аргос 129, 142
 Аркадия 119
 Аркалохори 99, 112, 130, 131, 133, 138, 141, 143, 145, 150
 Атлантида 22, 98
 Атика 9, 172
 Афины 9, 10, 26, 32, 144
 Африка 8, 14, 26
 Ахейская Греция см. Микенская Греция
 ахейцы (греки-ахейцы, ахейне) 3, 6, 22, 31, 67, 69, 72, 74, 80, 119, 151
 ахейне см. ахейцы
 ацтеки 26
 Балкано-Малозавийский регион 3
 Балканский полуостров (Балканы) 3, 14, 21, 23, 69, 107, 122, 152, 160, 169
 Балканы см. Балканский полуостров
 Берлин 26, 54
 Биба 92
 Восточное Средиземноморье 6, 9, 12, 14, 15, 21, 93
 Восточный Крит 52, 54, 87, 103, 117, 118
 Врокастро 14
 Галикарнасс 152
 Гераклион (Кандия) 13, 30, 36, 54
 Гортина 6, 13
 греки (элланы) 3, 6—9, 14, 24, 27, 28, 31, 68, 95, 107, 151, 152
 греки-ахейцы см. ахейцы
 греки-киприоты 70
 Греция (Эллада) 6, 10, 12, 22, 23, 27, 32, 64, 67—69, 80, 107, 108, 121, 146, 174
 Гурния 14, 117
 Дави см. Даво
 Даво (Дави) 141, 143, 153, 176
 Дальний Восток 25
 Дельфы 122
 дорийцы 6, 22, 80, 147, 151
 Европа 4, 14, 18, 23—25, 80, 143, 154, 158
 Египет 17, 21, 24, 101, 103, 132, 160
 египтяне 24, 132
 Закрос 14, 103, 117
 Западный Крит 118
 Ида 13
 Икарійское море 10
 Илион см. Троя
 Инд 25
 Ирак 21
 Италия 66, 174
 итальянцы 14, 107
 Итанос 87, 140
 Кавказ 91
 Кави 128, 152
 Камик 11
 Кандия см. Гераклион
 карийцы 152
 Кастелли-Педнадос 103
 Кеос 78

Кидопия 116, 118, 124, 126, 141, 151, 154, 176
кидоны (кудны) 6, 116, 124, 128, 151, 154
Кикладские острова 14, 78
Кима 147
Кипр 64, 80, 81, 89—91
кипро-минойцы 91
китайцы 24
Кнос 6, 10, 11, 13—20, 22, 30, 31, 36—38, 41, 45, 47—49, 52, 58, 64, 68, 72—74, 76, 103, 113—118, 120—123, 132, 138, 139, 141—145, 151, 153, 154, 157, 158, 172, 176
Кносская держава см. Кносское царство (минойского периода)
Кносское царство (ахейского периода) 72, 74, 78
Кносское царство (минойского периода), Кносская держава, Критская держава 20—22, 80, 119, 145, 146
Кордакия 54
Крит 4—18, 20—23, 25—27, 29—34, 41, 47, 49, 57, 59, 60, 62—65, 68, 69, 72, 75, 78, 80, 81, 87, 89, 90, 92, 93, 95, 96, 100, 101, 103, 107—109, 112—115, 119—122, 127—129, 131, 132, 137, 138, 141—158, 172, 174
Критская держава см. Кносское царство (минойского периода)
критяне 6—8, 12, 16, 18, 20, 27—29, 78, 87, 132, 152, 174
кудны см. кидоны
Лабиринт (в Кносе) 10, 13, 19
Лаконика 166
Лато 117, 143, 153, 176
Лебена 14
Лесбос 147
Ливан 7
Ликаст 6
ликийцы 152
Ликия 103
Ликт 6
Лондон 94
лувийцы 82, 107
Мавро-Снелло 102, 103
майя 24, 26
Малая Азия (Анатолия) 12, 14, 17, 25, 70, 82, 89, 91, 92, 95, 98, 103, 120, 122, 152

Маллия 14, 103, 117, 130, 161
Мегары 9, 10
Медишет-Абу 101
Мелос 78
Месопотамия 21, 160
Мессара 14
Микенская (Ахейская) Греция 67—69, 78, 119
микенцы 67; см. также ахейцы (ахейне), греки-ахейцы
Микены 64, 67, 68, 76, 147
Милет (на Крите) 6
минойцы 4, 22, 28—30, 40, 52, 60, 68, 72, 78, 80, 89, 90, 119, 139, 148, 150, 151, 174, см. также кидоны, кудны, этеокритяне
Миной (распространенный топоним минойского происхождения) 12
Миной (около Кидопии на Крите) 118, 124, 154
Немцы 107
Нил 28, 59
Новый Свет 24
Нью-Йорк 94
Океания 26
Олимпия 109, 154, 156
Оксфорд 26, 27, 32
Палайцы 107
Палекастро 14, 117
Палестина 101, 122
Парос 142
Пасхи остров 24, 26
пеласги 6, 107, 122, 150, 151; см. также филистимляне
Пелопоннес (Пелопоннесский полуостров) 65, 67, 79, 119, 122, 143, 145
Пелопоннесский полуостров см. Пелопоннес
Пилос 65, 68, 72, 74, 76—78
Пилосское царство 72, 74, 78
Пиренейский полуостров 21
Писа 179
Полихна 151
Помпей 14
Прес 146, 151
протохетты см. хатты
Райа 90
Рас-Шамра см. Угарит
Рим 109
римляне 119, 120

Ритий 7
Родос 12
Санторин (Фера) 14, 21
Сарды 96
сатры 120
Сатурейум см. Сатурнион
Сатурнион (Сатурейум) 143
Северная Африка 14
Северная Месопотамия 91
Северо-Восточное Средиземноморье 106
Сирия 12, 25
Сития 54
Сицилия 6, 10, 12, 143, 174
Спарта 6, 87, 142
Средиземное море 7
Средиземноморье 16, 63, 85, 145, 169
Средняя Греция 9, 68
Суда 118
Талос 140
Тарент 143
термилы 152
Тиллис 14, 113—115, 117, 118, 121, 142, 143, 153, 157, 176
Тиринф 68
Тихий океан 24
Троя (Иллон) 12, 47, 98, 147
Тюбинген 82
Угарит 92, 128
Фасос (Тасос) 142
феаки 121
Фера см. Санторин
Фест 5, 7, 13, 14, 18, 99, 113, 116—118, 128, 129, 143, 153, 156, 157, 174, 176
Фивы 68

Филистимляне 101, 122; см. также пеласги
Финикия 7, 8
фракийцы 120, 150; см. также пеласги, сатры
фригийцы 120
Хатты (протохетты) 89, 107
хетты 82, 107
хурриты 91
Центральная Америка 26
Центральный Крит 52, 99, 113, 117, 161
Эвбея 144
Эгеда (Эгейский бассейн) 3, 23, 72, 89, 93, 105, 107, 122, 124, 125, 139, 140, 144, 148, 152, 174
Эгейский бассейн см. Эгеда
Эгейское море 6, 9, 10, 12, 16, 21, 22
Эгина 109
Элида 145
Эллада см. Греция
эллины см. греки
Энкоми 81—86, 88—91, 168, 177
этеокритяне 146, 150—152; см. также минойцы
этруски 122
Эфес 98
Юго-Восточная Азия 25
Южная Греция 68
Южная Италия 143
Южный Иран 25
Южный Крит 113, 118
Ярдан 151

Оглавление

От редактора	3
Глава 1. Научная сенсация и древние предания . .	5
Глава 2. Древности Крита	13
Глава 3. Писать начинали пероглифами	23
Глава 4. Царские печати	33
Глава 5. Надписи на печатях	48
Глава 6. Развитие письменности на Крите	59
Глава 7. Микенология — младшая питомица Клио	67
Глава 8. Миноиды и их надписи на острове Афродиты	80
Глава 9. Поиски ключа к разгадке: надежды и разочарования	92
Глава 10. Результаты общих усилий	99
Глава 11. Имена и топонимы	108
Глава 12. Корни, префиксы, суффиксы, окончания	120
Глава 13. Надпись на секире	129
Глава 14. Великая династия кноссских владык . .	138
Глава 15. Проверка и еще раз проверка	147
Примечания	159
Принятые сокращения	175
Хронологическая таблица критских царей II тыс. до н. э.	176
Приложения	177
Указатель имен	183
Указатель географических названий и этнонимов . .	187

Молчанов Аркадий Анатольевич

ПОСЛАНЦЫ ПОГИБШИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

(Письмена древней Эгеиды)

Заведующий редакцией Г. И. Романова

Редактор издательства Т. М. Скринова
Художник Б. К. Шановалов
Художественный редактор И. Д. Богачев
Технический редактор Т. С. Жарикова
Корректоры Л. А. Лебедева, Л. В. Щеголев

ИБ № 45576

Сдано в набор 29.07.91

Подписано к печати 3.02.91

Формат 84 × 108^{1/32}

Бумага газетная

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр. отт. 10,5.

Уч.-изд. л. 11,2

Тираж 3450 экз. Тип. зак. № 924

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485,
Профсоюзная ул., 90.

4-я типография издательства «Наука»
630077, Новосибирск 77,
ул. Станиславского, 25

·НАУКА·

Загадочные тексты II тысячелетия до н. э. с острова Крит и из материковой Греции долгое время не поддавались дешифровке. Ныне они дают уникальную информацию о первых цивилизациях на территории Европы — минойской и микенской, смутные воспоминания о которых сохранились в античных мифах. В книге показан процесс работы с памятниками забытых письменностей, излагаются результаты многолетних исследований автора по этой тематике.

